

Джеймс Стивенс

ИРЛАНДСКИЕ
ПРЕДАНИЯ

Свыше тридцати иллюстраций
Артура Рэкхема

БИБЛИОТЕКА МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

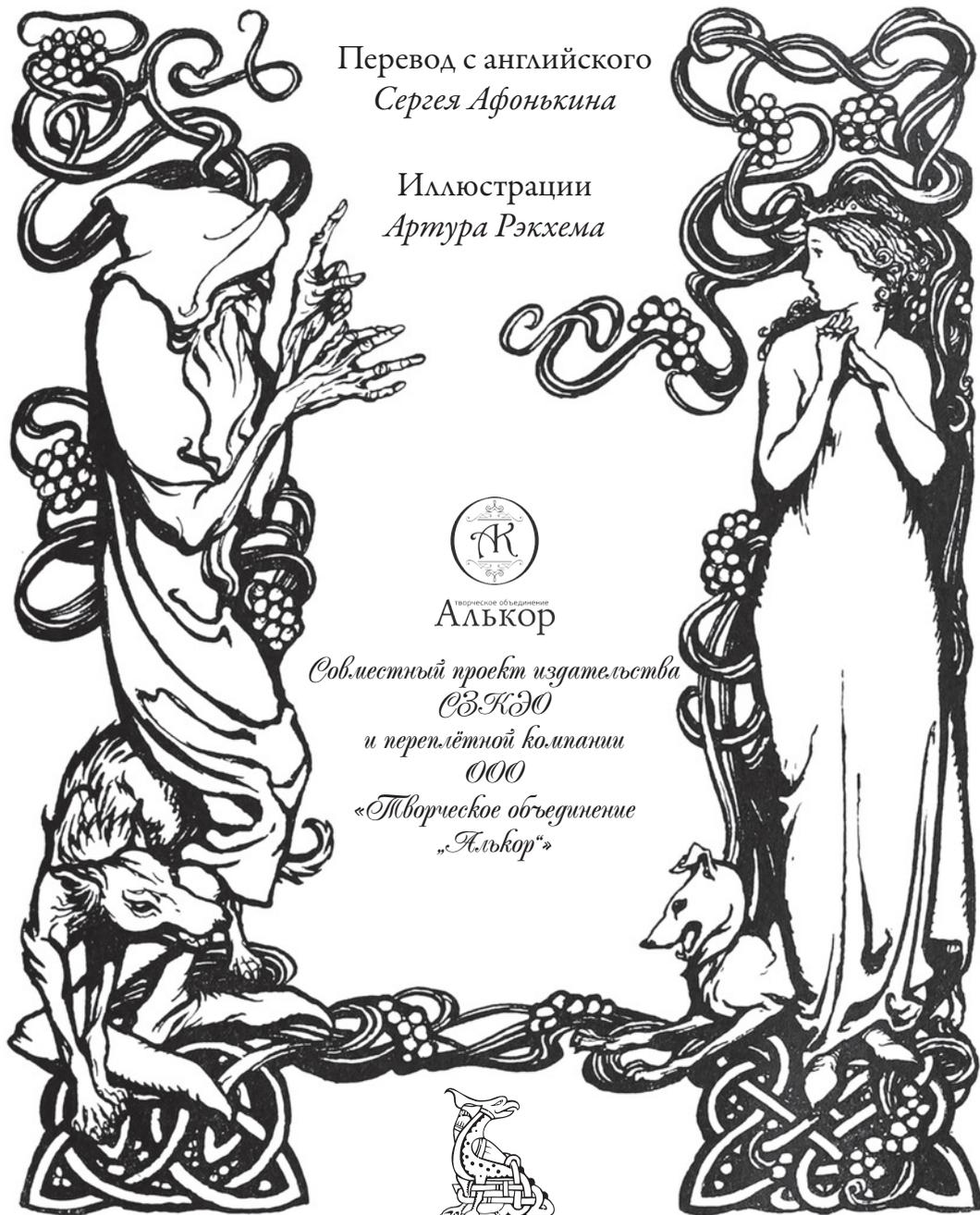
Джеймс Стивенс
(1882–1950)

ДЖЕЙМС СТИВЕНС

ИРЛАНДСКИЕ ПРЕДАНИЯ

Перевод с английского
Сергея Афонькина

Иллюстрации
Артура Рэкхема

творческое объединение
Алькор

Совместный проект издательства
СЗКЭО
и переплётной компании
ООО
«Творческое объединение
„Алькор“»

Санкт-Петербург
СЗКЭО

ББК 84.4
УДК 821.111
С80

Первые 100 пронумерованных экземпляров от общего тиража данного издания переплетены мастерами ручного переплета ООО «Творческое объединение „Алькор“»

Классический европейский переплет выполнен из натуральной кожи особой выделки растительного дубления. Инкрустация кожаной вставкой с полноцветной печатью.

Тиснение блинтовое, золотой и цветной фольгой.
6 бинтов на корешке ручной обработки.

Использовано шелковое ляссе, золоченый каптал из натуральной кожи, форзац и нахзац выполнены из дизайнерской бумаги Malmergo с тиснением орнамента золотой фольгой. Обработка блока с трех сторон методом механического торшонирования с нанесением золотой матовой полиграфической фольги горячим способом.

Оформление обложки пронумерованных экземпляров разработано в ООО «Творческое объединение „Алькор“»

С80 **Стивенс Джеймс.** Ирландские предания: — Санкт-Петербург. СЗКЭО, 2022, — 272 с.: ил.

Издание включает десять ирландских мифов, переработанных и записанных самобытным ирландским писателем Джеймсом Стивенсом. В в его талантливом изложении эти древние предания обрели оригинальную стилистику и насытились яркими метафорами. По этим текстам Стивенса и по сей день интересно знакомиться с фольклором Ирландии. Их перевод с английского выполнен С. Ю. Афонькиным. В конце книги приведена биография Стивенса и краткий очерк о творчестве знаменитого британского художника Артура Рэкхема, рисунками которого украшено данное издание.

ISBN 978-5-9603-0767-3 (7БЦ)
ISBN 978-5-9603-0768-0 (Кожаный переплет)

© СЗКЭО, 2022

ИСТОРИЯ ТУАНА МАК-КАЙРИЛА

Глава I

Финниан, настоятель Мовилла¹, в большой спешке отправился на юг и на восток. В Донеголе² до него дошли слухи, что на подопечной ему территории есть еще люди, верящие в богов, которых он не приемлет, а к божествам, коих мы не одобряем, даже праведники относятся с презрением.

Ему рассказали об одном влиятельном господине, который не соблюдал ни престольных праздников³, ни воскресений.

— Должно быть, это могущественный человек! — сказал Финниан.

— Еще какой! — ответили ему.

— Испытаем его силу! — молвил Финниан.

— Говорят, он также слывет мудрым и отважным, — сказал ему осведомитель.

— Так испытаем его мудрость и отвагу!

¹ Аббатство Мовилла (Moville Abbey) в графстве Даун, одно из самых важных в Ирландии, было основано в 540 г. проповедником Финнианом после того, как он вернулся в Ольстер из Рима, где был рукоположен в священники. Название аббатства произошло от ирландских слов *magh bile* («равнина древнего дерева»); считается, что на его месте язычники ранее поклонялись священному дереву.

² *Донегол* — графство на севере Ирландии.

³ Престольными называют праздники в память святого, во имя которого освящен храм или придельный престол храма.

— Говорят еще, что он колдун, — шепнули Финниану.

— Я переколдую его! — в сердцах воскликнул Финниан. — Где живет этот человек?

Ему о том поведали, и Финниан без промедления направился в указанном направлении.

Вскоре он подошел к оплоту этого господина, держащегося старой веры, и потребовал, чтобы его впустили, дабы проповедовать в пользу нового Бога, а также чтобы уничтожить саму память о древних божествах, ибо к состарившимся богам Время так же безжалостно, как и к одряхлевшему нищему.

Однако господин из Ольстера¹ не впустил Финниана. Он закрылся в собственном доме, захлопнул ставни на окнах и во мраке своего упорства продолжал совершать древние обряды, насчитывающие уже десять тысяч лет. При этом он не обращал внимания ни на крики Финниана снаружи, ни на само Время, которое стучалось в дверь его дома.

Из этих двух противников его беспокоил лишь Финниан, ведь именно он представлялся реальной угрозой. Времени сей господин не опасался, ведь он был его молочным братом. К новому же суровому Богу он относился столь неуважительно, что даже не снисходил до презрения Оного. От ударов его косы благополучно уворачивался, перепрыгивал через нее, так что одно лишь Время, посмеиваясь, могло приняться за Туана, сына Кайрила², который был сыном Муредаха Красношеего³.

¹ *Ольстер* — одна из четырех исторических провинций на острове Ирландия. Часто Ольстером неофициально называют именно Северную Ирландию.

² В ирландской мифологии *Туан Мак-Кайрил* (Tuán mac Cairill) — отшельник, переживший Потоп. Благодаря серии превращений в животных он дожил до христианских времен.

³ *Муредех Красношей* (Muredac Redneck) — живший в V в. король Улада; Уладом (Ulaidh), а иначе Ульстером, называли одно из королевств в Древней Ирландии.

Глава II

Финниан терпеть не мог, чтобы кто-то противился Евангелию и его собственной воле, поэтому он приступил к штурму укрепления мирными, но действенными методами. Он решил поститься перед домом сего человека, ведь Финниан считал, что тогда его точно впустят; ибо для гостеприимного сердца недопустима сама мысль, что некий незнакомец может умереть на пороге его дома просто от голода¹. Тем не менее тот господин сдаваться без борьбы не собирался. Он думал: когда Финниан достаточно проголодается, он снимет осаду и уберется куда-нибудь, чтобы подкрепиться. Однако плохо же он знал Финниана! Знаменитый аббат сел прямо перед его дверью, решив принять все последствия, к которым могли привести его поступки. Он вперил свой взор в землю прямо перед собой и погрузился в размышления, которые могли закончиться либо его победой, либо гибелью.

Первый день прошел спокойно.

Порой хозяин дома посылал своего слугу глянуть, стоит ли еще этот изменник древним божествам перед его дверью, и каждый раз слуга отвечал, что да, он все еще там.

— Ничего, утром уберется, — бормотал хозяин дома, сам себя обнадеживая.

На следующий день осадное положение не изменилось. В течение этого дня слуг не раз отправляли посмотреть, как там обстоят дела снаружи.

¹ Согласно древним ирландским законам (*англ.* *brehon law*), действовавшим до вторжения англичан, истец мог устроить демонстративную голодовку у порога обвиняемого, взывая тем самым к справедливому суду.

— Идите, гляньте — говорил им хозяин, — не убрался ли еще восвосяи этот поклонник новых богов.

Однако слуги каждый раз возвращались, говоря одно и то же:

— Нет, этот новый жрец все еще там.

В течение всего этого дня никто не мог покинуть запертый дом. Вынужденное уединение влияло на умонастроения слуг; без привычной работы они сбивались в группки, шептались, судачили и спорили. Затем расходились, чтобы посмотреть через щелки на неподвижную фигуру перед дверью. Сидящий же человек был погружен в размышления; он выглядел беззаботным и, казалось, не замечал времени. Слуг это пугало. Раз или два какая-то женщина истерически заголосила, но служанка, ее подруга, заткнула ей рот, чтобы не тревожить слух хозяина.

— Тише! — сказали этой женщине. — У него и без тебя забот хватает. Видишь — идет битва богов!

— Вот если бы, — сказал один раздраженный охранник, — вот если бы могли мы пощекотать копьём этого настойчивого незнакомца или же швырнуть в него камнем с острыми краями!

— Что ты такое говоришь! — гневно осадил его хозяин дома. — Разве можно метнуть копьё в безоружного незнакомца? Не из моего дома!

С этими словами он влепил звонкую затрещину нахальному слуге.

— Успокойтесь вы все, — сказал он, — ибо у голода есть кнут, и ночью он прогонит этого чужеземца.

Да что там женщины! Мужчинам тоже было не по себе. Они бродили туда и сюда по дому и пробирались от кухни под крышу с башенками. С нее смотрели они на неподвижную фигуру внизу и судачили о разных вещах, в том числе и о стойкости этого человека, достоинствах их хозяина и даже о возможности того, что новые боги могут быть такими же могущественными, как и старые. После этих наблюдений и размышлений они возвращались вниз обескураженными.

Обитатели дома удалились и растянулись на своих жалких лежанках; однако хозяину дома было не до сна. Всю ночь прошагал он по своим палатам, частенько выглядывая наружу через дверную щелку, чтобы посмотреть, маячит ли еще перед входом темная фи-

гура во мраке, а потом он возвращался к себе, озабоченный и мучимый сомнениями; он даже отказывался приласкать свою любимую собаку, которая тыкалась мокрым носом в его сжатые кулаки.

Наутро он сдался.

Огромная дверь дома широко распахнулась, и двое слуг внесли Финниана в дом, ибо этот праведник не мог уже ни ходить, ни держаться прямо из-за голода и холода, который он так долго терпел. Однако телом проповедник сей был крепок, и обитавший в нем неукротимый дух вскоре снова был готов к возможным спорам или к проклятиям.

Восстановив свои силы, Финниан готовился поспорить с хозяином дома и об осаде его цитадели, и о других вещах, которые их интересовали.

Финниан поборол недуг Мугайны¹, он превзошел своего собственного ученика, великого Колума Килле²; Туан же открыл для этого настойчивого незнакомца не только дверь своего дома, но и свое сердце. Финниан же вошел туда, чтобы исполнить и свою, и Божью волю.

¹ *Мугайна, или Мугань* (Mugain) — персонаж ирландской мифологии, знаменитая королева, которую Финниан излечил от бесплодия с помощью святой воды.

² *Колум Килле* («Голубь церкви»), иначе святой Колумба — ирландский святой VI в., проповедник христианства в Шотландии и ученик Финниана.

Глава III

Однажды беседовали они о величии Бога и любви Его, ибо хотя Туан уже и получил немало разъяснений на этот счет, тем не менее хотел он послушать еще, поэтомцу насел на Финниана так же плотно, как Финниан до того на него во время осады его крепости. Однако человек трудится и снаружи, и внутри. После отдыха он полон сил, но, обретя силу, нуждается в отдыхе; и потому, дав наставления, мы сами в них нуждаемся и должны получить их, иначе дух слабеет, и сама мудрость приобретает горький привкус.

Поэтому Финниан попросил:

— Расскажи мне теперь о себе, добрый человек.

Однако Туан хотел слушать об Истинном Боге.

— Нет, нет, — сказал он. — Прошлое меня больше не интересует, и не желаю я, чтобы что-нибудь встало между душой моей и наставлениями твоими. Продолжи учить меня, дорогой друг и святой отец.

— Так и сделаю, — ответил Финниан. — Но сперва должен я хорошенько понять тебя, узнав получше. Расскажи мне о своем прошлом, дорогой мой, ибо человек и есть его прошлое и по нему следует узнавать его.

— Пусть прошлое останется прошлым, — взмолился Туан, — ибо человеку нужна не только память, но и умение забывать.

— Сын мой, — ответил Финниан. — Все когда-либо содеянное было сотворено во славу Божию, и исповедоваться в добрых и злых делах есть часть обучения; ибо душа должна помнить о своих действиях и принимать их или отказываться от них, раскаявшись в содеянном. Расскажи мне сначала, кто ты и откуда, по какому пра-

ву владеешь ты землей этой и сей твердыней; дай мне познать дела твои и саму душу твою.

— Знают меня как Туана, сына Кайрила, сына Муредаха Красношеего, — покорно ответил Туан, — и все это земли, полученные от отца моего.

Святой кивнул.

— Не так я хорошо знаком с ольстерскими родами, как следовало бы, но кое-что о них мне известно. Сам я по крови лейнстерманец¹, — заметил он.

— У меня длинная родословная, — пробормотал Туан.

Финниан слушал его с уважением и любопытством.

— Я тоже из весьма древнего рода, — заметил он.

— Я в самом деле Туан, сын Старна, а тот был сыном Серы, который был братом Партолона², — продолжил хозяин дома.

— Однако здесь какая-то ошибка, — возразил Финниан в замешательстве. — Ты же говоришь о двух разных родословных!

— Действительно, они разные, — задумчиво ответил Туан, — но они обе мои.

— Я не понимаю тебя! — резко заявил Финниан.

— Ныне я известен как Туан Мак-Кайрил³, — ответил его собеседник. — Однако же во времена оные был я известен и как Туан Мак-Старн Мак-Сера.

— Это же брат Партолона! — ахнул святой.

— Такова моя родословная, — ответил Туан.

— Однако, — возразил смущенный Финниан, — Партолон пришел в Ирландию вскоре после Потопа...

— И я пришел вместе с ним, — спокойно добавил Туан.

Тут святой поспешно отодвинул свой стул от хозяина дома и вперил в него свой взгляд. И по мере того как взирал он на него, кровь стыла в его жилах, а волосы на голове шевелились и вставали дыбом.

¹ *Лейнстер (Лейнстер)* — провинция на востоке Ирландии.

² *Партолон* — в мифах предводитель первого из легендарных ирландских племен, *Старн* — его племянник.

³ Приставка *Мак-* в ирландских именах означает «сын».

Глава IV

Однако Финниан был не из тех, кто долго пребывает в замешательстве. Он подумал о могуществе Бога, и обрел он его силу, и вновь стал спокоен.

Финниан был из тех людей, что любят Бога и Ирландию, и к тому, кто мог поговорить с ним на эти высокие темы, он обращал все внимание своего ума и сочувствие своего сердца.

— Чудесные вещи говоришь ты, мой дорогой, — молвил он. — Расскажи мне побольше о них.

— Что же я должен рассказать? — покорно спросил Туан.

— Расскажи мне о начале времен в Ирландии и о происхождении Партолона, который был сыном сына Ноева.

— Я почти позабыл его, — ответил Туан. — Помню, у него была окладистая борода, и был он широк в плечах. То был добродетельный и добронравный человек.

— Продолжай, дорогой мой, — молвил Финниан.

— Прибыл он в Ирландию на корабле. С ним были двадцать четыре мужчины и двадцать четыре женщины. Прежде в Ирландии не высаживались люди, и в западных ее землях не было ни единой души человеческой. Когда мы смотрели на Ирландию с моря, этот край казался нам бескрайним лесом. Везде, докуда могли дотянуться наши взоры, по всем направлениям, стояли одни деревья; и от них несся несмолкающий птичий гомон. Над всей этой землей тепло светило лучезарное солнце, так что нашим утомленным морем глазам и нашим измученным ветром ушам представлялось, что мы направляемся к самому раю.

Мы пристали к берегу и услышали рокот воды, глухо доносившийся из лесной чащи. Следуя вдоль потока, вышли мы на

*В реках Эйре водилась рыба, а в чащах — звери. По равнинам и лесам
бродили громадные дикие и в то же время робкие существа.
Сквозь эти создания можно было видеть
и сквозь них можно было пройти*

освещенную солнцем поляну, где земля была согрета его лучами, и там Партолон остановился на отдых со своими двадцатью четырьмя семейными парами, и там он основал поселение и жилье.

В реках Эйре¹ водилась рыба, а в чащах — звери. По равнинам и лесам бродили громадные дикие и в то же время робкие существа. Сквозь эти создания можно было видеть и сквозь них можно было пройти. И долго мы жили в полном достатке, наблюдая, как появляются перед нами новые звери — медведи, волки, барсуки, олени и кабаны.

Люди Партолона множились, пока из двадцати четырех пар не стало их пять тысяч, и все они жили в дружбе и довольстве, хотя и без всякого соображения.

— Без всякого соображения? — переспросил Финниан.

— Да ум-то им особо и не нужен был, — подтвердил Туан.

— Я слышал, что первопоселенцы были бездумны, — заметил Финниан. — Однако продолжай свой рассказ, мой дорогой.

— Затем, и внезапно словно ветер налетел, в одну ночь до рассвета пришла хворь, от которой вздувались животы и краснела кожа, и на седьмой день все племя Партолоново было мертво, погибли все, кроме одного человека.

— Один всегда спасется, — задумчиво заметил Финниан.

— Я и был тем самым человеком, — молвил его собеседник.

При этих словах Туан приложил длани к челу своему, вспоминая дошедшие через баснословные века воспоминания о начале мира и первых днях Эйре. А Финниан, у которого снова похолодела кровь, а по телу поползли мурашки, словно бы вглядывался вместе с ним в то далекое прошлое.

¹ *Эйре* – ирландское название острова и государства Ирландии

Глава V

— Расскажи дальше, мой дорогой, — пробормотал Финниан.
— Я остался один, — продолжил Туан. — И был я настолько одинок, что собственная тень моя пугала меня. Я был так одинок, что крик птицы в полете или скрип мокрой от росы ветви гнали меня в укрытие, словно кролика, что в страхе ныряет в нору свою.

Вскоре лесные твари почуяли и поняли, что я остался один. Мягко ступали они, и неслышно крались за мной по пятам, и рычали, когда я оборачивался и смотрел на них. Огромные серые волки с вываленными из пасти языками следили за мной горящими глазами и преследовали меня до моего укрытия в скалах; самая слабосильная тварь и та охотилась на меня, и не было в то время существа, которое не могло бы бросить мне вызов. Так прожил я два десятка лет и два года, пока не узнал всего, что ведомо животным, и не позабыл все, что знает человек.

Я мог бесшумно красться, как звери; и мог бежать, как они, не зная усталости. Я мог хорониться и терпеливо ждать, как дикий кот, затаившийся среди листвы; я мог учуять опасность во вре-

мя сна и броситься вперед, выпустив когти; мог я лаять, и рычать, и клацать зубами, и рвать ими добычу.

— Продолжай, мой дорогой, — сказал Финниан. — В Господе обретешь ты покой, сердце мое.

— По прошествии этого времени, — молвил Туан, — в Ирландию с флотом из тридцати четырех судов прибыл Немед¹, сын Агномана, и на каждом судне было по тридцать пар человек.

— Слыхал я об этом, — заметил Финниан.

— Мое сердце затрепетало от радости, когда увидал я сию огромную флотилию. Она приближалась к суше в поисках гавани, и я последовал за ней вдоль изрезанных скал, прыгая с камня на камень, аки горный козел. И покуда корабли качались на волнах морских, я наклонился у озерца, чтобы напиться, и узрел свое отражение в студеной воде.

И увидел я, что был волосат, взлохмачен и щетинист, как дикий кабан; и что был я тощ, как облетевший куст; и что седею я барсучка; и был я иссохшим и сморщенным, как пустой мешок; и голым, как рыба; и был я жалок, как голодная ворона зимой; а на пальцах рук и ног моих были огромные изогнутые когти, так что не был я похож ни на что изведенное, ни на зверя, ни на чудище дивное. И сидел я долго у того пруда, оплакивая свое одиночество, одичалость и убогую свою старость; и мог лишь только плакать и стенать, находясь меж миром земным и небесным, в то время как преследовавшие меня звери внимали мне и взирали на меня, притаившись среди зарослей за деревьями на лежанках своих.

Затем поднялась буря, и когда глянул я снова со своего высокого берега, то увидал, что все многочисленные суда толкуются в море, словно бы в ладони великана. Временами их кидало ввысь и возносило к небесам, и они трепетали там, как листья на ветру. Потом их швыряло с этих головокружительных вершин в глубину ревущей бездны, где между десятками валов кружил и водоворочался стеклянистый чернильный ужас. Порою волна с ревом подсакивала к какому-нибудь кораблю, била в борт его и подбрасывала в воздух, а потом гнала его, нанося удар за ударом, и преследова-

¹ *Немед* («Священный») — герой ирландских легенд, предводитель второго из мифических племен, правивших этой страной.

ла его, словно взявший след волк, и била как молотом в широкое подбрюшие его, словно пытаясь высосать из трюма перепуганные души людские через черные бреши. А потом другая волна набрасывалась на корабль, тянула его разом вниз и топила, словно обрушивая на него самую небесную твердь, и корабль шел ко дну до тех пор, пока не разбивался о него и не погрузился в песок на дне этом морском.

Опустилась ночь, а с ней с завывающего неба упала беспроглядная тьма. Ни одна ночная тварь, как бы ни пучила она глаза свои, не могла бы проникнуть взглядом ни на дюйм в тот возрастающий мрак. Ни одно создание не осмелилось бы в нем ползти или хотя бы стоять. Ибо среди раскатов грома могучий ветер вышагивал по миру, нахлестывая его своими длиною в милю бичами молний и напевая сам себе, становясь то всемирным воплем, то головокружительным гулом и ревом. С рыканьем и воем проносился он над миром в поисках жизней, которые можно было бы уничтожить.

И по временам из стонущей и визжащей черноты моря доносился звук — неясный, словно рожденный за мириады миль, и в то же время отчетливый, словно бы льющийся прямо в ухо доверительным шепотом; и знал я, что это какой-то измотанный и истерзанный до немоты утопающий взывает к своему божеству и что кружащаяся, словно юла, женщина с синими губами и развевающимися космами вокруг чела своего уже призывает к себе своего мужчину.

Вокруг меня из земли вырывало деревья; они с предсмертными стонами поднимались в воздух и улетали, словно птицы. Гигантские волны с ревом неслись по морю, беснуясь вокруг скал и кидая на твердь чудовищные клочья пены. Сами камни ворочались, скрежетали и двигались промеж деревьев; и в яростной этой черноте, и среди ужаса этого погрузился я в сон или же был измотан до беспомыслия.

Глава VI

Иснился мне сон, и видел я себя превращающимся в оленя, и чувствовал во сне биение во мне нового сердца, и во сне выгибал я мощную шею и упирал в землю могучие ноги свои.

А когда пробудился я ото сна, то был тем, кем видел себя во сне том.

Некоторое время стоял я, попирая копытом скалу, с высоко поднятой и покрытой шерстью головой, и вдыхал через широко открытые ноздри все благоухания мира. Дивным образом дряхлость моя обернулась силой. Я вывернулся из оков старости и снова стал молодым. Я ощутил запах травы на земле и впервые почувствовал, сколь сладок был этот аромат. В мгновение ока трепещущие ноздри мои познали все вещи на свете и дали ощутить их сердцу моему, и разделял я их друг от друга, познавая.

Долго стоял я там, стуча железным копытом своим по камню и познавая мир через запахи его. И каждое дуновение, несущееся то справа, то слева, рассказывало мне свою историю. Ветер донес до меня смрадный запах волка, и, чуя его, оглядывался я и бил копытом. А когда ветер донес до меня запах других оленей, я подал голос. О, сколь громким, ясным и сладким был крик того могучего оленя! Как легко понеслось в воздухе мое чудесное послание! И с какой же радостью услышал я ответный зов! С каким наслаждением я поскакал, поскакал, поскакал вперед, легкий, словно птичье перо, и могучий, как буря, и неутомимый, как море.

Теперь я легко преодолевал в каждом прыжке по десять ярдов, ритмично покачивая головой, взлетая вверх и вниз, словно ласточ-

ка, изгибаясь и играя, словно морская выдра в потоке. Какой трепет охватил мое сердце! Какая дрожь пронзала мои рога до самых их кончиков! Каким свежим стал для меня мир! Как по-новому заблистало солнце! Как ласкал меня ветер!

С непоколебимым челом и твердым взором встречал я все на пути своем. Старый одинокий волк отпрянул от меня в сторону и, рыча, убрался восвояси. Увалень-медведь помотал в сомнении своей башкой и, пораскинув мозгами, отвел от меня взгляд своих маленьких налитых кровью глаз, а затем затрюхал в чашу. Мои соперники-олени, одной со мной крови, бежали от моего несокрушимого лба и отступали от меня, пока не подкашивались под ними ноги, и тогда я топтал их до смерти. Так стал я обожаемым и знаменитым предводителем всех оленьих стад ирландских.

Временами возвращался я после странствий по Эйре, ибо струны моего сердца тянулись к Ольстеру; и, будучи далеко от него, глубоко втягивал я носом своим воздух, и узнавал при этом с трепетом и ужасом людей в этом ветре. И тогда гордая моя голова клонилась к земле, и слезы воспоминаний о них катились из больших и ясных глаз моих.

Временами я осторожно приближался к людям, и, стоя среди густой листвы или хоронясь в вытянувшейся траве, смотрел на них, и оплакивал судьбу свою. Ибо Немед и четыре пары спаслись в той свирепой буре, и я видел, как они плодились и умножались, и вскоре уже четыре тысячи пар жили, смеялись и веселились под солнцем, ибо хотя люди Немедова племени и слыли скудоумными, но были они весьма деятельны. Слыли они отважными бойцами и первостатейными охотниками.

Но однажды пришел я, ведомый невыносимой тоской воспоминаний, и увидел, что все эти люди исчезли. На земле, по которой бродили они, от них остались лишь белеющие на солнце кости.

И тогда настигла меня старость, и усталостью среди тех костей налились члены мои. Голова моя отяжелела, глаза помутнели, колени подкосились и задрожали, и волки тогда осмелились двинуться по следу моему.

И снова вернулся я в пещеру, которая была домом моим о ту пору, когда был я стариком.

И однажды, когда осторожно покинул я убежище свое, чтобы хоть немного попастьись на траве, они бросились на меня, и я еле унес от них ноги. Они же уселись вокруг пещеры и караулили меня.

Ведом был мне их язык. Я знал все, что говорили они друг другу, и все, что говорили они мне. Однако крепок был еще удар моих рогов, и смерть несли мои копыта. Поэтому волки все еще не осмеливались войти в мою пещеру.

— Завтра, — сказали они, — мы порвем тебе глотку и обгложем кости твои.

Глава VII

Тогда душа моя воспарила до высот Судьбы, и понял я все мне предначертанное, и согласился с ним.

— Завтра, — молвил я, — предстану я перед вами и погибну.

Волки же громко и радостно завывали от нетерпения.

И заснул я, и видел себя во сне превращающимся в вепря, и я чувствовал во сне биение во мне нового сердца, и во сне вытягивал я свою мощную шею и упирался своими полными силы конечностями. А когда пробудился я ото сна, то стал тем, кем был во сне том.

Ночь минула, и рассеялась тьма, и наступил день, и тогда завывали волки, сидевшие вкруг пещеры:

— Выходи, немощный олень. Выходи и прими свою смерть!

А я с легким сердцем высунулся через проем в скале, и волки, увидав мою черную щетину, и вытянутую морду с кривыми клыками, и мои свирепые, налитые кровью глаза, обезумев от ужаса, с визгом побежали прочь, натыкаясь друг на друга, а я бросился за ними большими прыжками, словно дикая кошка; и был я могуч в силе своей, и подобен дьяволу по свирепости. Охватили меня безумие и радость похотливой, беспощадной жизни; и был я убийцей, победителем и кабаном, которому никто не мог бросить вызов.

И принял я власть над всеми кабанами Ирландии.

И куда бы ни бросал я взгляды свои, видел лишь любовь и покорность; а когда появлялся я среди чужаков, они убегали. Волки страшились меня в те времена, и огромный, страшный медведь обходил меня стороной, переваливаясь на своих мощных лапах. А я обрушивался на него во главе других кабанов, и катал, и валял его; но убить медведя нелегко, так глубоко запрятана жизнь

под зловонной его шкурой. Он поднимался и бежал, а я вновь сбивал его с ног, и удирал он снова, не оборачиваясь и натываясь на деревья и камни. И не выставлял тот огромный медведь свои когти, и не обнажал свои клыки, ни когда удирал от меня, скуля, словно младенец, ни когда стоял предо мной, а я прижимал свое рыло к его пасти и фыркал прямо в ноздри его.

Я бросал вызов всему, что двигалось. Всем существам, кроме одного. Ибо снова в Ирландии появился человек. И был то Семион, сын Стариата, со своим народом, от которого произошли Фир Домнан, Фир Болг и Фир Галион¹. Их я не преследовал, а когда они преследовали меня, я бежал.

И часто бродил я, влекомый памятью своего сердца, чтобы посмотреть на них, как они ходили по полям своим; и с горечью говорил я себе: «Когда люди Партолоновы собирались на Совет, мой голос был слышен; и приятны были слова мои для всех, кто их слушал, и слова, которые говорил я им, были мудры. Глаза женщин загорались и взоры их смягчались, когда они смотрели на меня. Любили они слушать, когда я пел, а теперь брожу я по лесам во главе клыкастого стада.

¹ Речь идет о трех расах третьего из мифических племен, правивших Ирландией.

Глава VIII

И снова старость настигла меня. Усталость проникла в ноги мои, и тоска затуманила мозг мой. Я добрался до своей пещеры в Ольстере, и там приснился мне сон, что я превратился в ястреба.

И покинул я землю. Пряный воздух стал царством моим, и зоркие глаза мои видели все на сотни миль вокруг. Я парил, пикировал и зависал, словно окаменев, над бездною, и жил я в радости, и мирно засыпал, и наполнялся сладостью жизни.

А в то время в Ирландию со своим народом пришел Беотак, сын пророка Иарбонела, и между его людьми и сынами Семиона произошла великая сеча. И долго парил я над полем их битвы, наблюдая за каждым летящим копьем, за каждым камнем, выпущенным из пращи, и за каждым блистающим разящим мечом и смотрел на беспрестанное сияние щитов. И в конце я увидел, что победа осталась за племенем Иарбонела. И от него пошло племя Туата Де Дананн¹, происхождение коего ныне забыто, а также ученые люди, про которых за мудрость и разум их говорят, что они явились с небес.

То были люди божественного происхождения. Все они божества.

Долгие, долгие годы был я ястребом. И знаком мне был каждый холм, каждый ручей, и каждое поле, и каждая долина в Ирландии. Я знал форму всех ее утесов и берегов и как все места эти выглядят при свете солнца или под луной. И я был еще ястребом, когда

¹ *Туата Де Дананн* (Tuatha Dé Danann) — четвертое из мифических племен, правивших Ирландией.

Сыновья Миля¹ вбили Туатово племя в землю и защитили Ирландию от военной силы или от волшебства; и то было началом людей и их родословных.

А потом я снова состарился в ольстерской пещере своей, что неподалеку от моря, и мне снова приснился сон, и в нем стал я лососем. Зеленые волны океана сомкнулись надо мной во сне моем, и я утонул бы в пучине и умер, если бы не стал тем, кем себе снился, пробудившись в глубоких водах. Был я человеком, оленем, вепрем и птицей, а теперь стал я рыбой. И во всех моих превращениях ощущал я полноту жизни и радость ее. Однако в воде радость эта была еще глубже, и пульсировала она еще полней. Ибо на тверди или в воздухе всегда есть нечто торчащее и мешающее, вроде рук, которые болтаются по бокам и про которые разум человеческий должен все время помнить. Олень должен подгибать свои ноги для сна и вновь разгибать для бега; и у птицы есть ее крылья, которые нужно то складывать, то расправлять и за которыми надо ухаживать. Рыба же цельна от носа до хвоста своего. Она совершенна, ибо едина, ничто ее не обременяет. Она разом поворачивается, плавает вверх, вниз и по кругу, совершив лишь одно-единственное движение.

Теперь устремлялся я, пролетая через податливую стихию воды, и радовался миру, где нет препятствий, ведь вода и поддерживает, и расступается, и ласкает, дает свободу и в то же время не даст тебе упасть. Ибо человек может споткнуться о рытвину, олень падает со скалы, а ястреб, утомленный борьбой с бурей, со сломленными крыльями, окруженный непроглядной тьмой, может насмерть разбиться о дерево. Однако мир лосося — это чистое наслаждение, ведь море хранит всех своих созданий.

¹ *Сыновья Миля* (гойделы) — пятое и последнее из мифических племен, правивших Ирландией.

Глава IX

Ия стал царем лососей, и с многочисленными соплеменниками своими бороздил я волны мира. Подо мной проплывали зеленые и лиловые глубины; а наверху — зеленые и золотые, залитые солнечным светом пространства. И среди этих просторов плыл я через янтарный мир, сам словно янтарь и золото, среди других подобных мне лососей. В блеске прозрачной синевы изгибался я и блистал, как оживший самоцвет, и рядом играли похожие на меня лососи, и плыл я сквозь эбеновые сумерки, наполненные серебряными бликами, и сам я сиял и играл, как истинное чудо морское.

Я видел, как чудища из далеких океанов проносились мимо меня; и были то длинные гибкие твари с шипами до самых хвостов; а в глубинах, недоступных даже лососям, где темень сменяется непроглядным мраком, гигантские клубки сплетались и расплетались, спускаясь по кручам в самое адово моря.

Были ведомы мне моря. Знал я их тайные гроты, где океан рыкает сам на себя; их ледяные подводные реки, от которых лососи вмиг отворачивают, словно от укуса в рыло; их теплые течения, в которых мы дремотно покачались и плыли вперед, стоя недвижимо в потоке. И доплывал я до самых дальних пределов гигантского водного мира, где не было уже ничего, кроме самого моря, неба и лососей; где даже ветер умолкал, а вода была чиста, как омытый, голый гранит.

А потом однажды, находясь далеко в море, вспомнил я вдруг Ольстер, и меня тут же пронзило острое и не поддающееся контролю желание там оказаться. И тут же повернул я, а потом дни

и ночи напролет плыл без усталости и трепещи от радости, и в то же время грозный голос звучал во мне и нашептывал, что должен я либо достичь Ирландии, либо погибнуть.

Так я и проторил свой путь до Ольстера.

Ох, как труден был конец этого пути! Немошь точила каждую из моих костей, слабость и вялость наполняла каждую мышцу мою и жилу. Волны играли со мной и отбрасывали меня назад, а шелковистая прежде вода обдираала, словно наждак. И казалось мне, что, добираясь до Ольстера морем, не водной стихией плыву я, а пробиваюсь через каменную твердь.

Как я был утомлен! Казалось, расслабься, и унесет. Стоит задремать, и вздымавшиеся от суши серо-зеленые волны понесут меня прочь в безбрежную синюю морскую даль.

Только несокрушимое сердце лосося помогло мне выдержать этот тяжкий путь до самого конца. Рокот несущихся к морю ирландских рек доносился до меня, помогая совершать последние усилия пути. Сама любовь к Ирландии толкала меня вперед. Боги рек спускались ко мне в своих одеждах из белых бурунов. И наконец оставил я позади море и лежал, омываемый пресной водой, на уступе щербатого валуна, измученный, едва живой и в то же время ликующий.

Глава X

Сила и радость жизни снова вернулись ко мне, и теперь принялся я исследовать внутренние воды Ирландии; ее великие озера и быстрые бурные реки.

Каким удовольствием было зависать в верхнем дюймовом слое воды и греться на солнышке или хорониться под тенистым каменистым уступом, наблюдая за мельтешением крошечных существ и их стремительными, как молнии, перемещениями на покрытой рябью поверхности. Я наблюдал, как вспархивали, летали и кружили стрекозы, закладывая крутые виражи, недоступные ни одному другому крылатому созданию; я замечал, как парил в небе ястреб, а потом, пикируя, камнем падал он вниз, однако достать лососевого владыку было ему не по силам; и видел я кошку, растянувшуюся на ветке у самой воды, как следила она неподвижным взглядом за речными созданиями, намереваясь их сцапать. Видел я и людей.

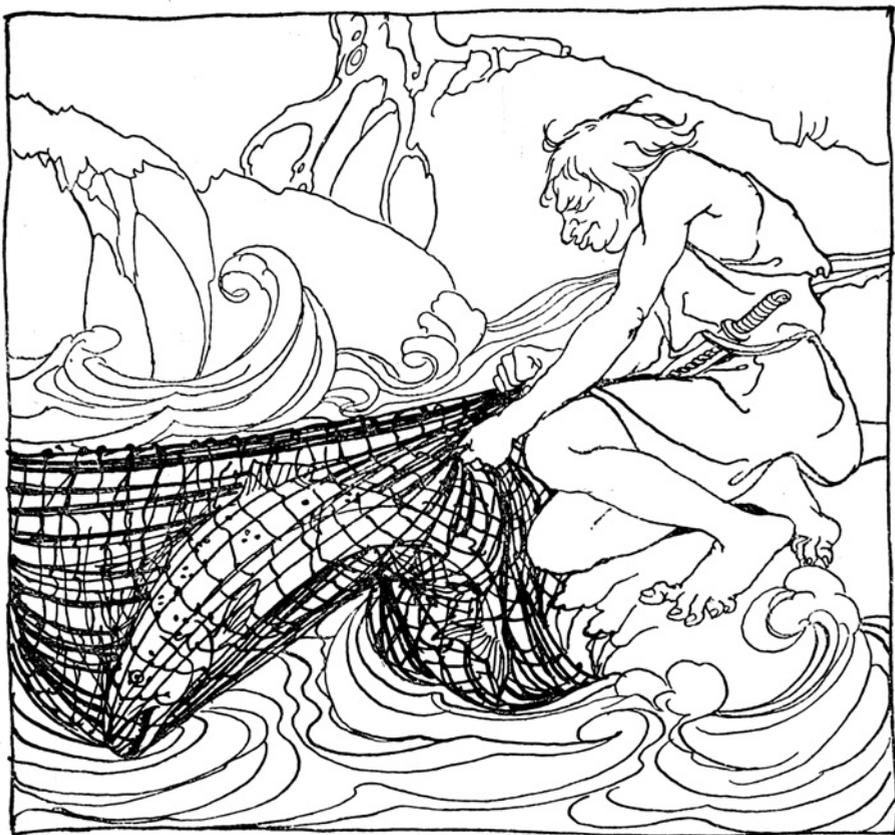
Меня они видели тоже. Они приходили понаблюдать за мной, и они выискивали меня. Караулили у водопадов, которые я преодолевал, блистая своим серебром. Тянули ко мне свои сети и ставили ловушки под нависшими над водой кронами; делали лесы под цвет воды или водорослей, но лосось, которым я был, имел тонкий нюх, и знал он, как пахнут водоросли и как пахнет почти невидимая в воде нить, к которой они прикрепляли мясо, и знал я также про коварный крючок; и метали они в меня копья, и вытаскивали их за привязанные к ним веревки. И много ран получил я от людей, и много они оставили на мне горестных шрамов.

Много разного зверья преследовало меня в водах и караулило по берегам. Речная черная выдра жадно бросалась на меня в

*Много разного зверья преследовало меня в водах и караулило по берегам.
Речная черная выдра жадно бросалась на меня в ярости своей
и стремительно затем преследовала; и дикий кот ловил меня; и ястреб
с прочими хищными птицами, чьи крылья были остры,
а клювы напоминали копья, пикировали на меня;
и люди подкрадывались ко мне с сетями своими шириной в саму реку,
так что не было мне ни покоя, ни роздыха.*

ярости своей и стремительно затем преследовала; и дикий кот ловил меня; и ястреб с прочими хищными птицами, чьи крылья были остры, а клювы напоминали копья, пикировали на меня; и люди подкрадывались ко мне с сетями своими шириной в саму реку, так что не было мне ни покоя, ни роздыха. Жизнь моя стала бесконечным преследованием, бегством, ранами, и бременем, и мукой мученической. И наконец я попался.

Глава XI

Рыбак Кайрил, правитель Ольстера, поймал меня в свои сети. Ах, как возликовал он, увидав меня! Узрев огромного лосося в своих сетях, он закричал от восторга.

Когда же начал он понемногу вытягивать свою сеть, я все еще был в воде. И когда он тащил меня на берег, вода все еще скрывала меня. Но когда воздух коснулся ноздрей моих и обжег их, словно огонь, я забился, обезумев от ужаса, в дальний угол сети, ибо понял, что буду вынужден покинуть любезную мне стихию. Однако сеть была прочной, и я оказался на суше.

— Успокойся, речной царь! — сказал рыбак. — Покорись Судьбе!

Оказавшись на воздухе, я попал словно бы в пекло. Воздух наваливался на меня, как раскаленный утес. Он палил и жег мою че-

шую. Он терзал мое горло и обваривал мою плоть. Воздух давил на меня со всех сторон и сжимал в огненных тисках так, что глаза мои готовы были вылезти из орбит; голова моя словно отрывалась от тела, и казалось мне, что плоть моя пухнет, раздувается и того гляди взорвется, разлетевшись на тысячу ошметков.

Свет слепил меня, жара терзала, задыхался я и съеживался, глотая убийственный сухой воздух. Оказавшись на траве, тот огромный лосось, в отчаянии обращенный к реке, скакал и прыгал, прыгал без конца, несмотря на горы навалившегося жгучего воздуха. Но прыгать он мог только на месте, не приближаясь к реке, и все же прыгал и прыгал, ибо в каждом прыжке видел он блистающие волны и завитки пенящейся воды.

— Утомонись, о царь, — сказал рыбак. — Успокойся, мой дорогой. Забудь поток. Позабудь про илестые заводи и песчаное ложе, где в зеленом сумраке пляшут тени и где темный поток тянет бесконечную песню свою.

И, неся меня во дворец, пел рыбак о реке и о Судьбе, и горланил он песню во славу водяного Царя.

Когда же супруга ирландского короля увидела меня, то возжелала она плоти моей. И бросили меня на огонь и поджарили, и съела меня королева. Но прошло время, и родила она меня, и стал я ее отпрыском, сыном короля Кайрила. Я помню, как было мне тепло, и помнил я окружающую меня темноту, и как двигался я, и слышал невнятные звуки. Все, что случилось со мной с того момента, как очутился я на решетке до моего появления на свет, храню я в памяти своей. Все помню я до мельчайших деталей.

— А нынче, — сказал Финниан, — ты возродишься снова, ибо я крещу тебя именем Господа и принимаю в семью Его.

Такова история Туана, сына Кайрила.

Нынче же никто не знает, почил ли он в Бозе в те далекие времена, когда Финниан был аббатом Мовилла, или же живет он до сих пор в своей ольстерской крепости, наблюдая за всем и храня обо всем память ради славы Господней и чести Ирландии.

ЮНОСТЬ ФИННА

Он был правителем, провидцем и поэтом. Господином, оставившим длинную вереницу славных дел. И был он нашим магом, мудрецом и прорицателем. Все деяния его были усладой для сердца. И хотя вы можете счесть слова мои о Финне¹ чрезмерными, а мое восхищение им неоправданным, тем не менее я клянусь Царем, что превыше меня — он был втрое лучше, чем сказанное мной о нем.

Святой Патрик

¹ *Финн Мак-Кул*, или *Финн Мак-Кумхал* (ирл. Fionn mac Cumhaill, англ. Finn McCool, Fionn mac Uail) — в ирландских мифах легендарный герой, охотник и воин.

Глава I

Финн (раньше его звали Фюн — в рифму со словом tune) начал воспитываться среди женщин. И в этом нет ничего удивительного, ведь именно собака учит своего щенка драться, а женщины знают, что это необходимое для жизни умение, хотя мужчины считают, что есть и другие, более искусные навыки. Этими женщинами были друидки — Бовмалл и Лия Луахра¹. Можно удивиться, почему собственная мать Финна не научила его первым житейским навыкам, однако она просто не могла этого сделать, ведь она не осмелилась оставить его при себе из страха перед ужасным кланом Морна. Сыны этого клана долгое время боролись и плели интриги, чтобы лишить ее мужа Кула² предводительства над ирландскими фениями³. В конце концов они свергли его и убили. То был единственный способ избавиться от такого героя; и сие было очень непросто. Ибо чему отец Финна не мог бы обучить своего сына в искусстве боя, было неведомо и людям Морна. Однако имеющая терпение гончая все же настигнет зайца, и даже Мананн⁴ порой спит.

¹ *англ.* Bovmall, Lia Luachra.

² *англ.* Uail.

³ *Фении* — были членами независимых отрядов воинов, защищавших Ирландию от иноземных захватчиков.

⁴ *Мананн* (Мананн Мак-Лир) — в ирландской мифологии воин и правитель морского мира.

Матерью Финна была длинноволосая красавица Мюрн¹; так ее обычно называли. Она была дочерью Тейга, сына Нуады² из друидов, а ее матерью была Этне³. Таким образом ее братом был сам Луг Длиннорукий⁴, и мы могли бы представить, что, имея такого божественного брата, Мюрн могла бы и не опасаться клана Морна, его сыновей или вообще кого бы то ни было. Однако у женщин бывают странные привязанности и необычные страхи, и нередко они так переплетены между собой, что по проявлению их порой бывает трудно судить об истинных чувствах.

Как бы то ни было, когда Кул умер, Мюрн снова вышла замуж; на этот раз за короля Керри. Она отдала своего ребенка на воспитание Бовмалл и Лии Луахре, и мы можем быть уверены, что она дала ему должные наставления, и во множестве. Малыша отвезли в леса Слив-Блум⁵, где начали втайне воспитывать.

Вероятно, эти две женщины любили его, поскольку вокруг просто никого больше и не было. Он стал их жизнью; наверняка они с двойным умилением и благословением взирали на этого белокурого малыша. А волосы у него действительно были очень светлыми, и именно за белокурость позже и стали называть его Финном⁶; тогда же он был известен как Деймне⁷. Его кормилицы наблюдали, как пища, которую они вкладывали в его небольшое тельце, энергично и пружинисто возрастает вширь и ввысь, пребывая дюймами упругой плоти, которая сперва ползала, потом переступала, а затем побежала. Птицы стали его товарищами по играм, хотя, должно быть, его друзьями были и все прочие обитатели леса.

¹ В Фенийском цикле ирландской мифологии Мюрн известна также как Муирианн Мунчем («Красивые Губы») или Мирне (Muirne).

² В ирландской мифологии Нуада (Nuadha), известный как Airgeadlámh («Серебряная Рука») был предводителем племени Туата Де Дананн, он также связан с британским и галльским богом охоты и рыбалки Ноденсом.

³ *англ.* Eithne, Ethniu.

⁴ Луг (ирл. Lugh — «Сияющий») — в ирландской мифологии один из наиболее значительных богов племени Туата Де Дананн.

⁵ *Слив-Блум* — горы в центральной части Ирландии.

⁶ *Fionn*, или *Finn*, в переводе с *англ.* — «белый», «светлый»..

⁷ *ирл.* Deimne — «Олененок».

Малышу Финну предстояло повести множество дней в одиночестве под потоками небесного света; в такие часы мир казался ему просто солнечным светом и небом. Хотя были и не менее долгие дни, когда все вокруг исчезало, растворяясь, словно тени в сумерках, и пропадало в бесконечных струях и каплях дождя, стекающих в лесу с одного листа на другой и скатывающихся наконец на землю. Ему предстояло исследовать все крохотные узкие извилистые козьи тропки, по которым он мог прошлепать своими босыми ножками; ему было интересно, куда они ведут, и он удивлялся, обнаружив, что в какие стороны они бы ни направлялись, то все равно, изрядно пропетляв среди раскидистых крон, они приводили его в конце концов к двери его собственного жилища. Наверное, он представлял тогда свою собственную дверь как некое начало и конец мира, откуда все выходит и куда все возвращается.

Возможно, он мог и не видеть жаворонка, но он слышал его в бесконечном и бескрайнем небе, как тот трепещет и заливается

где-то там, в вышине, и, казалось, в целом мире не оставалось при этом иного звука, кроме этой невыразимой сладости; и так прекрасен был этот мир, способный порождать такие звуки! Каждый свист, каждое чириканье, воркование, клекот или карканье стали ему знакомы. Он мог всегда сказать, какой собрат из великого пернатого братства издает звук, до него в данный момент доносящийся. И ветер был знаком ему во всех своих видах; он прислушивался к тысяче его голосов, доносившихся до него в любое время года и в любую погоду.

Порой конь случайно приближался к частоколу, ограждающему жилище его, и хмуро взирал на Финна, а Финн в ответ смотрел на него. Конь мог вдруг попереть на него, внезапно возбуждаясь, раздувая ноздри и вытягивая к нему свою морду, а потом резко развернуться и ускакать прочь, взбрыкивая, крутя хвостом и мотая гривой. Иной раз в поисках тенистого местечка без назойливых насекомых выходила к нему из леса волоокая корова с большим розовым носом, или заблудившаяся овца тянула к нему из зарослей свою узкую и мягкую морду.

«Я мальчик, — мог думать он, глядя на уставившуюся на него лошадь, — а мальчик не может отгонять мух хвостом», и отсутствие этого хвоста порой огорчало Финна. Он мог замечать, что корова порой шумно и грозно дышит, но при этом у нее благородный вид, а овце прилична робость. Он пытался переругиваться с галками и даже хотел пересвистать дрозда, а потом удивлялся, почему он устал дуть в дудку, а дрозду все нипочем. Ему предстояло наблюдать за толкущимися в воздухе мошками, которые напоминали крошечные желтоватые точки, и за другими, плотными ребристыми крепышами, которые набрасываются, словно кошки, кусают, как собаки, и летают, будто молнии. Он мог бы пожалеть паука, который словит себе на горе такую бестию. Кругом было столько интересного, чтобы видеть, запоминать и сравнивать, и с ним всегда были две его опекуны. Каждое мгновение прилетала новая жужжалка; трудно было сказать, перелетная это пичуга или местная, одна птица сменяла другую; однако две женщины в его жилище не менялись, как и само этот жилище, крепко пустив там корни.

*«Я мальчик, — мог думать он, глядя на уставившуюся на него лошадь,
— а мальчик не может отгонять мух хвостом»,
и отсутствие этого хвоста порой огорчало Финна*

Глава II

Были его опекунши добронравными или суровыми? Финн этого не знал. Они лишь поднимали его, когда он шлепался, и были теми, кто дул на его синяки. Одна говорила: «Смотри не свались в колодезь!» А другая предупреждала: «Не лезь с голыми коленками в крапиву!»

Однако в колодец он все-таки сверзился, но лишь отметил для себя, что вода в нем очень мокрая. Что же до крапивы, то он давал ей отпор — набрасывался с палкой и сек, укладывая на землю. В колодце и крапиве ничего особенного нет, только женщины их боятся. Он же к женщинам относился покровительственно, наставлял их и утешал, ведь они за него волновались.

Например, они считали, что не стоит лезть на дерево!

— Ладно, — сказали они наконец. — На следующей неделе, мы позволим тебе взобраться вон на то дерево. — А до этой «следующей недели» было как до конца света!

Однако дерево, на которое взобрался, уже не в счет, не взбираться же на него снова. Рядом же росло дерево побольше. Там были и деревья, на которые никто не мог взобраться; с одной стороны их ярко освещало солнце, а с другой они отбрасывали огромные тени. Обходить их стороной приходилось долго, а их верхушки было и не рассмотреть.

Как приятно было стоять на пружинистой ветке, которая качалась под ногами, и как заманчиво было смотреть вверх на густую крону листьев, а потом забираться туда! И как чудесно было очутиться там, наверху, совсем одному! Финн смотрел вниз и видел волнистый ковер из листьев, светло-зеленых, зеленых и темно-зе-

ленных почти до черноты; когда же он смотрел вверх, там тоже были листья, зеленые, и светло-зеленые, и уже не зеленые даже, а почти белоснежные, от их блеска ломило в глазах и везде, вверху, внизу, и окрест, все волновалось, трепетало и шелестело, при этом там царил вечная тишь, в которую хотелось вслушиваться и на которую можно было взирать.

Когда ему исполнилось шесть, мать его, длинноволосая красавица Мюрн, заявила его навестить. Она явилась тайно, поскольку опасалась сыновей Морны, она прошагала по многим пустошам в разных краях, прежде чем добралась до хижины в лесу, где на лежанке посапывал ее сын, сжав кулачки, словно бы ухватив в них сон.

Он пробудился — точно ли она? Одним ухом уловил необычные звуки, приоткрыл один глаз, хотя другой еще крепко спал. Мюрн взяла его на руки и поцеловала, и она пела ему колыбельную, пока малыш не заснул снова.

Наверняка глаз Финна, который был настороже, оставался в ту ночь открытым как можно дольше, и одно его ухо вслушивалось в эту колыбельную до тех пор, пока ее звуки не стали почти неуловимыми для слуха, а ее мелодия не сделалась такой нежной, что уже и не ощущалась вовсе между качающих его мягких рук, и тогда Финн снова погрузился в сон, и перед глазами у него стоял новый образ, и было ему о чем поразмыслить.

Его собственная мать! Собственной персоной!

Однако, когда он проснулся, ее уже не было.

В страхе перед сыновьями Морны она возвращалась обратно также тайком, тихо проходя через сумрачные леса, держась подальше от жилищ, пробираясь пустынными и уединенными тропами к своему супругу в Керри.

Возможно, это он опасался сынов Морны, и она его, наверно, просто любила.

Глава III

Женщины-друидки, его опекуниши, принадлежали к клану его отца. Бовмалл была сестрой Кула и, следовательно, приходилась Финну теткой. Лишь кровные узы с этим кланом могли поддерживать их, ибо нелегко им было, покинув царский двор, скрываться с младенцем в лесу и вести там жизнь в вечном страхе.

Какие истории рассказывали они, наверно, своему подопечному о сынах Морны! И о самом Морне говорили они, о широкоплечем, суровом и жестоком коннахтце¹, а также о его сынах, в особенности о юном Голле Море Мак-Морне, таком же широкоплечем, как и его отец, и столь же свирепом; однако в отличие от прочих взгляд его был весел, он часто заливался смехом, который заставлял людей прощать даже его бесчинства. Говорили они и о его брате, Конане Маэле² Мак-Морне, который был угрюм, как барсук; борода у него была словно кабанья шерсть, и был он плешив, как старая ворона, и остер на язык, и мог отбрить обидчика так, как другие бы и не осмелились. Он бахвалился, что, увидав открытую дверь, входил внутрь, а если дверь была закрыта, он входил и в нее тоже. Повстречав миролюбивого человека, он оскорблял его, а если тот был не миролюбив, язвил его. Среди сыновей Морны были также Гарра Дув Мак-Морна и свирепый Арт Ог; они так же мало заботились о своей шкуре, как и о чужой, а Гарра этот, должно быть, был по-настоящему груб, раз получил в этом клане прозвище Грубиян Мак-Морна. Были среди них и прочие, и все эти дикие коннахтцы были такими же неукротимыми и непредсказуемыми в своих поступках, как и окружавшая их природа.

¹ *Коннахт* (ирл. Connacht) — провинция на западе Ирландии

² *англ. mael, ирл. mail* — «лысый».

Финн много слышал о них, и вполне вероятно, когда сек палкой крапиву, он воображал, что отрубает голову Голлу, а когда охотился на овцу, выскакивая на нее из укрытия, намеревался потом использовать этот прием для охоты на Конана Сквернослава.

Однако чаще всего слышал он рассказы о Куле Мак-Башкне¹. С каким необычайным воодушевлением две опекуны Финна рассказывали о его отце! Они описывали один его подвиг за другим, то одно славное деяние, то другое, и голоса их при этом превращались в сладкозвучное пение. Он был самым доблестным из мужчин, и самым красивым, и самым неукротимым бойцом, и самым галантным и щедрым кавалером; он был царственным победителем, этот предводитель племени фианнов². Финну рассказывали, как тот был пленен, а потом освобожден и как был великодушен и обрел свободу; о том, как в гневе двигался маршем со скоростью летящего орла и как налетал на врагов, словно буря, и тогда спереди, и сзади, и по бокам от него, и в стороны бежали от его ужасающего натиска орды недругов, и никто из них не осмеливался медлить, и улепетывали они во все лопатки. Рассказывали ему и о том, что, когда настал его последний час, потребовалась вся мощь Ирландии, чтобы сломить такого великого героя.

Наверняка во время этих подвигов Финн чувствовал себя рядом с отцом, он следовал за ним бок о бок и сердцем своим воодушевлял его.

¹ В ирландской мифологии клан Башкне (*англ.* Vaiscne) противостоял клану Морна.

² В английском тексте Fianna на h-Eirinn; любопытно, что в 1909 г. в Ирландии возникла националистическая молодежная организация Fianna Éireann — «Фианна Ирландии».

Глава IV

Обе женщины хорошо обучили его бегу, прыжкам и плаванию. Одна из них брала шипастый прутик, и Финн брал такой же шипастый прутик, и каждый пытался ударить им другого, бегая вокруг дерева.

Бегать приходилось быстро, чтобы не получить прутиком сзади, а малыш знал, каково это. Финн удирал во весь дух, чтобы избежать ударов этого колючего жала, но и несся он как стрела, когда наступала его очередь наносить удары.

Соображать приходилось быстро, потому что няньки его вдруг стали неумолимы. Они гоняли его со свирепостью, которая казалась ему похожей на ненависть, и при каждом удобном случае они славно стегали его.

Так Финн и научился бегать. Через некоторое время он мог кружить вокруг дерева, как обезумевшая муха, и какой охватывал его восторг, когда он ловко уворачивался от удара или настигал сзади ту, что хотела его стегануть! Пыхтя, он напрягал все свои силы, чтобы настигнуть только что преследовавшую его няньку и достать-таки ее своим прутиком.

Он научился прыгать, гоняясь за зайцами по кочковатому полю. Заяц взлетал кверху, и Финн прыгал вслед за ним, так они и бежали по полю, все время совершая прыжки. Если заяц уворачивался и убегал от преследовавшего его Финна, это было словно удар прутиком; поэтому через какое-то время Финну уже было все равно, как заяц закладывает свои петли и виражи, потому что он от него не отставал. Вперед, назад, туда, сюда: Финн прыгал так же, как и заяц, и, наконец он наловчился выдавать такие прыжки, за которые любой заяц отдал бы свое ухо.

*Соображать приходилось быстро,
потому что няньки его вдруг стали неумолимы.
Они гоняли его со свирепостью, которая казалось ему похожей
на ненависть, и при каждом удобном случае они славно стегали его*

Его научили плавать, и наверняка на первом уроке сердце у него екнуло, ведь вода была холодна, а место глубокое. Дно было видно, но над ним такая толща воды! Казалось, до дна было немерено миль! Малыш наверняка невольно вздрогнул, всматриваясь в донные камни, на которых играли и мерцали солнечные блики. Ему было до смерти страшно. Тем не менее его неумолимые няньки бросили его в воду!

Возможно, он вначале противился. Может, отступал, улыбаясь, или даже умолял оставить его в покое. Однако его просто схватили за руки и за ноги, раскачали, отпустили и — бултых! — с громким плеском Финн полетел вниз, в эту холодную, глубокую, смертоносную водную погибель, а потом пускал пузыри, фыркал и отчаянно цеплялся за все что можно, а его тянуло все вниз и вниз, а потом он внезапно почувствовал, что его вытащили.

Так Финн и учился плавать, пока не научился нырять в воду, как выдра, и скользить в ее толще, как угорь.

Вначале он пытался ловить рыбу, гоняясь за ней так же, как за зайцами по кочковатому полю, но рыбы умеют чертовски ловко уворачиваться. Быть может, рыба и не умеет прыгать, но вот она тут, а через мгновение ее уже нет! Верх, низ, лево, право — для рыбы все едино. Она плывет и тут же удирает. Рывок в одну сторону, а исчезает в другом направлении. И вот она уже над тобой, а должна быть внизу, хватает за палец ноги, когда ты рассчитывал сцапать ее за хвост.

Не поймать рыбу, догоняя ее вплавь, но можно хотя бы попытаться, Финн и пытался. В конце концов он заработал скупую похвалу своих ужасных наставниц, когда смог скользнуть в волны прилива, бесшумно проплыть под водой туда, где плавал дикий селезень, и схватить его за лапу.

— Кр... — всполошился он, и тут же исчез под водой, не успев докрякать: — кря.

Прошло время, и Финн стал стройным, рослым и крепким, как молодое деревце; он был гибким, как ива, и вертким, как пичуга весной. Одна из дам наверняка замечала: «Он хорошо развивается, моя дорогая», а другая отвечала, как и полагается суровой тетке: «Он никогда не будет так же хорош, как его отец»,

но их сердца, должно быть, были полны решимости, переполнялись гордостью, когда они по ночам, в тишине и под покровом тьмы, думали об этом сгустке живой энергии, которую они создали, и о его милой, прекрасной головке.

Глава V

В один из дней его опекунши взволновались, но к своим разговорам Финна не допускали. Утром пришел какой-то человек, мужчину накормили, но во время трапезы Финна прогнали от стола, словно он был цыпленком. Когда же незнакомец вновь отправился в путь, женщины некоторое время сопровождали его. Когда они проходили мимо Финна, мужчина поднял руку и преклонил перед ним колено.

— Мое сердце с тобой, юный господин, — сказал он Финну, и он сразу сообразил, что может заполучить не только сердце этого человека, но и его обувь, или сами ноги, и вообще все, что ему принадлежало.

Когда женщины вернулись домой, вид у них был таинственный, и они о чем-то шептались. Они приказали Финну зайти в дом, а через некоторое время выставили его вон. Они ходили друг за другом по жилищу, время от времени перешептывались, а потом принялись гадать: наблюдали за формой облаков и полетом птиц, прикидывали длину теней, смотрели на двух мух, ползающих по плоскому камню, перебрасывали кости через левое плечо и прибегали также к самым разным приемам и ухищрениям, какие только может измыслить изощренный ум.

Они сказали Финну, что этой ночью он должен спать на дереве, и они строго-настрого наказали ему, чтобы он не пел, не насвистывал, не кашлял и не чихал до утра.

А Финн расчихался. Он никогда в жизни столько не чихал. Он взобрался на дерево и чуть было не слетел с него, оглушительно чихнув. К нему в нос лезли какие-то мошки, причем одновременно

две зараз, по одной в каждую ноздрю, и, чихнув, он так мотанул головой, что она у него едва не отвалилась.

— Ты это нарочно! — раздраженно шептали стоявшие внизу у ствола женщины.

Однако Финн чихал не специально. Он приник к развилке ветвей, как его и просили, и провел на дереве самую паршивую и беспоконную ночь в своей жизни, во время которой его все время доносили мурашки. Через некоторое время ему хотелось уже не чихать, а выть, и ему страшно хотелось слезть с этого дерева. Однако он героически молчал и не слезал с дерева, ведь он же дал слово. И он молча торчал на этом своем дереве, схоронившись, как мышь, и боролся со сном до тех пор, пока в конце концов не сверзился вниз.

А утром к ним подошла группа странствующих поэтов, и женщины передали им Финна. На сей раз они не смогли помешать ему послушать, о чем шла речь.

— Все дело в сынах Морны! — сказали они.

При этих словах сердце Финна могло бы переполниться яростью, но сильнее в нем была жажда приключений. Ведь происходило ожидаемое. Сыновья Морны стояли за каждым их днем и за каждым мгновением их жизни. Финн оленем бежал за ними, скакал бок о бок, как заяц, плыл и нырял подле, как рыба. Они присутствовали в его жилище: сидели за одним столом и делили с ним трапезу. Они снились по ночам, их появление было предсказуемо, словно восход солнца. Они ведали, что сын Кула жив, и знали, что их собственным детям не будет покоя, куда жив он; ибо в те дни верили, что подобное порождает подобное и что сын Кула превзойдет своего родителя.

Его опекунши знали, что их убежище рано или поздно обнаружат и что, когда оно будет найдено, появятся сыны Морны. Они в этом не сомневались, и каждый их поступок основывался на этой уверенности. Ибо ни один секрет не может долго оставаться тайной. О ней наверняка узнает какой-нибудь бредущий к своим домашним раненый ветеран; пастух, разыскивающий заблудившуюся скотинку, или о ней пронюхает группа странствующих музыкантов. Сколько людей проходит за год даже через самый глухой

уголок леса! А если никто и не расскажет этот секрет, так о нем прокаркают вороны, да и сколько глаз скрывается под каждым кустом, за каждым пером папоротника! Твой секрет не скрыть, ведь ножки у него, как у козленка! Его язык вываливается наружу, как у волка! Можно сокрыть младенца, но мальчишку не спрячешь. Начнет повсюду бегать, если только не привязать его к столбу, да и тогда начнет он свистеть.

И когда сыны Морны все-таки заявили, перед ними предстали только две хмурые женщины, живущие в одинокой лесной хижине. Можно думать, что их встретили должным образом. Наверняка Голл обшаривал все кругом своим нахальным взором, а Конан мрачно всматривался в лица двух женщин, словно был готов пустить в ход свой язык. А Гарра Мак-Морна по прозвищу Грубиян наверняка с топором в руке рыскал по хижине и вокруг нее, а Арт Ог забежал в лес и клялся, что, если щенок где-нибудь прячется, он непременно его достанет.

Глава VI

Однако Финн улизнул. Он был уже далеко — ушел вместе с ватагой поэтов в горы Галти¹.

Вполне вероятно, что это были юные поэты, прошедшие годичное обучение и возвращавшиеся теперь в свои родные места, чтобы снова увидеть домашних и удивить их, демонстрируя то искусство, которому они научились в знаменитых поэтических школах. Отдыхая временами на полянах или на берегу реки, они повторяли выученные уроки, и Финн слушал их. Наверняка они поглядывали при этом на свои палочки, где с помощью знаков² были записаны начальные строфы. Скорее всего, они рассказывали об этих знаках Финну, ведь и для них самих это искусство было внове. Полагая, что он ничего в нем не смыслит, они объясняли ему значение этих символов, хотя наверняка опекунши Финна уже поведали ему о них.

Однако эта группа молодых бардов страшно интересовала Финна не тем, чему они научились, а тем, что они знали. Его интересовало все, что любой другой ребенок узнавал и так: значение взглядов и жестов, чувство локтя, мужское общение; дома и как люди ведут себя в них и за их пределами, передвижение войск, виды получаемых ран, рассказы о рождениях, браках и смертях, о погонях с участием множества людей и собак — в общем, вся эта суета, мельтешение и тревобления обычной жизни. Все это для Финна, явивше-

¹ *Галти-Маунтинс* — горная цепь в Ирландии.

² Речь о так называемом огамическом письме — тайнописи древних кельтов и пиктов, которая использовалась на территории Ирландии и Великобритании с IV по X в.

гося в этот мир из лесной чащи, из ее сумрака и пестролистного ее трепета, казалось удивительным, равно как и рассказы о господах, их облике, причудах, строгости и чудачествах.

Поэты эти щебетали и шумели, словно птичий базар.

Должно быть, были они просто молоды. И вот однажды напал на них некий лейнстерманец; то был ужасный разбойник, звали его Фиакул Мак-Кона¹. И он убил этих поэтов. Искромсал их, не оставив ни поэтинки. Он как бы вычеркнул их из мира и из жизни, и они просто перестали существовать. Во всяком случае, никто не мог сказать, куда они подевались и что с ними на самом деле стало. Это само по себе удивительно — что такое можно сотворить с человеком, не говоря уже о целой ватаге людей. Не будь они юнцами, этот жуткий Фиакул с ними бы не справился. Возможно, с ним была целая банда, хотя в летописях об этом ни слова; в любом случае он их уничтожил, и все они погибли от руки его.

Финн видел, что произошло, и, наверное, кровь у него стыла в жилах, когда наблюдал он, как этот свирепый разбойник в ярости гонялся за поэтами, словно дикий пес за стадом овец. И когда все они уже были мертвы и настал его черед, когда этот душегуб с окровавленными руками стал на него надвигаться, Финн, быть может, и дрогнул, но попытался дать отпор, оскалив зубы и вцепившись в его огромные ручищи. Скорее всего, он так и сделал, и, возможно, за этот поступок Фиакул его и пощадили.

— Ты кто такой? — взревела черная пасть, в которой извивался и дергался, словно рыба, красный язычище.

— Я сын Кула, сына Башкне, — ответил неукротимый Финн.

И вдруг разбойник перестал быть разбойником, убийца исчез, черная пропасть с краснорыбицей в ней переменилась, а готовые сожрать глаза перестали вылезать из орбит. Вместо убийцы предстал улыбающийся и преданный слуга с глазами на мокром месте; и он готов был служить и угождать, если на то будет воля сына его величайшего господина. Домой Финн отправился, сидя на плече этого разбойника, а тот громко фыркал, совершал по дороге большие прыжки и вообще вел себя как первостатейный жеребец. Оказалось, что этот самый Фиакул был супругом Бовмалл, тетки Фин-

¹ *англ.* Fiacuil mac Cona.

на. Когда клан Башкне был низвергнут, он удалился в дебри, дабы воевать там с миром, что посмел убить его господина.

Глава VII

Так у Финна началась новая жизнь в разбойничьем логове, затерянном среди бескрайних промозглых топей.

Это было секретное жилище, с несколькими тайными выходами и еще более скрытыми входами; в его сырых, затянутой паутиной, извилистых лабиринтах можно было скрывать сокровища или прятаться самому.

Там этот разбойник жил один, и за неимением других собеседников он много говорил с Финном. Показывал ему свое оружие и демонстрировал, как с ним управляться: как одним ударом он рассекает жертву и как сечет ее, чтобы изрубить. Рассказывал, почему одного человека можно рассечь одним ударом, а другого приходится кромсать. Все люди в молодости чему-то учатся, и Финн тоже приобрел тут кое-какие знания. Он рассматривал огромное копье Фиакла, на втулке которого было тридцать заклепок из аравийского золота, и нужно было обязательно держать его зачехленным и крепко связанным, чтобы оно не убивало людей благодаря лишь своей злобной натуре. Оно было фенийским, им владел Аллен Мак-Мидна¹, и позже ему суждено было вернуться к этому человеку, вонзившись ему в спину между лопатками.

Какие истории этот разбойник рассказывал мальчику? И какие малец задавал вопросы? Должно быть, Фиакл знал тысячу приемов, а поскольку тянет нас к наставничеству, а также потому, что ни один прием не скрыть от мальчишки, разбойник показывал их Финну.

К тому же кругом было болото, и в нем была жизнь, которую следовало изучить; жизнь непростая и таинственная в мокроте среди тростниковых зарослей; она была коварна, но по-своему красива

¹ *англ.* Aillen mac Midna.

и настолько привлекательна по природе своей, что можно было позабыть о жизни на тверди земной и любоваться только тем, что трепыхалось среди тины и пускало там пузыри.

— В этом месте можно купаться. Вон по тем признакам можно определить, что оно безопасно, — говорил Фиакул. — А вот эти знаки говорят, что сюда лучше и пальцем ноги не соваться!

И куда бы ни совался Финн, его ушки всегда были на макушке.

— Там, в глубине, заросли водорослей, — предупреждал его разбойник. — У них тонкие, но прочные стебли. Они как змеи — схватят и обовьют тебя, начнут тянуть и не отпустят до тех пор, пока не захлебнешься. Будешь трепыхаться и дергаться, тянуть руки, и пытаться нащупывать ногами дно, и лихорадочно оглядываться вокруг, а тебя будут держать эти кожистые плети, и хвататься ты сможешь только за них, пока наконец не утонешь.

— Обращай внимание на это, и на то, и на это тоже, — предостерегал он Финна, — и всегда плавай с ножом в зубах.

Так Финн и жил там, пока его опекуншы не узнали, где он, и не пришли за ним. Фиакул передал им Финна, накопившего новые знания и обогатившего себя новыми умениями, и снова вернулся он домой, в леса Слив Блум.

Сыны Морны надолго оставили его в покое. После набега они расслабились.

«Ничего, — говорили они. — Сам попадет к нам в лапы, когда придет время».

Вполне вероятно также, что они получали как-то сведения о нем. Как подрастал? Как крепи его мышцы? Научился ли он во время прыжков не заступать за черту или надо было его подталкивать? Финн же оставался со своими стражницами и охотился для них. Он мог настигнуть оленя и притащить его домой, схватив за рога. «Давай, давай, Голл, — приговаривал он, крепко ухватив этого оленя за морду и заставляя перескакивать кочки. — Пойдешь ты, лысый Конан, или мне надавать тебе по шее?»

Должно быть, недалеко было то время, когда он вздумает ухватить за морду весь этот мир, перетащить его через кочки и загнать в свой загон; ибо Финн принадлежал к той породе людей, которые становятся умельцами и отменными повелителями.

Слухи о его мастерстве разлетались далеко вокруг. Клан Морна начал беспокоиться, и однажды его опекунши отправили его от себя.

— Теперь тебе лучше покинуть нас, — сказали они статному юноше, — ибо сыны Морны снова выслеживают тебя, чтобы убить.

После таких слов лес стал казаться зловещим. С верхушки дерева могут сбросить камень; но с какого именно? Их же в лесу тысячи! Стрела может прожужжать прямо над ухом и, вонзившись в землю, грозно и безмолвно дрожать, намекая на братьев, из чьих колчанов она только что вылетела. Где они могут скрываться? Справа? Слева? Сколько их? Сколько колчанов? Финн был человеком леса, но у него была только пара глаз, чтобы наблюдать, и одна пара ног, чтобы нестись в одном направлении. Он смотрел вперед, но кто при этом мог буравить его взглядом сзади и сколько этих «кто» было позади? Натянув тетиву, он мог целиться в любом направлении, метя в ухмылку на прячущейся в кустах роже. Однако из этого куста или вон из того на него в любой момент могло вылететь копьё. Ночью он мог сражаться, противопоставляя свой острый слух вражеским ушам, а свой легкий и бесшумный бег — против затаившихся недругов. Он знал лес, и ночью мог сражаться против несметного их количества, однако днем у него не было шансов.

Поэтому Финн отправился поискать удачу, чтобы противостоять всему, что может с ним случиться, и чтобы отчеканить свое имя, которое будет жить в веках, пока само Время готово внимать и знает ирландца.

Глава VIII

Финн ушел, и теперь он остался один. Впрочем, он так же легко переносил одиночество, как и журавль, что бродит в уединении среди унылых водяных просторов; ибо у человека товарищем может быть разум его, а он у Финна работал так же скоро, как и его тело. Одиночество для него не проблема, ведь даже в окружении он был одинок всю свою жизнь; ибо было в конечном счете сказано о Финне, что все обретенное он утратит и что счастье ни на мгновение не будет спутником его.

Однако нынче он не искал одиночества. Ему хотелось услышать глас толпы, и поэтому, когда встречал он людей, к ним присоединялся. Его глаза были зоркими, и когда он вглядывался в смутные сумерки, и когда смотрел на яркую, зеленую пестроту лесов. Его глаза умели выхватывать среди теней птиц с серо-коричневым оперением и замечать среди зарослей зверей, маскирующихся под цвет древесной коры. Он примечал и притаившегося в траве зайца, и рыбу, которая едва заметно шевелится среди бликов и зеленоватых водяных разводов на мелководье. Он видел все, что можно было заметить, и замечал все, что обычно и вполупину не видно нетренированным и ленивым глазам.

У Лиффи¹ он набрел на парней, плавающих в заливе; и, глядя, как они боролись с приливными волнами, подумал, что все их приемчики и фортели для него сущая ерунда, и он сам мог бы показать им много новых.

Мальчишкам же надо знать, на что способен другой парень и смогут ли они его превзойти. Поэтому перед внимательно взи-

¹ *Лиффи* (ирл. *Life*, англ. *Liffey*) — река в Ирландии, протекающая через центр Дублина; также называлась Ана-Лиффи.

рающим на них Финном они старались изо всех своих сил, а потом пригласили посоревноваться с ними, дабы показать себя. Такое приглашение — откровенный вызов; а у мальчишек почти объявление войны. Однако Финн настолько лучше их плавал, что даже слово «мастер» не подходило для описания его превосходства.

И пока он плавал, один из парней заметил: «Он красив и хорошо сложен». После этого его и стали называть Финном, то есть Красавчиком. Это прозвище дали ему мальчишки; возможно, они же его и сберегли.

Финн пожил некоторое время с этими ребятами, и, возможно, они поначалу боготворили его, ибо мальчишек вечно изумляют и восхищают подвиги; но в конце концов, что было неизбежно, они стали завидовать чужаку. Бывшие первыми и лучшими до его появления сплотились вместе, а потом надавили на прочих и построили против него всех остальных, так что в конечном счете никто из этой ватаги не смотрел уже на Финна дружелюбно. Не только побеждал он их в плавании, превосходил в беге и в прыжках; когда спорт превращался в борьбу, а это случалось неизбежно, сила Финна была в десять раз сильнее, чем самая сильная сила, с которой они могли выступить против него. Храбрость — это гордость, особенно когда молод, а Финн был гордецом.

Наверное, когда он уходил, оставляя позади и этот залив, и этих озлобленных, хмурых мальчишек, он гневался в сердце своем и был даже разочарован, потому что в то время он стремился быть дружелюбным.

Оттуда он отправился в Лох-Лейн и поступил на службу к королю Финнтрею¹. Возможно, его королевство было именовано благодаря самому Финну, и, когда он в него прибыл, оно было известно под другим названием.

Он охотился для короля Финнтрея, и вскоре стало ясно, что при дворе нет охотника, равного Финну. Более того, среди всех егерей не было ни одного стрелка, который хотя бы отдаленно мог приблизить к нему в мастерстве. Прочие преследовали оленей, используя быстроту собственных ног, нюх своих гончих и тысячи проверенных уловок, чтобы настичь его, и все же довольно часто

¹ *англ.* Finntraigh.

добыча от них ускользала. Однако Финн всегда добывал выслеживаемого оленя, и, казалось, сами звери шли к нему, столько он ловил.

Короля поражали истории, которые рассказывали об этом его новом охотнике, а поскольку короли выше прочих людей, они более и любопытны, ведь, находясь на верхотуре своего положения, они должны быть в курсе всех замечательных событий, о которых болтают люди.

Король возжелал его увидеть, и, пока король его рассматривал, Финн, должно быть, задавался вопросом, что думает о нем этот милостивый лорд. Однако, что бы там он ни думал, сказанное было столь же пронизательным, как и наблюдения.

— У Кула, сына Башкне, есть сын, — молвил король. — Думаю, это ты и есть.

Неизвестно, сказал ли король Финнтрей что-нибудь еще, зато мы знаем, что вскоре после этого Финн оставил свою службу.

Он отправился на юг и затем оказался на службе короля Керри, того самого лорда, который женился на его матери. На этой службе он снискал уважение, и, говорят, он даже играл с королем в шахматы¹, и по этой забаве мы можем судить, что он по своему развитию оставался все-таки подростком, хотя физически был силен не по годам. Как бы ни был хорош он во время состязаний или на охоте, Финн был еще слишком молод, чтобы быть политиком; он им и не был до конца своих дней, ибо все, что он мог делать, он делал, не обращая внимания, что это могло кого-то задеть, а все, что он сделать не мог, он делал точно так же. Таков был Финн.

Однажды во время привала на охоте среди фениев возник спор, какие звуки самые лучшие в мире.

— Каково твое мнение? — просил Финн, повернувшись к Ойсину².

— Зов кукушки, сидящей на вершине самого высокого дерева в роще, — воскликнул его веселый сын.

¹ Речь об кельтской игре фидхелл (*ирл.* Fidhcheall, fithchill — «знание дерева»), лишь напоминавшей шахматы; согласно легенде, она была придумана Лугом.

² *Ойсин* (*Оисин, Оссиан, Оссин, Ойзин, Ойсен*, англ. Oisi'n) — легендарный воин и бард, живший, по преданиям, в Ирландии в III в.

— Славный звук, — ответил Финн. — А для тебя, Оскар, какие звуки самые прекрасные?

— Лучшие звуки — звон копья при ударе по щиту, — воскликнул этот крепыш.

— Славный звук, — согласился Финн.

Потом и прочие молодцы рассказали, какие звуки им по сердцу: крик оленя над озером, несущееся издалека бляение стада, песня жаворонка, радостный девичий смех или ее взволнованный шепот.

— Все это славные звуки, — согласился Финн.

— Скажи нам, предводитель, — осмелился один из них, — а сам ты что думаешь?

— Звуки происходящего, — сказал великий Финн, — вот лучшие звуки в мире.

Он любил «происходящее», и ни на волос не уклонялся от него; будь что будет, пусть происходит, хотя бы его соперником и повелителем был сам король!

Возможно, его мать наблюдала за поединком, а он не мог не выказать перед ней свое мастерство. И он совершил невообразимое, выиграв семь партий подряд у самого короля!

И впрямь, редко подданный может выиграть у короля в шахматы, и монарх сей был, без сомнения, поражен.

— Да кто ты вообще такой? — воскликнул он, отходя от шахматной доски и уставясь на Финна.

— Я сын селянина из рода Луагне¹ из Тары², — ответил Финн.

Финн, возможно, покраснел, когда король сказал это, потому что он словно впервые глянул на него, обозревая все его двадцать прожитых лет. Наблюдательность же владыки безупречна, сказания доказывают это тысячу раз, и у этого короля она была такой же монаршей, как и у прочих.

— Нет, не его ты сын, — воскликнул возмущенный монарх, — ты сын, которого супруга моя Мюрн родила Кулу, сыну Башкне.

¹ *Луагне* (*Луигне*, *Луагни*) — один из трех сыновей Эримона (Эремона), который, согласно легендам, был верховным королем Ирландии и одним из основателей ирландских династий.

² *Тара* (*ирл.* Teamhair na Rí — «Холм королей») — возвышенность в 32 км к северу от Дублина; считается, что на этом месте находилась древняя столица Ирландии.

На это Финну сказать было нечего; должно быть, он только бросил быстрый взгляд на мать, да так его и не отвел.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — продолжил его отчим. — Не хочу, чтобы тебя убили, когда ты под моей защитой, — пояснил он или посетовал.

Возможно, именно благодаря Финну страшился он сыновей Морны, но никто не ведает, что подумал о нем Финн, ибо с тех пор никогда не говорил он о своем отчине. Что же до Мюрн, то она, должно быть, любила своего господина; а возможно, она и впрямь боялась сыновей Морны и волновалась за Финна; однако верно и то, что, если женщина любит своего второго мужа, она может не примечать всего того, что напоминает ей о первом.

Финн снова отправился в путь.

Глава IX

Все желания, кроме одного, быстротечны, и лишь одно пребывает вовеки. У Финна, помимо прочих желаний, было неизбывное — он бы отправился куда угодно и отказался от всего ради мудрости; именно в поисках мудрости отправился он в места, где на берегу Бойна¹ жил Финегас². Однако из страха перед кланом Морна не стал он называться Финном. По дороге называл он себя Деймне.

Мы становимся мудрее, задавая вопросы, и, даже если они остаются без ответов, мы все же мудреем, ибо правильно заданный вопрос тащит ответ на своей спине, как улитка раковину. Финн задавал любые вопросы, какие только приходили ему на ум, а его учитель, который был поэтом, а значит, человеком благородным, отвечал на все, а если и замолкал, то не потому, что терял терпение, а лишь потому, что доходил до пределов возможностей своих.

— Почему ты живешь на берегу реки? — таков был один из вопросов.

— Потому что стих — это откровение, и лишь у края текущей воды открывается разуму поэзия.

— Давно ты здесь? — был следующий запрос.

— Семь лет, — ответил поэт.

— Это долго! — удивленно заметил Финн.

— Я бы прождал и вдвое дольше ради стиха, — сказал верный поэзии бард.

— Наловил славных стихов? — спросил его Финн.

¹ *Бойн* (англ. Boyne Water) — река в Ирландии, в провинции Лейнстер.

² *Финегас* (Finegas, Finnegas, Finneces, Finn Eces) — легендарный ирландский поэт и мудрец.

— Те, что мне по силам, — кротко ответил мастер. — Никто не наловит больше того, что по силам, ибо способности человека — граница его.

— У Шеннона, или Шура, или милой Ана-Лиффи наловил ты стихов не хуже?

— Это славные реки, — был ответ. — Все они посвящены славным богам.

— Почему же ты выбрал эту реку из всех?

Финегас улыбнулся своему ученику.

— Я тебе поведаю, — ответил он, — расскажу и об этом.

Финн уселся у ног славного наставника, водя руками по высокой траве, и весь обратился в слух.

— Мне было дано предсказание, — начал Финегас. — Один мудрец сказал мне, что я поймаю Лосося Знания¹ в водах Бойна.

— А потом? — нетерпеливо спросил Финн.

— Тогда я стану обладать Всезнанием.

— А после этого? — не унимался мальчишка.

— А что может быть после этого? — возразил поэт.

— Я имел в виду, что ты станешь делать со Всезнанием?

— Веский вопрос, — с улыбкой ответил Финегас. — Я бы ответил на него, если бы обладал Всезнанием, но не прежде. А что бы ты сделал, мой дорогой?

— Я бы состряпал стих! — воскликнул Финн.

— И я так считаю, — молвил поэт, — так и следовало бы поступить.

В благодарность за наставления Финн взялся заниматься домашним хозяйством в жилище своего наставника; взясь по дому, черпая воду, разводя огонь и укладывая тростник на пол и на лежанки, он перебирал в голове все, чему его учил поэт, обдумывая стихотворные размеры, хитросплетения слов и необходимость уметь, ясный и смелый. Однако в тысячах мыслей своих он все же возвращался к Лосою Знания так же нетерпеливо, как и его наставник. Он и так преклонялся перед Финегасом за необычайную ученость, за поэтическое мастерство и по сотне других причин; но, глядя на него как на уготованного поглотителя Лосося Знания, он

¹ ирл. Bradán Feasa, иногда переводится как «Лосось Мудрости».

чтил его безмерно. И конечно же, он также любил и почитал его за безмерную доброту, терпение, готовность учить и за талант наставника.

— Я многому научился у тебя, дорогой учитель, — с благодарностью молвил Финн.

— Все, что есть у меня, — твое, если можешь перенять, — ответил поэт, — ибо право имеешь на все, что можешь взять, но не сверх того. Хватай же пригоршнями.

— Может, ты словишь того Лосося, пока я с тобой? — тешил себя надеждой мальчишка. — Вот это было бы событием!

При этом он зачарованно всматривался поверх трав в те дивные картины, что рисует фантазия юнца.

— Давай помолимся об этом, — горячо откликнулся Финегас.

— Вот интересно, — спросил затем Финн, — как этот Лосось наполняет свою плоть мудростью?

— Над тайным прудом в секретном месте нависает куст орешника. С этого священного куста в пруд падают орехи Знания, и, пока они плавают, Лосось хватает их ртом и глотает.

— А не было бы гораздо проще, — заявил пострел, — разыскать этот священный орешник и слопать орехи прямо с куста?

— Это было бы проще, да все же нелегко, — ответил поэт, — ведь найти куст можно, лишь обладая знаниями о нем, а их можно получить, только съев орехи, а их можно заполучить, только съев Лосося.

— Придется дожидаться этого Лосося, — скрепя сердце, тяжело вздохнул Финн.

Глава X

Жизнь шла для него круговертью вневременного времени, в котором дни и ночи проходили без всяких происшествий, хотя и наполнялись разными интересностями. Каждый день наливал тело его грузом силы, также множился и запас знаний в уме его, и каждая ночь запечатывала и скрепляла оба прибитка, ибо именно ночью мы закрепляем то, что собрали днем.

Возьмись он рассказывать об этих днях, поведал бы о чреде трапез и сна и о бесконечных беседах, от которых его разум порой соскальзывал в уединение, где в обширных туманных воздушных массах качался он и плыл, отдыхая. А потом он снова возвращался, и приятно ему было ухватывать убежавшую вперед мысль и воссоздавать все пропущенные им рассуждения. Однако часто совершать такие сонные прогулки он не мог; ибо его наставник был слишком опытен, чтобы допускать такие просветленноликие и устремленноокие отвлечения, и, подобно женщинам друидкам, хлеставшим его по ногам при нарезании кругов вокруг дерева, Финегас преследовал его разум, требуя здравомыслия в вопросах и понимания при ответах.

Задавать вопросы может стать ленивейшим и самым непригодным занятием ума, однако, когда вы сами должны решить поставленную проблему, вы должны с тщанием обдумать свой вопрос и четко его оформить. Разум Финна научился скакать по более кочковатому полю, чем то, по которому он гонялся за зайцами. И когда он задавал свой вопрос и давал на него собственный ответ, Финегас принимался за дело и разъяснял ему, где вопрос был плохо поставлен или в какой момент ответ начал сбиваться с пути, чтобы Финн пришел к пониманию, каким образом хорошо поставленный вопрос вырастает в конце концов до славного ответа.

Однажды, вскоре после упомянутого разговора, Финегас пришел туда, где находился Финн. В руке у поэта была небольшая плетенная корзинка, а на лице выражение одновременно торжествующее и мрачное. Он был, без сомнения, взволнован, и в то же время опечален; он стоял, глядя на Финна, и глаза его стали такими ласковыми, что мальчишку это искренне тронуло, и в то же время его взгляд был так грустен, что Финн едва не прослезился.

— Что случилось, мой учитель? — спросил встревоженный мальчик.

Поэт опустил свою корзину из лозы в траву.

— Загляни в корзину, сынок, — молвил он.

Финн глянул.

В корзине лежал лосось.

— Это тот самый лосось, — тяжело вздохнул Финегас.

Финн подпрыгнул от восторга.

— Я рад за тебя, учитель, — воскликнул он. — Право слово, я так за тебя рад!

— И я рад, сердце мое, — согласился учитель.

Однако, молвив так, он склонил голову к руке и долго молчал, собираясь с мыслями.

— И что теперь делать? — спросил Финн, глядя на чудесную рыбину.

Финегас поднялся с земли, где сидел рядом с плетеной корзиной.

— Я скоро вернусь, — выдавил он из себя. — А пока меня не будет, ты можешь пожарить этого лосося, чтобы он был готов к моему возвращению.

— Поджарю конечно, — ответил Финн.

Поэт смерил его долгим и серьезным взглядом.

— Ты ведь не откусишь ни кусочка от моего лосося, пока меня не будет? — спросил он.

— Ни кусочка! — подтвердил Финн.

— Уверен, что ты этого не сделаешь, — пробормотал поэт, повернувшись и медленно двинувшись по траве к кущам у скалистого кряжа.

Финн приготовил лосося. Он был красив, заманчив и восхитительно пах, пока коптился на деревянном блюде в окружении про-

хладных зеленых листьев; все это подметил и Финегас, когда вышел из кущи и сел на траву перед собственной дверью. Он смотрел на эту рыбу не только глазами. Он взирал на нее всем сердцем, всей душой во взгляде, и, когда он повернулся, чтобы глянуть на Финна, мальчишка не понял, была ли любовь в его глазах к рыбе или же к нему самому. И все же он сообразил, что для поэта настал великий момент.

— Значит, — сказал Финегас, — ты все-таки меня не объел?

— Разве я не обещал? — ответил Финн.

— И все же, — продолжил его учитель, — когда я удалился, ты бы мог съесть эту рыбу, если счел, что тебе это надо.

— И почему это я должен зариться на чужую рыбу? — фыркнул гордый Финн.

— Потому что у юных желания сильны. Я подумал, что ты, возможно, сначала попробуешь его, а потом и полностью меня объешь.

— Я только случайно его попробовал, — рассмеялся Финн, — ибо, пока эта рыба жарилась, на ее коже вздулся здоровущий пузырь. Вид его мне не понравился, и я ткнул в него большим пальцем. Палец обожгло, ну я и сунул его в рот, чтобы не так больно было. И если твой лосось так же вкусен, как был этот мой палец, значит, он и вправду отменен! — рассмеялся Финн.

— Как сказал зовут тебя, сердце мое? — спросил поэт.

— Я говорил, что меня зовут Деймне.

— Тебя зовут не Деймне, — ответил добряк, — тебя зовут Финн.

— Это верно, — ответил мальчик, — но я не знаю, как ты это выяснил.

— Хотя я и не съел Лосося Знания, кое-какие соображения у меня имеются.

— Хитро знать, что тебе ведомо, — удивленно ответил Финн. — Что же еще тебе обо мне известно, дорогой учитель?

— Ведомо, что не сказал я тебе правду, — скрепя сердце ответил Финегас.

— И что ты мне вместо нее поведал?

— Сказал неправду.

— Это нехорошо, — признал Финн. — И что это была за неправда, о учитель?

— Я поведал тебе, что, согласно пророчеству, я должен поймать Лосося Знания.

— Ну да.

— И это было именно так; я поймал рыбу. Однако я не сказал тебе, что не я должен съесть этого лосося, хотя об этом было в пророчестве; это умолчание и было ложью.

— Ну невелика ложь, — успокоил его Финн.

— Она не должна возрасти, — сурово ответил поэт.

— Так для кого рыба? — спросил Финн.

— Она предназначена тебе, — ответил Финегас. — Предназначена Финну, сыну Кула, сына Башкне, и отдана она будет тебе.

— Ты получишь половину этой рыбы! — воскликнул Финн.

— Ни кусочка ее шкуры не съем я, даже размером с кончик самой маленькой косточки! — решительно ответил взволнованный бард. — Давай съешь ее теперь, а я буду наблюдать за тобой и возносить хвалу богам Подземного мира и Стихий.

Тогда Финн съел Лосося Знания, и, когда рыба исчезла, к поэту вернулись отменное веселье, спокойствие и радость.

— Ах, — сказал он, — какая битва была у меня с этой рыбой!

— Она боролась за свою жизнь? — спросил Финн.

— Так и было, но я имел в виду не этот бой.

— Ты тоже съешь Лосося Знания, — заверил его Финн.

— Ты одного уже съел, — весело отмахнулся поэт, — но раз ты мне такое предрекаешь, значит, сие тебе ведомо.

— Обещаю и уверен, — ответил Финн, — ты еще съешь Лосося Знания!

Глава XI

Финн получил все, что мог перенять от Финегаса. Обучение закончилось; пришло время испытать его и испробовать все прочее, что было в его уме и теле. Он попрощался с ласковым поэтом и отправился в Тару королей.

Был праздник, время Самайна¹, и праздновали в Таре, куда собрались все, кто был мудр, ловок или имел родовитые корни в Ирландии.

Такой-то и была Тара в те дни. Был в ней дворец верховного правителя с его укреплениями; кроме того, было там и еще одно укрепление, окружавшее четыре дворца поменьше, каждый из которых был под попечением одного из правителя провинций²; помимо этого, там был также большой пиршественный зал, а вокруг него простирался во всю свою ширь священный холм, окруженный главными валами и бастионами Тары. Отсюда, из самого центра Ирландии, выходили четыре большие дороги: на север, юг, восток и запад, и по этим дорогам, сверху и снизу и с обеих сторон Ирландии, уже за несколько недель до начала Самайна бесконечным потоком двигались путники.

Вот прошла веселая ватага и пронесла богатые дары, дабы украсить ими шатер манстерского³ лорда. По другой дороге волокут чан из мореного тиса, он огромен, как дом на колесах, тянет и толкает

¹ *Самайн* (ирл. Samhain) — кельтский праздник окончания уборки урожая.

² В старину Ирландия делилась на ряд провинций, каждая из которых управлялась своим королем.

³ Королевство Манстер (ирл. Ríocht Mhúmhain) существовало на юго-западе Ирландии по крайней мере с I в. до н. э.

его сотня прилежных быков, в нем эль, который обычно пьют измученные жаждой принцы Коннахта. По третьей дороге идут ученые мужи из Лейнстера, и у каждого в голове мысли, которые готовы смутить северного Олава и заставить южного выпучивать глаза и ерзать; маршируют они торжественно, каждый на тяжело груженной лошади, а на крупе у нее и по бокам очищенные от коры ивовые или дубовые дощечки, на них сверху донизу вырезаны огамические знаки: первые строки стихов (ибо было бы преступлением против мудрости записывать больше, чем первые строки), имена и даты царей, порядок законов Тары и ее краев, названия мест и их значения. На гнедом жеребце, мирно вышагивающем вон там, может быть, едут битвы богов, длящиеся две или десять тысяч лет; а эта кобылица с грациозной походкой и косящая злобным взглядом, быть может, сгибается под грузом записанных на дубовых дощечках од в честь семьи своего хозяина, а к ним прибавлено еще несколько связок дивных сказок — вдруг и они окажутся полезными; а вон та норовистая пегая лошадка, сдав назад, может, вывалит в канаву всю историю Ирландии.

В таком шествии все болтали друг с другом, ибо все были друзьями, никто не смотрел на оружие в чужой руке иначе, как на орудие, которым можно потыкать упершуюся корову или усмирить звонким шлепком какого-нибудь гордокопытного жеребенка.

Вот в этот кипеш и бурление веселого человеколюбия и нырнул Финн, и будь его настроение столь же драчливым, как у раненого кабана, он все же не нашел бы тут человека, с которым можно было бы повздорить; и если бы его взгляд был таким же колющим, как у ревнивого мужа, он не нашел бы ответного взгляда, в котором крылись бы расчеты, угроза или страх; ибо в Ирландии царствовал мир, и в течение шести недель человек был человеку соседом, а народ был гостем верховного короля¹. Финн последовал за благородными мужами.

Его прибытие пришлось на открытие и начало больших празднеств. Он наверняка смотрел и дивился на ярко освещенный город с его колоннами из блистающей бронзы и крышами, раскра-

¹ Верховный король (*ирл.* Ard Rí) — в древности глава Ирландии, резиденция которого находилась в королевстве Миде, в Таре.

шенными в разные цвета, так что каждый дом казался укрытым распростертыми крыльями какой-то гигантской великолепной птицы. Удивляли его, и не раз, и сами дворцы, словно бы набрякшие красным дубом, отполированные внутри и снаружи тысячетным тщанием и заботой и украшенные резьбой, что с терпеливым мастерством бесчисленных поколений выполняли знаменитейшие мастера самой изысканной страны западного мира. Должно быть, этот город показался ему городом мечты, городом, который пленит сердце, когда, идя по великой равнине, Финн словно на ладони увидел Тару королей, покоившуюся на холме и готовую собирать золото заходящего солнца, чтобы потом возвращать его сияние, столь же мягкое и нежное, как вся эта вселенская щедрость.

В великолепном чертоге торжеств все было приготовлено для пира. Нубили Ирландии со своими прелестными супругами, лучшие из ученых и мастеров, а также самые замечательные люди своего времени расселись по местам. Свое место на возвышении, царившим над всем этим огромным залом, занял Ард Ри Конн Ста Битв¹. Справа от него восседал его сын Арт, впоследствии прославившийся, так же как и его знаменитый отец, а слева от него почетное место занимал Голл Мор Мак-Морна, вождь ирландских феиниев. Заняв свое место, верховный правитель мог видеть каждого человека, известного в стране по той или иной причине. Он знал каждого здесь присутствовавшего, ибо слава всех людей запечатлена в Таре, а за его трон стоял глашатай, дабы сообщать королю о том, кого он мог не знать или забыть.

Конн подал сигнал, и гости уселись.

Пришло время оруженосцам занять места позади своих господ и повелительниц. К этому моменту все уже сидели в огромной зале, двери ее ненадолго были прикрыты, чтобы все уgomонились, затем в нее должны были войти слуги и оруженосцы.

Окинув взглядом своих гостей, Конн заметил, что один молодой человек все еще стоит.

— Для одного благородного, — молвил он, — не нашлось места.

¹ *Конн Ста Битв* (ирл. Conn Cétchathach) — легендарный Верховный король Ирландии с 116 по 136 г.

Не вызывает сомнений, что распорядитель пира покраснел при этом.

— Кажется, — продолжил король, — я не знаю этого юношу.

Не знал его ни глашатай, ни несчастный распорядитель, ни кто-либо еще; все взоры обратились туда, на кого смотрел король.

— Подай мой рог, — велел милостивый монарх.

Царственный рог вложили в его длань.

— Благородный юноша, — обратился король к незнакомцу, — я хочу выпить за твое здоровье и поприветствовать тебя в Таре.

Тогда молодой человек вышел вперед; более плечистый, чем любой богатырь на этом собрании, более рослый и более ладно скроенный; светлые кудри подрагивали на его безбородом лице. Король вложил ему в руку большой рог.

— Назови мне свое имя, — мягко повелел он.

— Я Финн, сын Кула, сына Башкне, — ответил юноша.

При этих словах собравшихся словно пронзила молния, каждый содрогнулся, а сын великого убиенного предводителя глянул через плечо короля в блеснувшие глаза Голла. Однако никто ничего не промолвил, и никто не шелохнулся, кроме самого Ард Ри, который шевельнулся.

— Ты сын друга, — сказал великодушный правитель. — Место друга тебе и полагается.

И он поместил Финна по правую руку от своего сына Арта.

Глава XII

Следует знать, что ночью в канун праздника Самайн открываются двери, разделяющие этот и иной мир, и обитатели каждого из миров могут покидать свои привычные обиталища и являться в мир иных созданий.

А у Дагды Мора¹, владыки Нижнего мира, был в ту пору внук, и звали его Аллен Мак-Мидна из Финнахайда², и Аллен этот питал непримиримую вражду к Таре и Ард Ри.

Правитель же Ирландии был не только ее верховным владетелем, но также и предводителем людей, сведущих в магии, и, возможно, когда-то Конн, отправившись в Тир-на-Ног³, Страну юности, совершил там какой-то поступок или проступок против владений Аллена или его семьи. По правде говоря, поступок тот должен быть чрезвычайно дурен, ибо в положенное время пылающий яростью мести Аллен ежегодно приходил, чтобы опустошать Тару.

Девять раз заявлялся он творить месть свою, однако не следует полагать, что он действительно мог разрушить священный город, ведь Ард Ри и маги не могли этого допустить, но все же Аллен мог нанести столь значительный ущерб, что Конну пришлось принять против него особые дополнительные меры предосторожности, в том числе и на всякий случай.

Поэтому, когда торжества закончились и начался пир, Конн Ста Битв встал со своего трона и оглядел собравшихся.

Служитель потряс Цепью Безмолвия, что и входило в его обязанности, от ее негромкого позвякивания все кругом стихло,

¹ ирл. Dagdha Mor.

² ирл. Sidhe Finnachaidh («Холм белого коня») — одно из владений племени Туата Де.

³ ирл. Tír na n-Og — в ирландской мифологии край изобилия и вечной молодости.

и все стали внимать, с каким делом верховный владыка обратится к своему народу.

— Друзья и герои! — сказал Конн. — Аллен, сын Мидны, явится сегодня ночью из Слив-Фуа¹ с ужасным потусторонним огнем против нашего города. Есть ли среди вас тот, кто любит Тару и короля и кто возьмет на себя защиту от этого создания?

Он говорил в тишине и, закончив, вслушивался в эту же тишину, но уже глубокую, зловещую и мучительную. Каждый муж спокойно глядел на своего соседа, а потом переводил взгляд на свою чашу с вином или на свои пальцы. Сердца юношей разгорелись на миг и тут же остыли, потому что все они слышали об Аллене из Финнахайда, что на севере. Менее благородные поглядывали исподлобья на более именитых, а те украдкой бросали взгляды на самого великого из них. Арт Ог Мак-Морна Крепкие Удары стал покусывать костяшки пальцев, Конан Сквернослов и Гарра Мак-Морна раздраженно ворчали друг на друга и на своих соседей, даже Кельте, сын Ронана, уперся взглядом себе в колени, а Голл Мор отхлебывал вино без всякого блеска в глазах. Ужасное смятение разлилось по обширному залу. Верховный владыка стоял в этой вибрирующей тишине, и его благородное лицо, доброе поначалу, стало серьезным, а затем ужасно суровым. Казалось, в следующий миг, к неизбывному позору всех присутствующих, он будет вынужден сам принять свой собственный вызов и объявит себя защитником Тары в эту ночь, и тогда стыд, который был на лицах его народа, остался бы в сердце их короля. Веселый ум Голла помог бы ему это забыть, но его сердце всегда сжималось бы от этого воспоминания, с которым он не смог бы ужиться. Именно в этот ужасный момент встал Финн.

— Что будет дано тому, — молвил он, — кто возьмет на себя эту защиту?

— Все, о чем можно будет попросить по закону, будет по-царски пожаловано, — таков был ответ короля.

— Кто поручители? — спросил Финн.

— Короли Ирландии и Красный Кит² со своими магами.

¹ *англ.* Slieve Fuaid.

² *англ.* Red Cith (Cithruagh) — один из легендарных друидов Ирландии.

— Я возьму на себя оборону, — сказал Финн.

При этом присутствовавшие короли и волхвы поручились выполнить этот договор.

Финн вышел из пиршественного зала, и, пока шел он, все присутствовавшие нобили, вассалы и слуги приветствовали его и желали ему удачи. Однако в сердцах своих они уже прощались с ним, ибо все были уверены, что юноша шел на смерть, столь неизбежную, что его уже можно было считать покойником.

Вполне возможно, что Финн ждал помощи у самого народа сидов, ибо по матери он принадлежал к племенам Дану, хотя со стороны отца кровь его была добро замешена с прахом земным. Возможно, впрочем, он знал, как повернутся события, потому что съел Лосося Знания. Тем не менее в записях не сказано, что он в этом случае использовал какое-либо магическое искусство в отличие от прочих его подвигов.

Способ, коим Финн обнаруживал все происходящее и скрытое, всегда был одним и тем же, и на это много раз указывали. Ему приносили неглубокое продолговатое блюдо из чистого светлого золота. Это блюдо наполняли прозрачной водой. Затем Финн склонял голову, смотрел на воду и, глядя на нее, клал большой палец в рот под свой зуб знания, свой зуб мудрости.

Можно сказать, что знание превыше магии, именно его и следует искать. Вполне можно видеть, что происходит, и все же не знать, что впереди, ибо, хоть видение и есть вера, из этого не следует, что видение либо вера есть знание. Многие могут зреть некий предмет и верить в него, однако знают они о нем так же мало, как и тот, кто не знает его и не верит в него. Финн же мог видеть и знать, и он понимал большую часть своих видений. Он всегда был сведущ в магии, это так; ведь он всегда был известен как Ведающий, а позже в его доме жили двое волшебников — Дирим и Мак-Рет¹, и они выполняли для своего хозяина всю черную работу познания.

Однако помощь Финну пришла не от сидов.

¹ *англ.* Dirinn, Mac-Reith.

Глава XIII

Он прошел через ряд укреплений, пока не вышел к внешней мощной стене, границе города, и, когда миновал он ее, оказался на широкой равнине Тары.

Кроме него, никого не было за пределами города, ибо в ночь праздника Самайн только безумец рискнул бы покинуть жилище, даже если бы оно было объято пламенем; ведь какие бы бедствия ни происходили внутри дома, они ничто по сравнению с бедствиями за его пределами.

Шум пирушки теперь не долетал до Финна; возможно, впрочем, что в огромном чертоге царила постыдная тишина; огни же города были скрыты двумя стоявшими друг за другом большими валами. Над ним было небо; под ногами — земля; и кроме не было ничего, лишь только тьма да ветер.

Однако тьмой Финна не утратить, ведь он вырос в сумраке леса, он был питомцем мрака; и ветер не мог поколебать ни ухо его, ни сердце. В его созвучиях не было ни одной ноты, над которой он бы не поразмыслил и которой бы ни стал, и становление это было магией. Протяжный стон, и волнующий шепот, и тишина, и пронзительный, тонкий, едва слышимый сладостный посвист его воспринимаешь скорее нервами, чем ухом; визг, внезапный, как крик дьявола, и грохочущий, как десять раскатов грома; крик, словно бы вырывающийся у того, кто бежит, оглядываясь назад на убежище из листьев и мрака; и всхлип человека, терзаемого многовековой тоской, вырывающийся лишь временами, когда нахлынет память, и вылетающий тогда с какой болью! Его ухо лови-

ло, в каком порядке появлялись эти звуки, как возрастали и уменьшились. Прислушиваясь в темноте к этому переплетению гремящих шумов, он мог распутать их, понять место и причину каждого звука, что сливались в общий, образующий хор: вон там топот кролика, а тут беготня зайца; вон там зашелестел куст, а этот краткий вспорох был птицей; а тот — надрыв волка, а это колебание воздуха — лиса; вот лист бьется о кору, а это следующее за ним царапанье — коготь хорька.

Страх не может быть там, где знание, и Финн не боялся.

Его разум, спокойно следящий по всем сторонам, выхватил один звук и сосредоточился на нем.

— Это мужчина, — сказал Финн и прислушался в направлении звука, в сторону города.

Это действительно был человек, почти столь же умелый во мгле, как и сам Финн.

«Это не враг, — подумал Финн. — Он идет открыто.»

— Кто идет? — крикнул он.

— Друг, — ответил прибывший.

— Как имя друга? — сказал Финн.

— Фиакул Мак-Кона, — был ответ.

— Ах, кровь и сердце мое! — воскликнул Финн и быстро бросился навстречу великому разбойнику, взрастившему его среди болот. Значит, ты не боишься, — добавил он радостно.

— Боюсь, по правде говоря, — прошептал Фиакул, — и в тот миг, когда мои дела с тобой будут закончены, я поспешу назад так быстро, как только смогут нести меня ноги. Да защитят боги мой отход, как охраняют они мое появление, — благочестиво добавил разбойник.

— Да будет так! — сказал Финн. — А теперь скажи мне, зачем ты явился?

— Есть ли у тебя какой-нибудь план против лорда сидов? — прошептал Фиакул.

— Я нападу на него, — сказал Финн.

— Это не план, — проворчал Фиакул, — нам надо планировать не атаковать, а одержать победу.

— Столь ли ужасен человек сей? — спросил Финн.

— Воистину ужасен. Никто не может ни приблизиться к нему, ни убежать от него. Он выходит из сида¹, играя сладкую, тихую музыку на тимпане и свирели, и все, кто слышит эту музыку, засыпают.

— Я не засну, — сказал Финн.

— Вот увидишь, ведь все засыпают.

— И что происходит тогда? — спросил Финн.

— Когда все засыпают, Аллен Мак-Мидна мечет изо рта огненное копьё, и все, чего касается этот огонь, уничтожается, а он может выпустить свой огонь на огромное расстояние и в любом направлении.

— Ты очень смел, раз пришел мне на помощь, — пробормотал Финн, — учитывая, что помочь-то ты мне совершенно не в силах.

— Я могу помочь, — ответил Фиакул, — но за это придется заплатить.

— И какова плата?

— Треть всего, что получишь ты, и место в твоём Совете.

— Согласен, — ответил Финн, — а теперь поведай, каков твой план.

— Помнишь мое копьё с тридцатью заклепками из аравийского золота на втулке?

— То, — заметил Финн, — острие которого было завернуто в покрывало и засунуто в ведро с водой, а древко приковано цепью к стене, — ядовитая Бирха?

— То самое, — подтвердил Фиакул. — Это копьё самого Аллена Мак-Мидны, — продолжил он, — и оно было отобрано у сидов отцом твоим.

— И что же? — спросил Финн, недоумевая, откуда у Фиакла взялось это копьё, однако из великодушия не спрашивая ничего.

— Когда услышишь, что идет великий муж из сидов, размотай наконечник копья и склони лицо свое над ним, и его жар, его зловолие, все его пагубные и едкие свойства не дадут тебе заснуть.

— Ты в этом уверен? — спросил Финн.

¹ *Сид* (ирл. side) — в ирландской мифологии божественные существа, обитавшие под землей, в холмах (также называвшихся сидами), в пещерах, расщелинах скал, а иногда на чудесных островах в океане.

— Ты точно не сможешь заснуть при таком зловонии; никто бы не смог, — решительно заверил Фиакул. — Аллен Мак-Мидна потеряет бдительность, когда перестанет поигрывать и начнет стрелять, — продолжил Фиакул. — Он будет уверен, что все спят; тогда ты и сможешь провести нападение, о котором говорил, и удача будет тебе сопутствовать.

— Я верну ему копьё его, — молвил Финн.

— Вот оно, — ответил Фиакул, доставая из-под плаща Бирху. — Однако будь с ним осторожен, сердце мое, бойся его так же, как ты опасешься воина Дану.

— Ничего не убоюсь, — воскликнул Финн. — Единственный человек, которого я пожалею жалеть, — это Аллен Мак-Мидна; получит он назад свое копьё.

— Теперь я пойду, — прошептал его спутник, — ибо темнеет там, где, как кажется, темноте уже и места нет; чую — вокруг разливается какая-то жуть, и это мне очень не нравится. Этот воин из сидов может заявиться в любую минуту, а если услышу я хотя бы один звук его музыки, мне конец.

Разбойник ушел, и Финн снова остался один.

Глава XIV

Он прислушивался к удаляющимся шагам, пока они не стихли, и единственным звуком, который доносился до его напряженного слуха, было биение его собственного сердца.

Стих даже ветер, и казалось, что в мире нет ничего, кроме тьмы и его самого. В такой вселенской черноте, незримой тишине и пустоте разум может перестать принадлежать самому себе. Его затопит и поглотит пространство, сознание перекосятся или спутается, и тогда можно будет спать стоя; ибо разум боится одиночества больше, чем всего остального, и скорее сбежит он на луну, лишь бы не погружаться внутрь самого себя.

Однако Финн был не одинок, и он не испугался, когда пришел сын Мидны.

Минула бесконечная полоса безмолвной ночи, мгновение за мгновением медленно сменяли друг друга, и не было в этой последовательности ни перемен, ни времени, в котором было прошлое или будущее, а было лишь одно одуряющее, бесконечное, почти уничтожавшее сознание настоящего. Затем наступила перемена, ибо задвигались облака, и за ними наконец проступила луна — не сияние, а как бы просачивающийся свет, отблеск, который проникал слой за слоем и был слабее призрака или воспоминания о свете; нечто увиденное мельком и вскользь, так мимолетно, что глаз мог засомневаться, видел он это или нет, и мог вообразить, что это лишь его собственная память воссоздает то, чего и не было вовсе.

Однако взор Финна был взором дикого зверя, который рыщет во тьме и намеренно в нее проникает. Поэтому увидел он не саму вещь, а лишь движение; нечто в ней возникшее, более темное, чем сама тьма; не существо, а лишь его присутствие, как бы надви-

гающееся давление. И через некоторое время он услышал неторопливую поступь сего могучего создания.

Финн склонился к своему копыю и расчехлил его.

Затем из темноты донесся еще один звук, тихий и сладостный; волнующе-радостный, волнующе-нежный; такой тихий, что ухо едва могло его различить, и так сладок был он, что ухо не хотело улавливать ничего кроме и стремилось слушать только его в ущерб другим звукам, которые могут быть услышаны человеком; это была музыка иного мира: неземная, драгоценная музыка сидов! Так сладостна была она, что все чувства устремлялись к ней, а достигнув, следовали за ней в полудреме, и растворялись в ней, и не могли снова вернуться на круги своя, пока не кончится это иное созвучие и слух не обретет свободу.

Однако Финн снял покровы со своего копыя и, прижав к нему лоб, сосредоточил свой разум и все свои чувства на этом обжигающем, убийственном острие.

Музыка смолкла, и изо рта Аллена с шипением молнии вырвалось яростное голубое пламя.

Похоже Финн применил тут чары, ибо, распахнув складки своего плаща, он поймал это пламя. Вернее, остановил его, потому что огонь скользнул по плащу и устремился вниз, в землю, на глубину двадцати шести пядей; и потому этот склон до сих пор называют Долиной Плаща¹, а возвышенность, на которой стоял Аллен, известна как Ард Огня².

Можно представить себе изумление Аллена Мак-Мидна, когда он узрел, что огонь его пойман и потушен невидимой рукой. Легко представить, что при таком обороте он мог бы испугаться, ибо кто может быть более напуган, нежели маг, который видит, что его волшебство терпит неудачу, и который, зная о своей силе, помыслит о тех силах, о которых он и знать не знает и которых наверняка должен опасаться.

Все было сделано им как должно. Его свирель играла, звучал и тимпан; все, кто слышал эту музыку, должны были спать, и все же огонь его в полете был захвачен и уничтожен.

¹ ирл. Glenn an bhruit.

² ирл. Ard na teinedh.

Аллен снова пыхнул со всей ужасающей силой, на которую был способен; гигантская струя голубого пламени вырвалась из него с ревом и свистом, но и она была захвачена и сгинула.

Паника охватила воина из чародеев; он развернулся на том гиблом месте и побежал, не зная, что может скрываться позади, однако страшась этого, как никогда прежде ничего не страшился; неизвестность преследовала его; ужасающий отпор обернулся нападением, которое висло на пятках, словно волк, вцепившийся в бычий бок.

Аллен же был не в своем привычном мире! Он находился в мире людей, где двигаться непросто, и сам воздух — бремя. В своих сферах, в родной стихии, он мог бы удрать от Финна, однако это был мир Финна, стихия Финна, и улепетывающий бог был недостаточно плотен, чтобы оторваться от него. И все же он устроил ту еще гонку, ибо только у входа в его собственный мир Финна смог приблизиться к Аллену достаточно близко. Он просунул палец в ремешок могучего копья, и от этого броска ночь пала на Аллена Мак-Мидна. В глазах у него потемнело, мысли закружились, ум померк, и там, где был Аллен, воцарилось ничто, ибо когда Биргха со свистом ударила ему промеж лопаток, он сник, сдулся, рухнул и умер. Финн же снял премилую его голову с плеч и пошел в ночи обратно к Таре.

Торжествующий Финн, принесший смерть богу, который сам сеял смерть и который теперь мертв!

Он добрался до дворца на рассвете.

В то утро все пробудились рано. Хотели увидеть, какие разрушения принесло им это могущественное существо, но увидели лишь юного Финна и эту грозную голову, которую нес он, покачивая, за волосы.

— Что потребуешь? — спросил Ард Ри.

— То, что должен просить по праву, — молвил Финн, — командование фениями Ирландии.

— Выбирай, — сказал Конн Голлу Мору. — Либо ты покинешь Ирландию, или протянешь руку этому победителю и станешь его человеком.

Голл же смог сделать то, что другому было бы не по силам, и он сделал это так красиво, что никак себя не унизил.

— Вот моя рука, — сказал Голл.

И подмигнул суровым юным очам, смотревшим на него, когда выражал он покорность.

РОЖДЕНИЕ БРАНА

Глава I

Есть люди, которые не привечают собак, обычно это женщины, но в этой истории речь о мужчине, который не любил собак. На самом деле он их даже ненавидел. Когда он видел одну из них, то темнел лицом и бросал в нее камни, пока та не скрывалась из виду. Однако Сила, защищающая все живое, наградила этого человека косоглазием, так что он всегда промахивался.

Господина этого звали Фергюс Финнлиат¹, и оплот его находился недалеко от гавани Голуэй². Всякий раз, когда влаивала собака, он вскакивал со своего места и бросал все что ни попадя через окно в сторону этого лая. Он награждал слуг, которые не любили собак,

¹ *англ.* Fergus Fionnliath.

² *Голуэй* — гавань на западном побережье Ирландии, в месте впадения реки Корриб в Атлантический океан.

*Речь о мужчине, который не любил собак.
На самом деле он их даже ненавидел. Когда он видел одну из них,
то темнел лицом и бросал в нее камни, пока та не скрывалась из виду.
Однако Сила, защищающая все живое, наградила этого человека
косоглазием, так что он всегда промахивался*

а когда узнавал, что кто-то утопил выводок щенков, он навещал этого человека и пытался свататься к его дочери.

Финн же, сын Кула, в этом отношении был полной противоположностью Фергюсу Финнлиату, ибо он собак обожал и знал о них все, начиная с того, как режется их первый крохотный белый молочный зубок, и заканчивая тем, как шатается их последний длинный желтый клык. Он знал присущие собаке любви и нелюбови; меру ее послушания, до которой собаку можно приучить, не потеряв при этом ее благородных качеств и не сделав ее подобострастной или боязливой; знал он надежды, которые ее воодушевляют, и тревоги, гудящие в крови ее, и все, что можно потребовать от ее лапы, уха, носа, глаза или зуба, и на что следует смотреть снисходительно; и все это знал он, потому что любил собак, ибо только лишь через любовь понимаем мы что-либо.

Среди трех сотен собак, коими владел Финн, была пара, к которой он проявлял особую нежность и которые были его спутниками днем и ночью. Звали их Бран и Школан¹, и можно было двадцать лет гадать и не понять, за что Финн любил именно этих двух псов и почему никогда не расставался с ними.

Мать Финна, Мюрн, отправилась на обширный Аллен² из Лейнстера, чтобы навестить сына, и она привела с собой свою младшую сестру Тирен. К матери и тетке своего великого вождя фении относились достойно, во-первых, потому что они были родственницами Финна, а во-вторых, они были красивыми и благородными женщинами.

Нет слов, чтобы описать, какой прелестной была Мюрн, — все лавры ей; что же касается Тирен, то ни один мужчина не мог смотреть на нее равнодушно или бесстрастно. Лицо ее было свежо, как весеннее утро; голос веселее, чем призыв кукушки, поющей с самой высокой ветки в роще; и стан ее гнулся, как тростник, и извивался, как река, и каждому казалось, что ее повлечет непременно к нему.

Имевшие жен мужчины мрачнели и делались угрюмыми, ведь не могли они надеяться жениться на ней, холостые же фении оки-

¹ *англ.* Scao'lan.

² Имеется в виду холм возле поселения Аллен.

дывали друг друга свирепыми, налитыми кровью глазами, а потом смотрели на Тирен так ласково, что казалось ей — скользят по ней нежные лучи восходящего солнца.

Свою любовь отдала она ольстерскому нобилю Иоллану Эхта-ху¹; этот предводитель, заявив о своих правах и достоинствах, попросил ее выйти за него замуж.

Финн не испытывал неприязни к этому человеку из Ольстера, однако либо он не знал его достаточно, либо, напротив, знал слишком хорошо, потому что сделал любопытную оговорку, прежде чем дать согласие на этот брак. Он обязал Иоллана вернуть эту даму, если найдется повод считать ее несчастливой, и Иоллан на то согласился. Поручителями в этом договоре были Кельте Мак-Ронан, Голл Мак-Морна и Лугайд². Последний сам отдавал невесту, однако радости от этого не испытывал, ведь он был влюблен в Тирен и предпочел бы оставить ее при себе, чем отдать. Когда же она ушла, он сочинил о ней стихотворение, начавшееся так:

Нет больше света в небесах...

И сотни опечаленных мужчин выучили этот стих наизусть.

¹ *англ.* Iollan Eachtach.

² Считается, что имя Лугайд произошло от бога Луга; Лугайд Лава был великим воином среди фенисов.

Глава II

Когда Иоллан и Тирен поженились, они уехали в Ольстер и жили вместе очень счастливо. Однако изменения — закон жизни; ничто не остается неизменным в течение определенного промежутка времени; счастье становится несчастьем, а ему на смену снова приходит радость, которую оно заменило. С прошлым тоже нужно считаться; редко оно бывает столь далеко позади, как нам бы хотелось; чаще оно оказывается впереди, преграждая путь, и будущее спотыкается о него, как раз когда мы думаем, что дорога свободна и радость обречена.

У Иоллана прошлое имелось. Он не стыдился его; только лишь думал, что с ним покончено, хотя на самом деле оно было только началом, ибо мы называем будущим лишь вечное начало прошлого.

До того как присоединиться к фениям, Иоллан был влюблен в деву из сидов по имени Укт Дилв¹ Прекрасная Грудь, и они были возлюбленными в течение многих лет. Как часто он навещал свою любовь в Дивноземье! С каким рвением и предвкушением он устремлялся туда! Любовный посвист, который он обычно подавал, был известен каждому из сидов, и не одна из нежных милых дам Дивноземья судачила о нем.

— Слышишь, тебя высвистывают, Прекрасная Грудь, — говорила ее сестра из сидов.

И Укт Дилв отвечала:

— Да, это мой смертный, мой возлюбленный, биение сердца и единственное сокровище.

Она прекращала прясть или шить, если занималась этими делами, или бросала печь лепешку из пшеничной муки мелкого помо-

¹ *англ.* Uct Dealv.

ла на меду, пусть себе печется сама, и летела к Иоллану. Затем шли они рука в руке по краю, пахнущему яблоневым цветом и медом, и смотрели на тяжело склоненные ветви, на танцующие и сияющие облака. Или же стояли они вместе, мечтая, взявшись за руки, и глядели друг другу в глаза, окидывая друг друга взорами с головы до пят. Иоллан смотрел вниз, вглядываясь в чудесные серые колодцы, которые глядели на него, мерцая под тонкими бровями, а Укт Дилв смотрела вверх, в огромные черные колодцы, которые бесконечно-попеременно становились то мечтательными, то страстными.

Затем Иоллан возвращался в мир людей, а Укт Дилв — к своим занятиям в Стране вечно молодых.

— Что он сказал? — спрашивала ее сестра из сидов.

— Он сказал, что я Ягода гор, Звезда познания и Цветок малины.

— Они всегда говорят одно и то же! — дулась ее сестрица.

— Однако выглядят по-разному, — настаивала Укт Дилв, — и чувствуют разное, — бормотала она, и бесконечный разговор возобновлялся.

Какое-то время Иоллан не появлялась в Дивноземье; Укт Дилв дивилась тому, и сестра ее строила сотни догадок, одну хуже другой.

— Он не умер, иначе оказался бы тут, — рассуждала она. — Он позабыл тебя, моя дорогая.

Потом в Тир-на-Ног долетели вести о свадьбе Иоллана и Тирена, и, когда Укт Дилв услышала эту новость, ее сердце на мгновение перестало биться, и она закрыла глаза.

— Вот так! — сказала ее сестра. — Вот сколько длится любовь смертного! — прибавила она с печальным торжеством в голосе, что столь свойственен сестрам.

Однако на Укт Дилв снизошла ярость ревности и отчаяния, о которых никто из сидов никогда и не слыхивл, и с этого момента была она способна на любое злодейство, ибо есть две вещи, которые непросто сдерживать, — это голод и зависть. Она решила, что женщина, заменившая ее в сердце Иоллана, горько пожалеет о том дне, когда это случилось. И долго размышляла она и лелея-

ла месть в сердце своем, сидя в задумчивом одиночестве и горькой сосредоточенности, пока наконец не вызрел у нее план.

Она владела искусством магии и умела изменять внешность, поэтому превратилась в женщину — посланницу Финна, самую известную женщину в Ирландии; затем покинула она Дивноземье и появилась в мире земном. Там она направилась в сторону крепости Иоллана.

Иоллан знал по облику посланницу Финна, однако был удивлен, увидав ее.

Она же его поприветствовала:

— Здоровья и долголетия, мой господин!

— Здоровья и добрых дней! — Ответил он. — Что привело тебя сюда, дорогая?

— Я пришла от Финна.

— Каково его послание? — спросил он.

— Царственный вождь собирается навестить тебя.

— Ему будут рады, — ответил Иоллан. — Мы устроим ему ольстерский пир.

— Все знают, что это, — любезно молвила посланница. — К тому же, — добавила она, — у меня есть послание и для твоей королевы.

Тогда Тирен вышла из дома к посланнице, и, когда они отошли на некоторое расстояние, Укт Дилв вытащила из-под своего плаща ореховый прут и хлестнула им по плечу королевы, и в тот же миг Тирен дернулась, задрожала, начала кружиться внутрь и вниз и превратилась в гончую.

Так печально было смотреть на эту прекрасную стройную собаку, стоящую и дрожащую от изумления, печально было видеть ее прекрасные глаза, ее жалобный и изумленный до ужаса взгляд. Однако Укт Дилв не печалилась. Она накинула цепь на шею этой гончей, и они отправились на запад, к дому Фергюса Финнлиата, который слыл человеком, больше всего на свете, ненавидевшим собак. Именно из-за этой молвы о нем и повела Укт Дилв к нему эту собаку. Она не стремилась найти для нее удобный кров: она хотела отыскать для нее худшее обиталище в мире, и она надеялась, что Фергюс отомстит ей за ту ярость и ревность, которые питала она к Тирен.

*Затем шли они рука в руке по краю, пахнущему яблоневым цветом
и медом, и смотрели на тяжело склоненные ветви, на танцующие
и сияющие облака*

Глава III

По пути Укт Дилв злобно ругала собаку, трясла и дергала ее за цепь. И часто взвизгивала гончая по дороге, и частенько тихонько скулила она.

— Ах ты, разлучница! Похитительница чужих возлюбленных! — грозно кричала Укт Дилв. — Что бы сказал твой миленок, увидав тебя теперь? Как бы вытянулось его лицо, если бы он увидел твои вытянутые уши, твою длинную узкую морду, твои дрожащие тощие лапы и длинный серый хвост! Не стал бы он любить тебя тогда, дрянная девчонка! Ты слышала о Фергюсе Финнлиате, — продолжала она, — о человеке, который на дух не выносит собак?

Тирен, конечно, о нем слышала.

— Я притащу тебя к этому Фергюсу, — кричала Укт Дилв. — И он начнет швырять в тебя камни. В тебя ведь их никогда не бросали. Ах ты, мерзкая девчонка! Ты еще не знаешь, что такое крутящийся камень, который с размаху да со свистом врезается в ухо, или как это отчаянно больно, когда им садануть по тощей лапе. Воровка! Доходяга! Паршивая дрянь! Тебя никогда не пороли, а теперь будут! Ты услышишь посвист плети, когда она полетит, изгибаясь, вперед, вгрызется в плоть и отпрянет назад. Ночью украдкой ты будешь вырывать старые кости и грызть их от голода. Ты будешь скулить и выть на луну, дрожать от холода, и никогда больше не похитишь ты возлюбленного другой девушки!

Так и в таком духе говорила она с Тирен, пока они двигались вперед, и гончая от этого дрожала, поджималась и отчаянно, жалобно скулила.

Вот пришли они во владение Фергюса Финнлиата, и Укт Дилв потребовала, чтобы ихпустили.

— Оставь эту собаку снаружи, — сказал слуга.

— Я не стану этого делать, — ответила выдававшая себя за посланницу.

— Ты можешь войти только без собаки, или стой тут с ней, — сказал суровый страж.

— Клянусь дланью своей, — воскликнула Укт Дилв, — что я войду с этой собакой, или твой хозяин ответит перед Финном.

Услыхав имя Финна, слуга чуть не рухнул. Он помчался звать своего господина, и Фергюс самолично вышел к большим дверям своего оплота.

— Гляди-ка! — изумленно воскликнул он. — Клянусь, это собака!

— Точно, собака, — буркнул угрюмый слуга.

— Иди отсюда, — сказал Фергюс Укт Дилв, — а когда прибьешь эту собаку, возвращайся ко мне, и я тебя награжу.

— Долгой жизни и здоровья тебе, мой добрый господин, от Финна, сына Кула, сына Башкне, — ответила она Фергюсу.

— Долгой жизни, здоровья и Финну, — ответил он. — Войди в дом и передай свое сообщение, но оставь собаку снаружи, ибо я не терплю собак.

— Собака войдет со мной, — ответила посланница.

— С чего бы это? — гневно воскликнул Фергюс.

— Финн посылает тебе эту собаку, чтобы ты заботился о ней, пока он ее не заберет, — сказала посланница.

— Удивительное дело! — проворчал Фергюс. — Финн же прекрасно знает, что нет на свете человека, который бы меньше любил собак, чем я!

— Как бы то ни было, господин, я передала сообщение Финна, и собака эта у меня за спиной. Примешь ее или отказываешься?

— Только в случае собаки и мог бы я отказать Финну, — молвил Фергюс, — но, поскольку я не могу ни в чем отказать ему, давай ее сюда.

Укт Дилв сунула ему в руку цепь.

— Ах ты, дрянная собака! — добавила она.

А потом она ушла, довольная своей мстостью, и вернулась домой к своим людям.

Глава IV

На следующий день Фергюс позвал своего слугу.

— Эта собака уже перестала дрожать? — спросил он.

— Нет, господин, — ответил слуга.

— Приведи сюда эту тварь, — сказал его хозяин, — пусть кто-то и остается недовольным, но Финн должен быть доволен.

Собаку приволокли, и он окинул ее злобным, недовольным взглядом.

— Да, действительно трясется, — заметил он.

— Это точно, — ответил слуга.

— Как ты лечишь эту дрожь? — спросил его господин, подумав, что, если у этой твари отвалятся лапы, Финна это не обрадует.

— Есть один способ, — с сомнением протянул слуга.

— Так если есть такой, расскажи мне! — сердито воскликнул его господин.

— Если бы вы взяли эту тварь на руки, обняли и поцеловали, дрожь могла бы прекратиться, — ответил слуга.

— Что ты сказал?! — заорал его хозяин и потянулся за дубинкой.

— Слышал я про такое... — смиренно ответил слуга.

— Притащи эту псину, — приказал Фергюс, — обними да поцелуй ее, и, если я замечу, что эта тварь все еще дрожит, я проломлю тебе башку.

Слуга наклонился к псине, но та цапнула его за руку и чуть не оттяпала ему нос.

— Эта псина меня не любит, — заметил слуга.

— Меня тоже, — рявкнул Фергюс. — Прочь с глаз моих!

Слуга удалился, и Фергюс остался наедине с гончей, а бедняжка была так напугана, что тряслась в десять раз сильнее прежнего.

— Точно у ней лапы отнимутся, — вздохнул Фергюс. — А ведь Финн будет в этом винить меня! — в отчаянии запричитал он.

Он приблизился к псине.

— Только попробуй цапнуть меня за нос или хотя бы коснуться зубами кончиков моих пальцев! — пригрозил он.

Он приподнял собаку, но она не огрызалась, а только дрожала. Несколько мгновений он осторожно придерживал ее.

— Если уж нужно ее обнять, — вздохнул он, — я обниму ее. Для Финна я бы пошел и на большее.

Он обхватил это создание, прижал к своей груди и угрюмо зашагал взад и вперед по зале. Собачий нос пристроился у него на груди под подбородком, и Фергюс аккуратно прижимал к себе псину через каждые пять шагов, и тут она высунула язык и робко лизнула его под подбородок.

— Перестань! — взревел Фергюс. — Никогда так не делай!

Он зарделся и злобно потупил взор. Снизу на него уставился кроткий взор карих глаз, и собака снова застенчиво лизнула его в подбородок.

— Если нужно ее поцеловать, — мрачно буркнул Фергюс, — я поцелую ее. — Для Финна я бы сделал и большее, — простонал он.

Он склонил голову, закрыл глаза и подтянул собачью морду к своим губам. И при этом собака завозилась у него на руках, твякнула и зализала его так, что он еле ее удержал. Наконец он опустил собаку.

— Смотри-ка! Уже ничуть не дрожит, — заметил он.

Так оно и было.

Теперь, куда бы он ни шел, собака следовала за ним, вилась вокруг, чуть насакивала на него и не отрывала от него преданного взгляда своих умных глаз, так что он только дивился.

— Я этой собаке нравлюсь, — пробормотал он изумленно. — Клянусь сердцем! — воскликнул он на следующий день, — мне нравится эта собака!

А еще через день он уже называл ее «мое сокровище, моя веточка». А через неделю он уже и представить не мог, как сможет без нее прожить хотя бы минуту.

Его терзала мысль, что какой-нибудь злыдень может бросить камень в эту собаку, поэтому он собрал свою челядь, слуг и обратился к ним.

Он сказал им, что эта гончая — царица всех тварей земных, биеение его сердца и зеница его ока, и он предупредил их, что любой, кто хоть искоса на нее глянет или заставит ее нервничать, жестоко за содеянное ответит и будет наказан. И он перечислил список несчастий, которые обрушатся на такого злодея, и эти кары начинались со сдирания кожи и кончались четвертованием, а между ними было много еще таких изощренных и немыслимых казней, что кровь людей, слышавших про них, стыла в жилах, а женщины из домашних, прямо не сходя с места, так и попадали в обморок.

Глава V

Со временем до Финна дошла весть, что сестра его матери не живёт с Иолланом. Тогда он сразу же отправил гонца с требованием выполнить данное ему обещание, потребовав немедленно возвращения Тирен. Иоллана это требование сильно опечалило. Он догадывался, что к исчезновению его королевы приложила руку Укт Дилв, и он умолял дать ему время, чтобы найти пропавшую девушку. Он пообещал, что если не сможет найти ее в течение определенного времени, то отдаст себя в руки Финна и подчинится любому приговору, который тот сможет ему вынести. Великий предводитель с этим согласился.

— Скажи этому потерявшему супругу, — молвил Финн, — что я заполучу либо девушку, либо его голову.

Иоллан отправился в Дивноземье. Дорогу он знал и вскоре пришел к холму, где обитала Укт Дилв.

Уговорить ее встретиться с ним было трудно, но в конце концов она согласилась, и они увиделись под яблоневыми ветвями Дивноземья.

— Ну? — сказала Укт Дилв. — А! Это ты, нарушитель обетов и предатель любви!

— Привет тебе и благословение, — смиренно ответил Иоллан.

— Ручаюсь! — воскликнула она. — Не будет тебе от меня никакого благословения, ибо неблагословенно было наше расставание, когда ты меня бросил.

— Я в опасности, — молвил Иоллан.

— Мне-то что до этого? — резко ответила она.

— Финн может потребовать мою голову, — пробормотал он.

— Пусть требует то, что может взять, — ответила она.

— Нет, — гордо возразил Иоллан, — он потребует лишь то, что я могу дать.

— Расскажи мне, что случилось, — холодно ответила она.

Тогда Иоллан поведал ей свою историю и в заключение сказал:

— Я уверен, что это ты спрятала девушку.

— Если я спасу твою голову от Финна, — ответила женщина из сидов, — тогда она по праву будет принадлежать мне.

— Это справедливо, — ответил Иоллан.

— А если твоя голова моя, то и тело под ней мое. Ты согласен?

— Да, — сказал Иоллан.

— Покайся, — сказала Укт Дилв, — что, если я уберегу тебя от этой напасти, буду твоей возлюбленной до конца жизни и времени.

— Я обещаю, — ответил Иоллан.

Тогда Укт Дилв отправилась в дом Фергюса Финнлиата, и она разрушила чары, наложенные на гончую, так что к ней вернулся прежний облик Тирен; а что до двух щенков, которых родила та гончая, то эти чары были нерушимы, поэтому они должны были оставаться как были. Этими двумя щенками были Бран и Школан. Их отослали Финну, и он безмерно их полюбил, ибо они были верны и ласковы, как могут быть только собаки, и были они такими же умными, как и люди. Кроме того, они же были двоюродными братьями Финна.

Потом Лугайд, так долго любивший Тирен, попросил ее выйти за него замуж. Ему пришлось доказать ей, что он не связан с какой-либо другой женщиной; и когда он доказал, что нет у него возлюбленных, они поженились и жили долго и счастливо — как и следует. Он же написал стих, начинавшийся так:

Прекрасен день. Как дорог взгляд зари...

И тысячи весельчаков выучили потом этот стих.

Что же касается Фергюса Финнлиата, то он слег в постель и пролежал так целый год и один день, страдая от пагубной привязанности, и помер бы он в постели, если бы Финн не прислал ему дивного щенка, и через неделю эта юная гончая стала «звездой судьбы» и дорогим «биением его сердца», так что он сразу выздоровел, а потом жил долго и счастливо.

МАТЬ ОШИНА

Глава I

Близился вечер, и фении решили этим днем больше не охотиться. Гончих свистками призвали к ноге, и начался степенный путь домой. Ибо, куда бы люди днем ни направлялись, вечером они будут шествовать степенно, а собаки будут перенимать такое настроение у своих хозяев. И так шествовали они среди золотистых лучей нежного заката, и тут вдруг из укрытия выскочила лань, и после этого прыжка исчезла вся лепота: мужчины заорали, собаки вывалили языки, и началась жаркая погоня.

Финн обожал погоню в любое время дня и ночи; вместе с Браном и Школаном он обогнал людей и собак из своего отряда, пока

в прозрачном мире не осталось ничего, кроме Финна, двух гончих и шустрой прекрасной лани. Кроме них, только редкие валуны, которые они огибали или через которые перемахивали; одинокое красивое дерево, что отстранено дремало у тропы, редкие кущи, накапливающие нежную тень так же, как улей копит мед, и еще шуршание травы, что тянется бескрайне и волнуется, колеблясь и качаясь на ветру бесконечными мерными волнами.

В самые рискованные моменты Финн был сосредоточен, вот и сейчас, несмотря на то что бежал во весь дух, он был сосредоточен. Не было ни одного движения его любимых гончих, которое он бы не замечал, известно было ему каждое движение головы, стоящих торчком ушей или хвоста. Однако знаки, которые подавали ему собаки в этой гонке, были ему неизвестны.

Он никогда не видал, чтобы они так стремительно мчались. Они были почти полностью поглощены погоней, но не скулили от нетерпения и не бросали на него взглядов, ожидая ободряющего крика, который он всегда подавал, когда они его ожидали.

Они поглядывали на него, но взглядов этих понять он не мог. В тех глубоких глазах был вопрос и утверждение, но не мог он понять, что это за вопрос и что они хотели ему передать. Время от времени какая-нибудь из собак в прыжке поворачивала голову и бросала взгляд, но не на Финна, а куда-то назад, на раскинувшуюся и пышную равнину, где исчезли их товарищи по охоте.

«Ищут других гончих, — предположил Финн. — Но все-таки не лают!»

— Голос, Бран! — закричал он. — Позови их, Школан!

Тут они глянули на него, и он не мог понять их взгляды, он никогда не видел подобных во время погони. Они не повизгивали и не взирали, но лишь добавляли тишину к тишине и скорость к скорости, пока их поджарые серые тела не превратились в единое сжатое и хлесткое устремление.

Финн лишь дивился.

— Они не желают, чтобы прочие собаки их услышали и присоединились к этой погоне, — бормотал он, гадая, что творилось в их вытянутых черепах.

«Лань бежит славно», — продолжил он размышлять.

— Что, ты, Бран, сердце мое? Ату, Школан! Вперед, мои славные!

«У этой бестии сил еще хватает, — думал его ум. — Не во всю силу несется, даже не вполовину. Может обогнать даже Брана!» — с яростью помыслил он.

Мчались они по плоской долине ровно, красиво и стремительно, и вдруг лань остановилась и улеглась на траву и лежала там со спокойствием бесстрашного животного, никуда не спешившего, словно и не боявшегося ничего.

— Вот так перемена! — глянул и молвил Финн в изумлении. — Не запыхалась, — сказал он. — Чего же легла?

Однако Бран и Школан не остановились, а добавили по дюйму к своим вытянутым ладным телам и сунулись к лани.

— Легкая добыча, — с сожалением воскликнул Финн. — Догнали-таки!

Однако он снова удивился, ибо собаки не убили добычу. Они скакали и играли вокруг лани, облизывая ее морду, и терлись, довольные, своими носами о ее шею.

К ней подошел и Финн. Его зажатое в кулаке длинное копьё было опущено для удара, острый нож был в ножнах, но он не применил их, ибо лань и две гончие начали носиться и играть вокруг него, и лань ластилась к нему, как и собаки, и потому, когда в его ладонь тыкался бархатный нос, он оказывался то мордой лани, то собаки.

С этой развеселой компанией прибыл он к просторному Аллену в Лейстере, и люди там были удивлены, увидав гончих, лань и главаря, явившегося к ним без сопровождавших его охотников.

Когда же и прочие добрались до дома, вожак рассказал о своей погоне, и было решено, что такую лань нельзя убивать, и что ее нужно оставить, хорошо с ней обращаться, и что она станет любимой ланью фениев. Однако некоторые из тех, кто помнил о происхождении Брана, думали, что, как и сам Бран, эта лань тоже могла быть из сидов.

Глава II

Ближе к ночи, когда Финн готовился ко сну, дверь его комнаты тихонько отворилась, и в нее вошла молодая женщина. Вожак с изумлением уставился на нее, поскольку никогда еще не видал он и не чаял увидеть женщину более прекрасную. И то была не женщина, а юная дева, и держала она себя так кротко-благородно, и взгляд ее был так скромно-возвышен, что вожак едва смел поднимать на нее глаза, хотя взгляд никак отвести не мог.

И пока, улыбаясь, застенчиво стояла она в дверях, подобная цветку, прекрасная и робкая, как лань, вожак прислушивался к своему сердцу.

«Она небесная женщина рассвета, — сказал он себе. — Она подобна светлой пене. Она бела и ароматна, как яблоневый цвет. Благоухает пряностями и медом. Она любимая моя и превыше женщин мира. Никогда не отнимут ее у меня».

И эта мысль была для него отрадна и мучительна: отрадной от такой дивной возможности, и мучительной оттого, что это еще не так и, быть может, не случится вовсе.

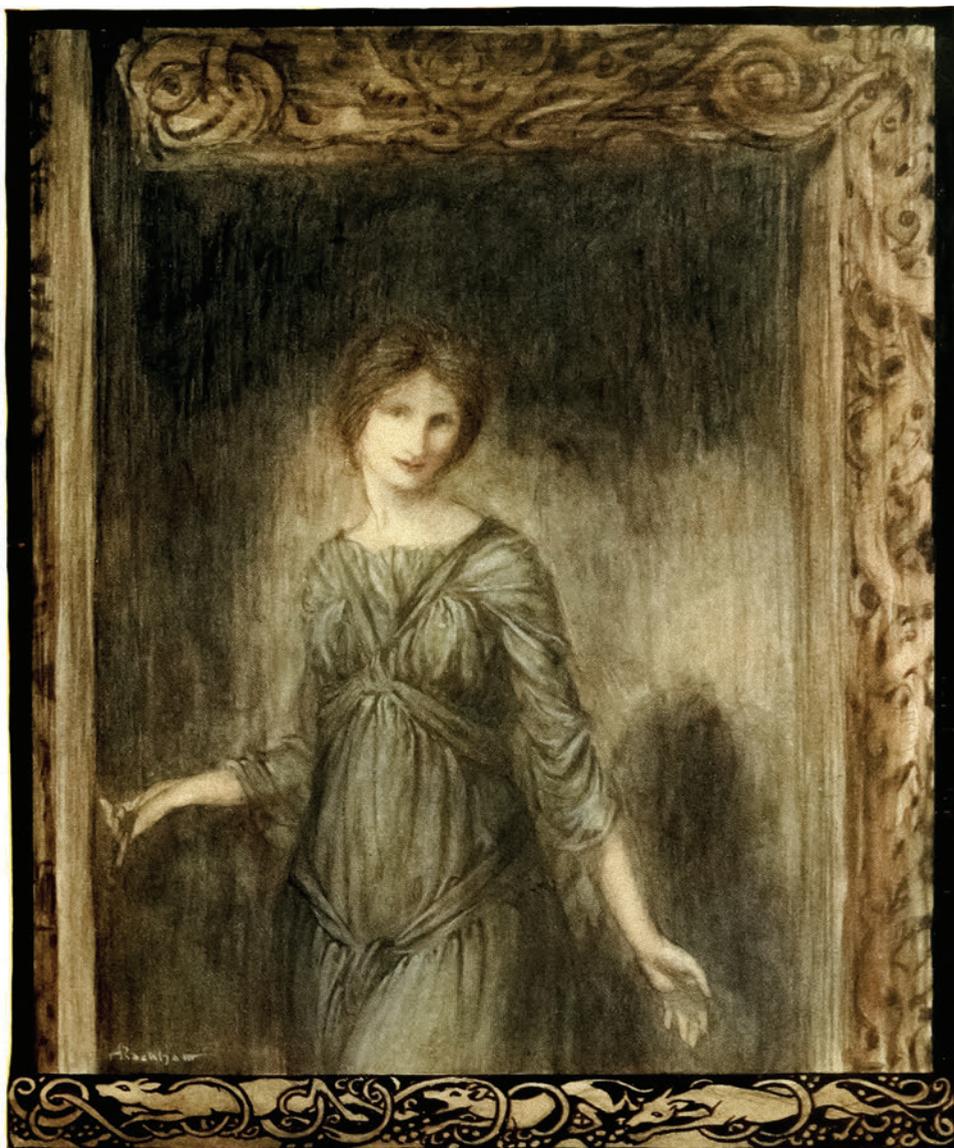
Как собаки бросали на него во время той погони взгляды, которые он не понимал, так и она смотрела на него, и во взгляде ее был вопрос, который сбивал его с толку, и утверждение, которое от него ускользало.

Затем заговорил он с ней, совладав со своим сердцем.

— Похоже, я не знаю тебя, — молвил он.

— Так и есть, не знаешь, — отвечала она.

— Тем более это удивительно, — тихо продолжил он, — ведь я должен знать любого встречного-поперечного. Что тебе от меня нужно?

*Ближе к ночи, когда Финн готовился он ко сну,
дверь его комнаты тихонько отворилась, и в нее вошла молодая
женщина.*

- Прошу защиты, владетельный вожак.
- Все ее получают, — ответил он. — От кого ты ищешь защиты?
- Меня страшит Фир Дорхе¹.
- Темный из сидов?
- Он враг мой, — молвила она.
- Теперь и мой, — ответил Финн. — Поведай мне свою историю.
- Меня зовут Сейв, и я из Дивноземья, — начала она. — Многие мужчины из сидов предлагали мне свою любовь, но в своем краю ни одному мужчине свою любовь я не даровала.
- То было неразумно, — шутливо упрекнул ее собеседник.
- Довольна я была, — отвечала она, — чего же не хотим мы, в том нужды и нет. Но если и любовь я подарю, то смертному, мужу из мужей ирландских.
- Я б руку дал себе отсечь, — воскликнул Финн, терзаясь донельзя. — Скажи лишь, кто же этот муж?
- Тебе известен он, — пробормотала она. — Пока жила я в мире Дивноземья, часто слышала о моем смертном защитнике, ибо молва о его великих подвигах доносилась до сидов, пока не настал тот день, когда Темный Маг из народа богов положил на меня глаз, и с того дня, куда бы я ни глянула, вижу око его.
- Тут она умолкла, и ужас, бывший в сердце ее, отразился на ее лице.
- Он повсюду, — прошептала она. — И в зарослях, и на холме. Он глядит на меня из воды и взирает с небес. Голос его вызывает из пространства и давит тайно сердце. Не здесь он и не там, а повсюду и вовеки. Не скрыться от него, — добавила она, — и я страшусь!
- Тут она безмолвно зарыдала и глянула на Финна.
- Он враг мне! — рыкнул Финн. — Его я нарекаю врагом своим!
- Защити меня! — взмолилась она.
- Везде, где буду я! — молвил Финн. — Я тоже знанием владею. Я Финн, сын Кула, сына Башкне, муж среди людей и бог среди богов.
- Он в жены звал меня, — продолжила она. — Однако в мыслях у меня был лишь мой герой любимый, и Темному я отказала.
- Это право твое, и я ручаюсь, что жив твой желанный, жив и не женат, и он возьмет тебя в жены или ответит мне за отказ.

¹ *англ.* Fear Doirche.

— Он не женат, — сказала Сейв, — и власти у тебя над ним немало.

Тут вождь задумчиво нахмурился.

— Кроме верховного владыки и царей, есть власть у меня в этом краю.

— Кто же из мужей так властен над собой? — молвила Сейв.

— Ты хочешь сказать, что я и есть тот муж, которого ты ищешь? — спросил Финн.

— Тебе я отдала свою любовь, — ответила она.

— Какая весть! — радостно воскликнул Финн. — В тот самый миг, когда вошла ты в дверь, я полюбил и возжелал тебя, а мысль, что ты желала другого, вонзалась в сердце мне мечом.

И впрямь Финн полюбил Сейв так, как не любил ранее ни одну женщину и впредь так не полюбит. Он любил ее так, как ничто прежде, и не мог он быть без нее. Когда же ее он видел, мир пропадавал, а когда взирал на мир без нее, то словно слепнул и тоскливо взирал на будущее во мраке. Клич оленя был музыкой для Финна, но, когда говорила Сейв, этого для него было довольно. Он любил слушать весеннюю песню кукушки с самой заметной вершины в роще, или веселый посвист черного дрозда по осени в кустах, или тихое, сладкое волшебство, возникающее в сердце, когда жаворонок заливается и трепещет, невидимый в высоте, а притихшие поля слушают его песню. Однако голос супруги был для Финна милее песни жаворонка. Она наполнила его душу удивлением и загадками. На кончиках ее пальцев жило волшебство. Ее тонкая ладонь приводила его в восторг. Ее изящная ступня заставляла его сердце биться чаще; и куда бы ни поворачивалась ее голова, лицо ее обретало новый облик красоты.

— Она всегда иная, — говорил Финн. — Всегда краше любой другой женщины и всегда краше себя самой.

Он больше не ходил к фениям. Он перестал охотиться. Не слушал песен бардов, ни любопытных речей чародеев, ибо все это было в его супруге, и что сверх того, и это было в ней.

— Она и этот мир, и грядущий. Она — совершенство, — говорил Финн.

Глава III

Случилось так, что люди Лохланна¹ выступили в поход против Ирландии. Огромный флот окружил утесы Бен-Эдара², и даны высадились, чтобы подготовиться к атаке, которая сделает их хозяевами страны. Фении во главе с Финном выступили против них. Он всегда не любил людей Лохланна, но на этот раз он выступил против них в страшном гневе, ибо они не только напали на Ирландию, но и встали между ним и величайшей радостью, которую он когда-либо знал в жизни своей.

Бой тот был тяжким, но коротким. Лохланнов отогнали к их кораблям, и через неделю в Ирландии остались только те даны, что были похоронены в ее земле.

Покончив с этим, Финн покинул победивших фениев и быстро вернулся на равнину Аллен, ибо не мог вынести ни одного дня вынужденной разлуки с Сейв.

— Не покидай нас! — воскликнул Голл Мак-Морна.

— Я должен идти, — ответил Финн.

— Неужели ты уйдешь с пира победы? — упрекнул его Конан.

— Остайся с нами, вождь, — молил Кельте.

— Что за пир без Финна? — жаловались все.

Однако он не остался.

— Клянусь моей рукой, — воскликнул он, — я должен идти. Она будет ожидать меня у окна.

¹ *англ.* Lochlann. В старину так называли северные земли (Скандинавию), также в переводе с ирландского Lochlannach — разбойники «викинги».

² *англ.* Ben Edair; скалистый утес Хоут близ Дублина получил свое имя в честь одного из ирландских вождей.

— Так оно и будет, — согласился Голл.

— Так и будет, — воскликнул Финн. — И когда она издали увидит меня на равнине, то выбежит через главные ворота мне навстречу.

— Было бы чудно и странно, если бы она не выбежала, — буркнул Конан.

— И я снова буду держать ее за руку, — доверительно шепнула Финн на ухо Кельте.

— Конечно, ты это сделаешь.

— И я снова гляну ей в лицо, — продолжил его господин.

Однако он видел, что даже любимый Кельте не понимал значения сказанного, и он с грустью и в то же время с гордостью сознавал, что никому это не объяснить и никто это не постигнет.

— Ты влюблен, сердце мое, — сказал Кельте.

— Точно влюблен, — проворчал Конан. — Сердечная услада для женщин — недуг и ничтожество для мужчин.

— И вправду недуг, — пробормотал предводитель. — Любовь ввергает нас в ничтожество. Недостает глаз, чтобы видеть все, что можно обозреть, и рук, чтобы ухватиться за десятую часть того, что хотим мы обнять. Когда я гляжу в ее глаза, страдаю, ибо не смогу на ее губы, а когда я вижу ее губы, моя душа взывает: «Посмотри на глаза ее, посмотри!»

— Так это и бывает, — вспоминая, молвил Голл.

— Так и никак иначе, — согласился Кельте.

Победители припомнили те губы и поняли, что их предводитель уйдет.

Когда Финн увидел грандиозную твердыню, кровь в нем взыграла, ноги убыстрились, он то и дело взмахивал копьем в воздухе.

«Она меня еще не видит, — с грустью подумал он. — Она пока не может меня увидеть», — поправил он себя с упреком.

Однако в мыслях он тревожился, ибо думал только о том, и чувства его были неподвластны разуму, и считал он: будь он на ее месте, то увидал бы ее с вдвое большего расстояния.

«Думает она, что не смог вернуться с поля боя или был вынужден остаться на пиру».

Он думал, не мысля, и считал, что, поменяйся они местами, он бы знал, что ничто не помешало бы ему уйти.

— Женщины, — бормотал он, — они стыдливы, им не нравится выказывать нетерпение, когда за ними наблюдают.

Однако он знал, что ему дела нет, смотрят ли на него другие, и что ему было бы все равно, если бы он знал, что это так. И он верил, что его Сейв не обратила бы на это внимания и искала бы только его взгляд.

При этой мысли он крепко сжал свое копьё и дунул так, как никогда не бегал в жизни, и потому через ворота огромной крепости промчался донельзя запыхавшийся и всклокоченный муж.

В Дуне¹ царил беспорядок. Слуги кричали друг на друга, и женщины заполошно бегали туда и сюда, заламывая руки и голоса; когда же увидали они предводителя, ближние бросились врассыпную и все старались спрятаться друга за друга. Однако Финн перехватил взгляд своего домоправителя Гарива Кронана по прозвищу Громкий Ропот² и остановил его.

— Пойди-ка сюда, — приказал он.

Громкий Ропот безропотно приблизился к нему.

— Где Цветок Аллена? — спросил его хозяин.

— Не знаю, господин, — ответил испуганный слуга.

— Ты не знаешь?! — воскликнул Финн. — Рассказывай, что случилось!

И тот рассказал ему следующую историю.

¹ ирл. Dun — «крепость».

² ирл. Gariv Crona'n Rough Buzzer.

Глава IV

— Ты отсутствовал, и в один из дней стражники изумились. Они глядели с вершин Дуна, и Цветок Аллена была с ними. Она, вечно тебя высматривавшая, крикнула, что вожак фениев идет через кряжи к Дуну, и выбежала из крепости, чтобы встретить тебя.

— То был не я, — сказал Финн.

— Он имел твое обличье, — ответил Гарив Кронан. — На нем были твои доспехи, и лицом это был ты, и с ним были псы: Бран и Школан.

— Они оставались со мной, — сказал Финн.

— А похоже, они были с ним, — смиренно ответил слуга.

— Рассказывай далее! — прикрикнул Финн.

— Мы были обескуражены, — продолжил слуга. — Никогда ранее Финн не возвращался до боя, и мы знали, что ты не мог добраться до Бен-Эдара или столкнуться с лохланнами. Поэтому мы умоляли госпожу нашу выпустить нас навстречу тебе, а самой остаться в Дуне.

— Правильно просили, — согласился Финн.

— Она и слушать не хотела, — зарыдал слуга. — Кричала нам: «Пустите меня, чтобы я могла встретить свою любовь».

— Увы! — вздохнул Финн.

— Она кричала нам: «Позвольте мне встретиться с моим мужем, отцом ребенка, что еще не родился».

— Увы! — простонал в отчаянии Финн.

— И она побежала тебе навстречу, а ты протягивал ей свои руки.

При этом мудрый Финн закрыл лицо руками, представляя, как все произошло.

— Сказывай дальше, — молвил он.

— Она побежала к этим протянутым рукам, а когда добежала, тот поднял руку. И тот коснулся ее ореховым прутом, и мы видели, как она исчезла, а на ее месте поднялась дрожащая лань. Она повернулась и побежала к воротам Дуна, а гончие, которые были не-вдалеке, помчались за ней.

Финн смотрел на него как потерянный.

— Они вцепились ей в горло... — прошептал дрожащий слуга.

— Ах! — страшно крикнул Финн.

— И они потащили ее обратно к тому, кто казался Финном. Три раза она вырывалась и бежала к нам, и три раза псы хватили ее за горло и тащили обратно.

— А вы стояли и просто глазели?! — рявкнул командир.

— Нет, хозяин, мы побежали, но лань исчезла, как только мы приблизились к ней, и огромные псы пропали, и тот, кто казался Финном, исчез вместе с ними. Мы остались среди высохшей травы, и взирали друг на друга, и слышали лишь завывания ветра и страшный стук наших сердец.

— Прости нас, славный хозяин, — воскликнул слуга.

Однако великий предводитель ничего ему не ответил. Он стоял, словно онемев и ослепнув, и лишь временами изо всех сил бил себя в грудь сжатым кулаком, словно хотел убить в себе то, что должно было погибнуть, но не могло скончаться. Так он и пошел, бия себя в грудь, к своим покоям в Дуне, и не видели его до конца того дня и до тех пор, пока утром над Маг-Лиффи¹ не взошло солнце.

¹ *Маг-Лиффи* — равнина Лиффи.

Глава V

Прошло много лет с того времени, и Финн не сражался с врагами Ирландии, а лишь метался из края в край страны, искал и рыскал в надежде, что сможет снова наткнуться на свою красавицу из сидов. Все это время каждую ночь он спал, страдая, и каждый день вставал в горе. Каждый раз, собираясь на охоту, брал только тех гончих, которым доверял: Брана и Школана, Ломера, Брода и Ломлу; ибо если погонятся они за ланью, каждый из этих здоровущих пяти псов будет знать, та ли эта лань, которую нужно убить, или та, что нужно защищать; так для Сейв опасность была бы меньше и оставалась надежда отыскать ее.

Семь лет прошли в бесплодных поисках, и вот однажды Финн и фении из благородных охотились у Бен-Балбена¹. Фении спустили всех своих гончих, ибо Финн потерял уже надежду встретить Цветок Аллена. Когда охота прокатилась по склонам холма, из лощины на верхотуре взлетел громкий лай гончих, и всю эту шумищу перекрывал дикий взлай псов Финна.

— Что там такое? — спросил Финн и ринулся со своими товарищами к тому месту, откуда доносился этот шум.

— Они сцепились со всеми псами фениев! — воскликнул вожак.

Так и было. Пять матерых псов встали в круг и сражались сразу с сотней собак. Они были свирепы и страшны, и каждый удар их острых зубов нес беду для пса, его получившего. И сражались они не молча, как это было у них в обычае и как они были приучены; после каждой атаки поднимали они свои огромные морды вверх, и громко, настойчиво и тревожно звали своего хозяина.

¹ *Бен-Балбен* (англ. Ben Bulbin, ирл. Binn Ghulbain) — столовая гора в Ирландии.

— Они зовут меня! — проревел Финн.

С этими словами он помчался так, как бежал до того только раз, и люди, бывшие рядом с ним, полетели так, как не бежали ни разу в жизни. Они подбежали к ложине на склоне холма и увидели, как пять здоровущих гончих псов стоят кругом, отгоняя других собак, а внутри круга стоит мальчонка. У него были длинные красивые волосы, и был он наг. И не страшила его ни дикая хватка, ни гончие псы. Он не смотрел на собак, а глядел, словно юный принц, на Финна и его дружину, которая мчалась к нему, разгоняя свору остриями своих копий. Когда свара стихла, Бран и Школан с визгом подбежали к мальцу и начали лизать ему руки.

— Никогда они так не делали, — сказал кто-то. — Что за нового хозяина они себе выискали?

Финн наклонился к малышу.

— Скажи мне, мой маленький принц и сердце мое, как тебя зовут, как ты попал в середину охотничьей своры и почему ты голый?

Однако малыш не понимал языка мужей Ирландии. Он вложил свою ручку в ладонь Финна, и вождю показалось, будто эта маленькая ручка легла ему прямо на сердце. Он поднял мальчишку на свое огромное плечо.

— Мы кое-что словили на этой охоте, — сказал он Кельте МакРонану. — И мы должны принести это сокровище домой. Ты станешь одним из фениев, мой дорогой, — крикнул он, глянув вверх.

Малыш посмотрел на него сверху вниз, и от благородного доверия и бесстрашия в этом взгляде сердце Финна растаяло.

— Ты мой олененок! — молвил он.

И вспомнил он ту самую лань, и поставив малыша себе меж коленей, пристально и долго всматривался в него.

— Уверен, этот тот же взгляд, — сказал он своему встрепенувшемуся сердцу. — У него глаза Сейв.

Горе разом излилось из его сердца, и радость вскипела в нем единой волной. Вернулся он в лагерь, напевая, и люди снова увидели в нем своего почти позабытого веселого предводителя.

Глава VI

Когда-то Финн не мог разлучиться с Сейв, так и теперь его нельзя было разлучить с этим мальчуганом. Для него он придумал тысячу имен, одно нежнее другого. Он называл его «мой олешек», «мое сердечко», «мое тайное маленькое сокровище», или же «моя песенка», «моя цветущая веточка», «кладезь моего сердце» и «душа моя». Псы, как и Финн, также были без ума от мальчишки. Он мог преспокойно усесться посреди стаи, которая любого другого разорвала бы на куски, а причина была в том, что Бран и Школан со своими тремя щенками все время следовали за ним, словно тени. Когда он был среди других псов, эти пятеро всегда были рядом, и поистине жестоки были их взгляды, которые они обращали на соседей своих, когда те подходили слишком близко или не проявляли должного смирения. Они гоняли стаю по одному или все вместе, пока все гончие на псарнях фениев не усвоили, что этот мальчуган был их повелителем и что в мире нет ничего более драгоценного, чем он сам.

Вскоре пять матерых гончих смогли отказаться от этой своей опеки, таким полным было признание их юного господина. Однако они не отступились, ибо не просто любовь давали они ребенку, а обожание.

Вероятно, даже сам Финн был смущен их слишком тесной опекой. Он мог бы прикрикнуть на своих собак, если бы хотел это сделать, но он и не помышлял об этом; да и сам мальчишка мог бы одернуть его, если бы Финн осмелился так поступить. Ибо таковы были у Финна привязанности: сначала малыш; затем Бран и Школан со своими тремя щенками; затем Кельте Мак-Ронан и далее все

прочие после благородных. Он любил их всех, но его привязанности имели очередность. Шип, вонзившийся в ногу Брана, вонзался и в ногу Финна. Все знали об этом, и не было ни одного воителя, который бы с сожалением не признавал, что для его любовей была своя причина.

Мало-помалу мальчик стал понимать их речь, научился говорить и наконец смог рассказать свою историю Финну.

В этой повести было много пробелов, ведь у малышей нетвердая память. Случившееся стареет за день, и ночь его хоронит. Новые воспоминания напирают на старые, и нужно учиться не только помнить, но и забывать. У малыша мгновенно началась яркая, запоминающаяся и совершенно новая жизнь, так что его свежие воспоминания смешивались с прошлым и затмевали его, поэтому он не мог быть вполне уверен, произошло ли то, о чем он рассказал, в этом мире или в том мире, который он покинул.

Глава VII

— Раньше жил я, — начал он, — в просторном красивом месте. Там были холмы и долины, леса и ручьи, но в каком бы направлении я ни шел, я всегда возвращался к скале, такой высокой, что она, казалось, упиралась в небо, и такой прямой, что даже козе не пришло бы в голову на нее вскарабкаться.

— Я не знаю ни одного такого места, — задумчиво молвил Финн.

— В Ирландии нет такого, — сказал Кельте, — но у сидов такое место есть.

— Это верно, — заметил Финн.

— Летом я ел плоды и корни, — продолжил мальчик, — а на зиму для меня оставляли еду в пещере.

— С тобой никого не было? — спросил Финн.

— Никто, кроме оленихи, которая любила меня и которую любил я.

— О боги! — воскликнул Финн в отчаянии. — Рассказывай дальше свою историю, сын мой.

— Частенько к нам приходил угрюмый, суровый человек и говорил с оленихой. Порой он говорил ласково, тихо и уговаривал, но порой снова и снова громко, резко кричал и гневался. Однако, что бы он ни говорил, олениха в страхе отскакивала от него, и в конце концов он неизменно в бешенстве покидал ее.

— Это Темный Маг из народа богов! — в отчаянии кликнул Финн.

— Именно так, душа моя, — согласился Кельте.

— В последний раз, когда я видел олениху, — продолжил мальш, — темный человек разговаривал с ней. Говорил он долго. Говорил то нежно, то гневно, и я думал, что он никогда не перестанет говорить, но в конце концов он ударил ее ореховым прутом, так что она была вынуждена последовать за ним, когда он ушел. Она все время оглядывалась на меня и плакала так горько, что каждый бы ее пожалел. Я пытался последовать за ней, но не мог пошевелиться и тоже плакал от ярости и горя, глядя ей вслед, пока не перестал ее видеть и слышать. Потом я рухнул на траву, чувства покинули меня, а когда я очнулся, то оказался на холме среди гончих, где вы меня и нашли.

Этого мальчишку фении назвали Ошином, Олененком. Позже он сделался великим бойцом и стал главным сочинителем песен в мире. Однако он еще не поквитался с ситами. Ему предстояло, когда придет время, вернуться в Дивноземье и возвратиться оттуда, чтобы поведать эти предания, ведь они были сложены именно им.

СВАТОВСТВО К БЕКФОЛЕ

Глава I

Неведомо нам, откуда взялась Бекфола. Мы также не знаем наверняка, куда она пропала. Нам даже неизвестно, как ее по-настоящему звали, ибо имя Бекфола, Бесприданница, или «с приданым скудным», получила она лишь как прозвище. Достоверно только, что она исчезла из мира, который нам известен, и что она отправилась в царство, куда догадкам вслед за ней не долететь.

Случилось это в те дни, когда правителем всей Ирландии был Дермод, сын знаменитого Аэда Слейна¹. Он не был женат, но у него было множество приемных сынов, принцев из четырех провинций, которых отцы послали в знак своей верности и привязанности к Ард Ри, и свои обязанности приемного отца Дермод держал

¹ *англ.* Ae of Slane, *рус.* также Айд Слане, Аэд Слане; правитель Ирландии с 598 по 604 г.

исправно¹. Одним из молодых королевичей в его доме был Кримтанн², сын Аэда, король Лейнстера, которого верховный владыка ценил выше прочих и к которому относился по-отечески. И это было неудивительно, ведь этот юноша любил его ответно и был пылким, умным и скромным, как и подобает принцу.

Верховный правитель и Кримтанн часто отправлялись из Тары на охоту с ястребами и порой даже без всякого сопровождения. Во время этих вылазок правитель делился с приемным сыном своими обильными знаниями о лесе и давал ему общие советы, как следует держать себя принцу, каковы его обязанности, как вести себя при дворе и заботиться о народе.

Дермод Мак-Аэд наслаждался этими вылазками без посторонних и, когда мог выкроить денек от придворных занятий и дел, тайно посылал весточку Кримтанну. Юноша хватал свое охотничье снаряжение и присоединялся к правителю в оговоренном заранее месте, а потом они бродили по разным местам наугад.

Во время одного из таких приключений, когда они исследовали разлившуюся реку, дабы найти брод, увидели одинокую женщину в повозке, катившей с запада.

— Любопытно, что бы это значило? — задумчиво воскликнул король.

— Что тут удивительного для тебя — женщина в повозке? — спросил Кримтанн, ибо его спутник любил знания и хотел ими обладать.

— Знаешь, мое сокровище, — ответил Дермод, — наши умы изумлены, когда мы видим женщину, способную гнать корову на пастбище, ибо всегда нам кажется, что плохо они управляют.

Кримтанн впитал эти наставления, аки губка, и так же быстро их переварил.

— Думаю, это верно сказано, — согласился он.

— Однако, — продолжил Дермод, — когда мы видим женщину, управляющую повозкой и двумя лошадьми, мы поистине изумлены.

¹ Обычай передавать на воспитание детей в чужие ирландские кланы для укрепления межклановых отношений описан в Брегонском законе.

² *англ.* Crimthann.

Когда объясняют предмет, нас удививший, изумляемся мы еще более, и сообразно Кримтанн был теперь поражен, как и король.

— И вправду! — молвил он. — Женщина правит двумя лошадьми!

— Разве раньше ты этого не замечал? — спросил его король с добродушным ехидством.

— Я смотрел, но не видел, — признался молодой человек.

— Кроме того, — сказал король, — когда мы видим женщину вдалеке от дома, у нас возникают догадки, ибо ты же видел и замечал, что женщины — домохозяйки и что дом без женщины или женщина без дома — вещи несовершенные, и, хотя такое можно наблюдать нечасто, это замечается вдвойне.

— Без сомнения, — ответил королевич, задумчивого нахмутив брови.

— Мы разузнаем об этой женщине, спросив ее саму, — решительно предложил король.

— Так и сделаем, — согласился Кримтанн.

— Мое королевское величество использует слова «мы» и «нам», когда говорит о своем королевском величестве, — сказал Дермод, — однако князья, которые еще не правят землями, должны использовать другую форму речи, когда говорят о себе.

— Я так безрассуден, — смиренно ответил Кримтанн.

Король расцеловал его в обе щеки.

— На самом деле, сердце мое и сын мой, мы не ругаем тебя, но ты должен думать и стараться не выглядеть таким ужасно безрассудным. Это есть часть искусства правителя.

— Мне никогда не овладеть этим трудным искусством, — посоветовал его спутник.

— Все мы должны освоить его, — ответил Дермод. — Думать должно умом и языком, но не должны мы думать носом и бровями.

Женщина в повозке приблизилась к броду, рядом с которым они стояли. Не останавливаясь, направила она сходу своих коней через отмель и пересекла реку, подняв целый вихрь пены и брызг.

— Ну разве она не славно правит! — восхищенно воскликнул Кримтанн.

— Когда ты станешь постарше, — отечески обратился к нему король, — будешь восхищаться тем, что действительно достойно восхищения, ибо хотя она и славно правит, но сама она славнее. — И с чувством добавил: — Она воистину чудо света и бесконечная радость для глаз!

Всем этим была она и даже большим, и, когда она направила лошадей через реку и заставила их взлететь на берег, ее развевающиеся волосы и приоткрытые губы, вся ее юная сила и грация тела бросились в глаза королю и не смогли легко их покинуть.

Тем не менее свой взор дева остановила не на царе, а на его подопечном, и если правитель мог с трудом отвести от нее взгляд, то она с таким же трудом не могла не смотреть на Кримтанна.

— Стой, погоди! — воскликнул царь.

— Ради кого мне останавливаться? — спросила она, все же останавливаясь, как это свойственно женщинам, которые, получив указание, все же бунтуют против него.

— Ради Дермода!

— В этом мире полно Дермодов, — возразила она.

— Но только один Ард Ри, — ответил правитель.

Тогда она сошла с повозки и поклонилась.

— Я хочу знать твое имя! — молвил он.

Однако на это требование она нахмурилась и отрезала:

— Не хочу об этом говорить!

— Также хочу я знать, откуда ты пришла и куда направляешься.

— Не желаю говорить ни о чем из этого!

— И даже королю?

— Никому не желаю об этом рассказывать!

Кримтанн возмутился.

— Госпожа, — взмолился он, — ты ведь не станешь ничего скрывать от Ард Ри?

Однако дева смотрела на Верховного правителя так же царственно, как и он на нее, и что бы Верховный правитель ни видел в этих прекрасных глазах, он не смел настаивать.

Он отвел Кримтанна в сторону, поскольку тот не отказывал выслушивать советы.

— Сердце мое, — сказал царь, — мы всегда должны стараться действовать мудро, и мы должны настаивать получать ответы лишь на вопросы, которые касаются нас лично.

Кримтанн воспринял всю справедливость этого замечания.

— На самом деле мне вовсе не следует знать имя этой дамы, и мне все равно, откуда она.

— Не следует? — переспросил Кримтанн.

— Нет, но я хочу знать, выйдет ли она за меня замуж?

— На мой взгляд, это отличный вопрос... — пробормотал его спутник.

— Вот вопрос, на который следует ответить! — с восторгом воскликнул король. — Однако, — продолжил он, — знания, кто это за женщина или откуда она родом, могут принести нам не только сведения, но и муки. Кто знает, в какие приключения вовлекло ее прошлое!

И несколько мгновений тревожно всматривался он в зловещие пределы, и Кримтанн делал то же вместе с ним.

— За ней прошлое, — заключил он, — однако будущее наше, и мы будем спрашивать только то, что относится к грядущему.

Он вернулся к деве.

— Хотим мы, чтобы ты стала нашей супругой, — молвил он.

Говоря это, взглянул он на нее при этом благосклонно, решительно и проникновенно, чтобы взгляд ее не мог отклониться в сторону. И все же, пока смотрел на нее царь, слеза навернулась на ее прекрасные глаза, и между бровями, в глубине, мелькнула мысль о прекрасном юнце, который стоял рядом с царем и тоже смотрел на нее.

Однако, когда верховный правитель Ирландии просит выйти за него замуж, отказываться не должно, ибо не будут об этом просить каждый день на неделе и нет в мире женщины, которая не хотела бы править в Таре.

Вторая слеза уж не скатилась с ресниц девы, и рука об руку с королем отправилась она вместе с ним к дворцу, а позади них в расстроенных чувствах Кримтанн Мак-Аэд вел лошадей с колесницей.

Глава II

Поженили их в спешке, равной желанию владыки; и поскольку он больше не спрашивал ее имени, а она так и не вызвалась назвать его, и поскольку она пошла замуж без приданого и не получила ничего от него, прозвали ее Бекфолой — Бесприданницей.

Шло время, и счастье короля было столь велико, как и предполагали его ожидания. Однако со стороны Бекфолы подобного и быть не могло.

Есть некоторые, чье счастье заключается в честолюбии и положении, и для них возможность стать королевой верховного правителя Ирландии является удовлетворением, которое насыщает желание. Однако ум Бекфолы не довольствовался умеренностью, и казалось ей, что без Кримтанна не обладает она ничем.

Для нее он был светом солнечным от солнца, сиянием в лунном луче; он был благоуханием в плоде и вкусом в меду; и когда переводила она взгляд с Кримтанна на короля, то не могла не замечать, что нужный ей человек не на должном том месте. Она думала, что увенчанный одними только кудрями Кримтанн Мак-Аэд коронован более благородной диадемой, чем все владыки мира. Однажды она так и сказала ему об этом.

Когда Кримтанн услышал эту неожиданную новость, его ужас был так велик, что он подумывал немедленно бежать из Тары; но

когда что-то сказано один раз, во второй говорится легче, а при третьем повторении уж слушают терпеливо.

Поразмыслив немного, Кримтанн Мак-Аэд согласился с Бекфолой и условился убежать из Тары, и было частью их уговора, что потом они будут жить долго и счастливо.

Однажды утром, когда ни одна птица еще не шевельнулась, король почувствовал, что его дорогая спутница встает. Он глянул одним глазом на бледный свет, который сочился в окно, и понял, что, по правде говоря, его и светом-то нельзя было назвать.

— Даже птицы не поют, — пробормотал он.

Потом обратился к Бекфоле:

— К чему столь ранний подъем, сердце мое?

— Есть у меня дельце, — ответила она.

— Не время сейчас для дел, — умиротворенно молвил монарх.

— Пусть и так, — ответила она и быстро оделась.

— А что за дело? — поинтересовался он.

— Одежду оставила я в некотором месте и надо ее забрать. Восемь шелковых халатов, расшитых золотом, восемь драгоценных брошей из золота чеканного и три диадемы из чистого золота.

— В такой-то час, — терпеливо молвил король, — ложе лучше дороги.

— Пусть и так, — ответила она.

— Кроме того, — продолжил он, — разъезжать по воскресеньям к добру не приведет.

— Пусть приведет, к чему приведет, — ответила она.

— Не подпускать кошку к сливкам или женщину к нарядам — не царское это дело, — сурово молвил монарх.

На все дела и на всех Ард Ри мог спокойно смотреть, взирая на все творимое безмятежным взглядом; однако следует знать, что было одно дело, до предела ему ненавистное, и наказывал он его совершение со всей возможной строгостью, — это было нарушение дня воскресного. В течение шести дней на неделе все, что случалось, могло происходить; это Дермода не касалось, но на седьмой день вообще ничего не должно было происходить, если верховный правитель мог так устроить. Если было то в его силах, он привязал бы птиц к их зеленым ветвям и запретил бы в тот день

облакам наполнять поднебесье движением своим и красками. Это правитель разрешал, хотя, быть может, и скрипя зубами, но все прочее, что было под рукой его, чувствовало его власть.

Был у него такой обычай: когда вставал утром в воскресенье, то взбирался на главную возвышенность Тары и смотрел оттуда во все стороны, чтобы видеть, не развлекаются ли где какие-нибудь дивные или сиды его светлости; ибо он напроочь запрещал этим существам пользоваться землей в воскресенье, и горе было тому милому созданию, про которое узнают, что нарушило оно закон его.

Нам неведомо, какое зло он мог причинить дивным, однако во время правления Дермода все по воскресеньям возносили свои молитвы, и сиды оставались на своих холмах.

Можно представить потому, с каким гневом смотрел он на приготовления жены своей в дорогу, однако же, хотя король может все, что может сделать муж?.. И он приноровился спать далее.

— В таком не ко времени деле я не участник, — сердито пробурчал он.

— Пусть и так, — ответила Бекфола.

Она вышла из дворца с одной служанкой, и, когда переступила порог, с ней что-то произошло, но как и каким образом это случилось, сказать трудно; ибо в одно мгновение она вышла из дворца и из мира и на втором шаге оказалась в Дивноземье, но как и сама не знала.

Собиралась она отправиться в Ключэн-да-Хайлех¹, чтобы встретиться там с Кримтанном, но, когда вышла из дворца, уж больше не помнила его.

Перед ее взорами и глазами ее служанки мир предстал, каким он всегда и был, и окружали их знакомые им приметы. Однако цель, ради которой они отправились в путь, была уж иной и неведомой, и люди, которых они встречали по пути, были им неведомы, хотя и были им знакомы.

Они отправились на юг из Тары в Даффри, что в Лейнстере, но вскоре сбились с пути и попали в дебри. Наконец Бекфола остановилась и молвила:

— Я не знаю, где мы.

¹ *англ.* Cluain Da Chaillech, *рус.* также Клуань-да-Хайлях.

*А потом, сидя на ветке, со злобой и ненавистью смотрела она
на беснующуюся и рычащую свору внизу*

Служанка ответила, что ей это тоже неизвестно.

— И все же, — сказала Бекфола, — если мы пойдем прямо, то куда-нибудь да доберемся.

Они пошли далее, а служанка все поливала слезами дорогу.

Надвигалась ночь, серый холод и серая тишина, и объята они были этим холодом и тишиной; и шли они в страхе, ибо обе не знали и не ведали, что ожидает их.

Когда взбирались они с трудом по шуршащему и шепчущему склону невысокого холма, служанка ненароком оглянулась, а глянув, вскрикнула, махнула рукой и вцепилась в Бекфолу. Та тоже поглядела туда и увидела внизу огромную темную массу, что рывками двигалась вперед.

— Волки! — крикнула служанка.

— Беги к тем деревьям! — приказала ей госпожа. — Мы заберемся на них и примостимся среди ветвей.

Побежали они, а служанка все стонала и причитала.

— Не залезть мне на дерево, — рыдала она, — сожрут меня волки.

Так и вышло.

Однако ее госпожа взобралась на дерево и на ладонь была она от брызг слюны, щелканья и клацанья стальных челюстей. А потом, сидя на ветке, со злобой и ненавистью смотрела она на беснующуюся и рычащую свору внизу, глядела на множество белых клыков в оскалившихся пастьях и на разгоревшиеся красные угли в этих мечущихся и рыскающих глазах.

Глава III

Однако через некоторое время взошла луна, и волки убралась, ибо их прозорливый и опытный вожак заявил, что, пока они остаются тут, девушка тоже останется тут; и поэтому, от всей души проклиная деревья, стая ушла. У Бекфолы ныли ноги из-за того, что обхватывала она ими ветку, однако и не было у нее ни одной другой части, которая бы не болела, ведь даме сидеть на дереве несподручно.

Некоторое время она опасалась слезать с дерева.

— Эти волки могут вернуться, — говорила она, — ведь их вожак хитер и проникателен, и, судя по выражению его взгляда, который я поймала, когда он уходил, уверена: он собирается сожрать именно меня, и не будет вместо этого охотиться за другими женщинами на своем пути.

Она внимательно огляделась по сторонам, чтобы убедиться, не сидит ли кто в укрытии; она зорко и неторопливо вглядывалась в тени под деревьями вдалеке, чтобы посмотреть, не двигаются ли эти тени; и она прислушивалась к любому дуновению, пытаясь услышать подскуливание, зевоту или фыркание. Однако она ничего не увидела и не услышала; постепенно ее разумом овладело спокойствие, и она начала считать, что минувшая опасность — это опасность, которой можно пренебречь.

Однако, прежде чем спуститься, снова оглядела она дремлющий вокруг нее мир черноты и серебра и заметила красный мерцающий огонек меж дальних деревьев.

— Там, где свет, опасности нет, — молвила она, а после оставила дерево и помчалась в том направлении.

И там, между тремя огромными дубами, набежала она на юношу, который жарил на огне кабана. Она поприветствовала его и села рядом. Однако после первого взгляда и приветия юноша сей больше не смотрел на нее и с ней не заговаривал.

Когда кабан был приготовлен, он съел кусок и поделился с ней. Затем он встал и отошел от огня к деревьям. Бекфола последовала за ним, с сожалением сознавая, что в ее в жизни появилось нечто новое. «Ибо, — подумала она, — обычно юноши не разговаривают со мной, ведь я супруга короля, однако очень необычно, что этот юноша даже на меня не смотрит».

Однако, если юноша и не смотрел на нее, она-то хорошо его разглядела, и увиденное до того ей понравилось, что уж и времени далее думать не осталось. Ведь если Кримтанн был красив, то этот молодец был в десять раз пригожее. Кудри Кримтанна и впрямь были отрадой взорам королевы; глядя на них, она лучше ела и крепче спала. Однако вид этого юноши лишил ее желаний вкушать пищу, а что до сна, то она страшилась его, ведь закрой глаза — и лишишься единственной непреходящей радости — смотреть на этого юношу не переставая, пока глаза могут видеть, а голова не клонится долу.

Они подошли к морскому заливу, приятному на вид, спокойному и освещенному круглой серебристой луной; молодец с идущей по его следам Бекфолой сели в лодку и поплыли к красивому скалистому острову. Там они двинулись вглубь, к огромному замку, в котором не было ни души, кроме них самих; там юноша заснул, а Бекфола сидела, глядя на него, пока неумолимый покой не смежил ее веки и она тоже не задремала.

Утром пробудилась она от громкого крика.

— Выходи, Фланн, выходи, сердце мое!

Юноша вскочил со своего ложа, перепоясался и зашагал к выходу. Его встретили трое молодцов при оружии, и все четверо двинулись навстречу еще четверем мужам, ожидавшим их неподалеку на лужайке. Затем эти две четверки начали сражаться друг с другом по всем воинским правилам, но и со всей воинственной яростью, и в конце этой битвы остался только один человек, а остальные семеро полегли убиенными.

Бекфола обратилась к юноше.

— Твой бой был воистину доблестным, — молвила она.

— Увы! — ответил он. — Если это и было доблестное деяние, то не к добру оно, ибо три моих брата мертвы и четверо моих племянников тоже.

— Ох же! — воскликнула Бекфола. — Зачем же ты сражался в этой битве?

— За власть над этим островом, островом Федаха, сына Дала.

И хотя Бекфола была взволнована и напугана этой битвой, интересовало ее совсем иное; поэтому она вскоре задала вопрос, который лежал у нее на сердце:

— Почему ты не говоришь со мной и не смотришь на меня?

— Пока не отвоевал я власть над этой землей у всех на нее претендентов, не ровня я супруге верховного владыки Ирландии, — ответил он.

И этот ответ лег бальзамом на сердце Бекфолы.

— И что же мне делать? — радостно спросила она.

— Возвращайся домой, — посоветовал он. — Я провожу тебя туда с твоей служанкой, ибо на самом деле она не умерла, а когда завоюю свою землю, приду за тобой в Тару.

— Придешь обязательно! — уверила она.

— Клянусь, что приду, — молвил он.

Втроем вернулись они, и к концу дня и ночи увидели вдали могучие кровли Тары, проступавшие в утренней дымке. Юноша оставил их; постоянно оглядываясь и с трудом переступая, Бекфола перешагнула порог дворца, размышляя, что ей сказать Дермоду и чем объяснить свою трехдневную отлучку.

Глава IV

Было так рано, что еще не проснулась ни одна птица, и тусклый серый свет, лившийся с небес, увеличивал и делал неясным видимое, окутывая все в холод и сизый мрак.

Осторожно пробираясь по сумрачным коридорам, Бекфола была рада, что, за исключением охранников, ни одно существо еще не пробудилось и что еще какое-то время ей можно двигаться без оглядки. Она была рада также передышке, которая позволяла ей устроиться в собственном доме и обрести то спокойствие, которое обычно испытывают женщины в окружении собственных стен, когда могут взирать на окружающие их вещи, обладание которыми стало почти частью их натуры. Ни одна женщина, разлученная со своими вещами, не бывает покойной; сердце ее не может быть по-настоящему спокойным, что бы там она ни думала, поэтому под распростертым небом или в чужом доме она не будет тем знающим и цельным человеком, коим становится, когда видит свой дом в порядке, а домашние вещи под рукой.

Бекфола толкнула дверь в царскую спальню и бесшумно вошла. Затем она спокойно села в кресло: поглядела на лежавшего монарха, и начала обдумывать, с чем подойти к нему, когда он проснется, и что сказать, дабы остановить его вопросы или упреки.

«Начну сама упрекать его, — подумала она. — Назову негодным мужем, тем удивлю его, и он позабудет обо всем, кроме собственной тревоги и негодования».

Однако в этот момент владыка поднял голову с подушки и ласково глянул на нее. Ее сердце заколотилось, и она собиралась сразу возвысить голос, прежде чем он успел бы спросить о чем-либо.

Но король заговорил первым, и то, что он сказал, так поразило ее, что все объяснения и упреки, которые уже трепетали на языке ее, слетели с него в одно мгновение, и могла она только оторопело и безмолвно сидеть, да тарашиться в недоумении.

— Что, сердце мое, — молвил король, — ты решила отказаться от этого дела?

— Я... я... — замялась Бекфола.

— Сейчас и впрямь не до дел, — настаивал Дермод, — потому что ни одна птица из пернатых еще не покинула свое дерево и, — продолжил он в сердцах, — так темно, что ты бы свое дело и не разглядела, даже на него натолкнувшись.

— Я, — задохнулась Бекфола. — Я...

— Воскресная прогулка, — продолжил он, — заведомо негожа. Ничего путного из нее не выйдет. Ты можешь заполнить свои платья и венцы завтра. Однако в такое время умудренный муж оставляет дела свои летучим мышам, лупоглазым совам и пучеглазым тварям, что рыщут и вынюхивают в темноте. Вернись в теплую постельку, дорогая, и отправляйся в путь поутру.

С сердца Бекфолы спало такое бремя опасений, что она незамедлительно выполнила, что было велено, и в таком она оказалось замешательстве, что не могла ни думать, ни говорить о чем-либо.

Тем не менее пока она потягивалась в теплом сумраке, пришла ей в голову мысль, что Кримтанн, сын Аэда, должно быть, сейчас ожидает ее в Ключэн-да-Хайлехе, и она помыслила об этом молодом человеке как о чудном и презабавном, а то, что ожидал он ее, беспокоило ее не больше, чем если бы овца ожидала ее или куст у дороги.

С тем и заснула.

Глава V

Утром, когда сели они завтракать, доложили о четырех церковниках, и, когда вошли они, король глянул на них сурово и неодобрительно.

— Как понимать это воскресное странствие? — спросил он.

Представлял эту четверку брат с нервно дергающимися пальцами, острым подбородком, узким лбом и глубоко посаженными злобными глазами.

— Воистину, — сказал он, и пальцы его правой руки вцепились намертво в пальцы левой руки, — воистину, мы переступили наказ.

— И почему же, объясни!

— Нас спешно послал к тебе наш господин, Моласий из Девениша¹.

— Благочестивый, набожный человек, — прервал его король, — тот, кто не одобряет нарушений правил дня воскресного.

— Нам было приказано сообщить тебе следующее, — молвил мрачный церковник и зажал пальцы своей правой руки в левом кулаке так, что нельзя было и надеяться увидеть их снова воскресшими. — Долгом одного из братьев Девениша, — продолжил он, — было выгонять скот до рассвета, и этот брат, выполняя свои обязанности, видел сегодня утром, как восемь пригожих молодых людей сражались между собой.

— Воскресным утром! — вспыхнул Дермод.

Церковник усердно закивал:

— Поутру самого освященного дня.

¹ *англ.* Molasius of Devenish, он считался святым покровителем острова Девениш в Северной Ирландии.

— Рассказывай! — гневно приказал король.

Однако тут ужас внезапно сжал сердце Бекфолы своими пальцами.

— Не надо страшных историй в воскресенье! — взмолилась она. — Никому ничего хорошего из такого рассказа не будет.

— Нет уж, супруга дорогая, — заявил король. — Об этом должно быть рассказано!

Тут церковник глянул на нее угрюмо и грозно, а затем по царскому знаку продолжил свой рассказ.

— Из этих восьми семеро были убиты.

— Они в аду, — мрачно заметил король.

— Точно, в аду, — горячо поддакнул церковник.

— А тот, кто не был убит?

— Он жив, — ответил церковник.

— Уж наверняка, — согласился монарх. — Расскажи, как все было.

— Моласий приказал похоронить тех семерых злодеев и снял с их нечестивых шей, с их поганных рук и с их неблагословенного оружия золота и серебра весом о двух человек.

— Вес двоих мужей! — задумчиво повторил Дермод.

— Именно так, — сказал тощий церковник. — Ни больше ни меньше. И он послал нас узнать, какая часть этого адского сокровища принадлежит братии Девениша, а какая — собственность короля.

Тут снова вмешалась Бекфола, говоря величественно, по-царски, но торопливо:

— Пусть братия возьмет все сокровища, потому что оно воскресное, а потому удачи никому не принесет.

Церковник снова бросил на нее из-под впалых век холодный взгляд своих серых, скошенных к носу глаз и стал ждать ответа короля.

Дермод задумался, склонив голову в ответ на этот спор влево, как бы «против», а после направо, как бы «за».

— Следует поступить, как советует моя любезная королева. Пусть из этого золота и серебра сделают ковчег искусной работы, с датой моей и моим именем, в память о моей бабушке, что поро-

дила агнца, лосося, а затем и моего отца, Ард Ри. А что же касается оставшегося драгоценного металла, то из него можно выковать пастырский посох в честь благочестивого мужа Моласия.

— Это еще не конец истории, — молвил угрюмый церковник с острым подбородком.

Король придвинулся с добродушным нетерпением.

— Если станешь досказывать, — молвил он, — то когда-нибудь обязательно закончишь. Камнем на камень возводят дом, сердце мое, а слово за словом ведут рассказ.

Церковник словно бы ушел в себя, сделался костляв и зловещ, а потом просипел:

— Кроме молодца по имени Фланн, которого не убили там, на месте, где случился бой и нарушение воскресенья, был и другой человек.

— Что за человек? — спросил встревоженный монарх.

Церковник выпятил вперед подбородок, а затем вздернул бровь.

— Это была жена короля! — крикнул он. — Женщина по прозванию Бекфола! Вот эта женщина! — взревел он и вытянул худой, негнушийся, длиннющий палец к королеве.

— Дьявол! — пробормотал король, вздрогнув.

— Если она и впрямь женщина! — зашелся церковник.

— Что ты имеешь в виду? — в гневе и ужасе спросил король.

— Либо она женщина из этого мира, и ее следует наказать, либо она женщина из сидов, и нужно ее изгнать, однако в то святое утро она была у сидов, и ее руки обвивали шею Фланна.

Король в изумлении откинулся на спинку кресла, переводя взгляд с одного на другого, а затем вперил затуманенный страхом, незрячий взор в Бекфолу.

— Это правда, сердце мое? — пробормотал он.

— Правда! — ответила Бекфола и внезапно стала в глазах короля белесой и полупрозрачной.

Монарх указал ей на дверь.

— Иди по своим делам, — пробормотал он. — Ступай к этому Фланну.

— Он ждет меня, — молвила Бекфола с гордым стыдом, — и мысль о том, что должен он ждать, сжимает мне сердце.

Затем она вышла из дворца и покинула Тару; и во всей Ирландии, и в мире живых ее больше не видали, и никто о ней никогда ничего более не слыхивал.

СХВАТКА В АЛЛЕНЕ

Глава I

— Думаю, — сказал Кайрел Белокожий, — что, хотя решение было вынесено против Финна, право решать было именно за ним.

— Он укокошил одиннадцать сотен, — дружелюбно заметил Конан, — и, если хочешь, можешь считать, что он в своем праве.

— И все-таки... — начал возражать Кэйрел.

— Ты все это заварил, — продолжил Конан.

— Хо! Хо! — воскликнул Кайрел. — Да ведь ты виноват не меньше моего!

— Нет, — молвил Конан, — ведь это ты ударил меня первым!

— И если бы нас не растащили... — прорычал Кайрел.

— Растащили! — буркнул Конан с ухмылкой, от которой вздыбилась его борода.

— Да, растащили. Если бы не вклинились между нами, думаю...

— А ты не думай, сердце мое, ибо между нами мир по закону.

— Это верно, — сказал Кайрел, — и надобно установленного держаться. Пошли, мой любезный, посмотрим, как юношей натаскивают в школе. Один из них довольно славно управляется с мечом.

— Ни один юнец не умеет с ним управляться, — заметил Конан.

— Ты прав, — сказал Кайрел. — Для такого оружия надобен добрый, зрелый муж.

— Мальчишки неплохи с пращами, — продолжал Конан, — но только рассчитывать на них нельзя — пайку слопают, а от драки сбегут.

Двое рослых мужей направились туда, где обучали фениев.

А случилось однажды так, что Финн Мак-Кул созвал нобилей из фениев вместе с их женами на пирушку. Пришли все, потому что устроенный Финном пир пропустить было никак невозможно. Там был Голл Мор Мак-Морна со своими людьми; сын Финна, Ошин, и его внук Оскар. Был Дермод Веселая Рожа, Кельте Мак-Ронан, да кого там только не было, всех и не перечислишь, ибо все столпы и огнеборцы войны были там.

И вот пир начался.

Финн сидел на главном месте посреди залы; напротив себя на почетное место он усадил весельчака Голла Мак-Морна; а по обе стороны от них расселись нобили из фениев, и каждый занял место, соответствующее его рангу и роду.

После славной трапезы — добрая беседа, а после доброй беседы — сон; таков порядок пира; поэтому, когда перед каждым стол ломился едой до пределов желания, слуги вынесли блестящие и украшенные драгоценными камнями рога для питья, и каждый влил в себя целую волну пьянящего напитка. Тогда молодые герои сделались веселы и бравы, дамы стали нежны и благосклонны, а барды выказывали чудеса знаний и предречений. Всякий взор лучился на том пиру, и все они постоянно обращались на Финна в надежде поймать взгляд этого великого и милосердного героя.

Сидевший напротив Голл пылко с ним заговорил.

— На этом пиру всего в достатке, о вождь, — сказал он.

Финн же улыбнулся, глядя ему в глаза, и взгляд его был напоен нежностью и дружелюбием.

— Нет недостатка ни в чем, — подтвердил он, — кроме славно сложенной песни.

Тут встал глашатай, держа в одной руке цепь из нескольких железных колец, а в другой — тонкую серебряную цепочку старинной работы. И потряс он железной цепью, чтобы слуги и прислужницы замолкли, и он потряс серебряной, чтобы прислушались вельможи и барды.

Поэт фениев Фергюс по прозвищу Уста Истины запел тогда о Финне, его предках и подвигах их. Когда он закончил, Финн, Ошин, Оскар и Мак-Лугайд Грозная Длань преподнесли ему редкие и дорогие подарки, так что все дивились их щедрости, и даже сам бард, привыкший к щедрости королей и принцев, был изумлен этими дарами.

Затем Фергюс обернулся к Голлу Мак-Морне и спел о крепостях, разрушениях, набегах и сватовствах клана Морна; и по мере того как одна песня сменяла другую, Голл становился все более веселым и довольным. Когда песни стихли, Голл, сидя на своем месте, обернулся.

— Где мой гонец? — воскликнул он.

Гонцом у него была женщина, бегунья, чудо быстроты и хранительница секретов. Она и шагнула вперед.

— Я здесь, благородный воин.

— Собрали мою дань с Дании?

— Она здесь.

Тут ей помогли положить перед ним дань весом в три человека из дважды очищенного золота. Из этого сокровища, а также из колец, браслетов и ожерелий, что были при нем, Голл Мак-Морна уплатил Фергюсу за его баллады, и дал он вдвое больше, чем Финн.

Пир продолжался, а Голл раздавал арфистам, пророкам или жонглерам больше, чем кто-либо другой, так что Финн стал недоволен, и по ходу дела становился он все более суров и молчалив.

Глава II¹

Голл продолжал раздавать свои великолепные дары, а огромный пиршественный чертог стал наполняться тревогой и смущением.

Нобили вопросительно глядели друг на друга, а потом говорили о посторонних вещах, но только вполовину ума. Певцы, арфисты и жонглеры ощущали эту неловкость, так что всем было не по себе, и никто не знал, что с этим поделаться и что будет дальше; разговоры затихали, а за этим последовала тишина.

Нет ничего страшнее молчания. В его пустоте возрастает стыд или накапливается гнев, и надобно выбрать, кто из них станет вами править.

Этот выбор лежал перед Финном, который никогда стыда не ведал.

— Голл, — сказал он, — давно ли ты собираешь дань с жителей Лохланна?

— Издавна, — ответил Голл.

И он глянул в глаза Финну, что были строги и недружелюбны.

— Думал я, что дань мне была единственной, которую эти люди должны были платить, — продолжил Финн.

— Память тебе изменяет, — молвил Голл.

— Пусть так, — ответил Финн. — Как появилась эта дань тебе?

— Давным-давно, Финн, в те дни, когда отец твой навязал мне войну.

— А! — откликнулся Финн.

— Когда поднял он против меня верховного правителя и изгнал меня из Ирландии.

¹ Версия смерти Кула, о которой говорится в этой главе, неверна. Также Кнуха (*англ.* Spocha) находится не в Лохланне, а в Ирландии.

— Продолжай, — сказал Финн, удерживая взгляд Голла меж своих насупленных бровей.

— Я отправился к бриттам, — продолжил Голл, — твой же отец последовал за мной и туда. Я вторгся в Белый Лохланн¹ и взял его. Твой же отец выбил меня и оттуда.

— Мне это ведомо, — молвил Финн.

— Я ушел в землю саксов, но твой отец изгнал меня и оттуда. А затем, в Лохланне, в битве при Кнухе, мы с твоим отцом наконец встретились нога к ноге, глаза в глаза, и там, Финн...

— Что там, Голл?

— И там я убил отца твоего!

Финн сидел недвижимо, не шелохнувшись, лицо его было ужасно и каменно, как памятный лик, высеченный на склоне утеса.

— Расскажи, как все было, — молвил он.

— В том сражении побил я лохланнов. Проник я в крепость датского короля и вывел из его темниц людей, коих держали там целый год и ожидавших смерти. Я освободил пятнадцать узников, и одним из них был Финн.

— Это верно, — молвил Финн.

При этих словах гнев Голла поубавился.

— Не завидуй мне, дорогой, потому что, будь у меня дани в два раза больше, я бы отдал ее тебе и Ирландии.

Однако от слова «завидуй» гнев Финна вспыхнул снова.

— Это дерзость, — воскликнул он, — бахвалиться за этим столом, что ты убил моего отца!

— Даю руку на отсечение, — ответил Голл, — если бы Финн обращался со мной, как его отец, я бы обращался с Финном так же, как с отцом Финна.

Финн закрыл глаза, подавил гнев, который поднимался в душе его, и мрачно улыбнулся.

— Коли бы я так считал, не оставил бы последнее слово за тобой, Голл, ибо у меня тут по сто человек на каждого твоего.

Голл расхохотался.

— Так же было и с твоим отцом, — молвил он.

¹ Норвегия

Брат Финна, Кайрел Белокожий, вмешался в их разговор, грубо рассмеявшись.

— И скольких же людей Финна угомнил великолепный Голл? — крикнул он.

Однако брат Голла, лысый Конан Ругатель, бросил на Кайрела свирепый взгляд.

— Клянусь оружием! — молвил он. — С Голлом всегда было не менее ста одного мужа, и самый последний из них мог бы с легкостью тебя завалить.

— Что?! — воскликнул Кайрел. — Ты, что ли, один из этой сотни и одного мужа, плешивец?

— И впрямь из них, мой тупоголовый слабак Кайрел, и я берусь доказать на твоей шкуре, что мой брат речет правду, а сказанное твоим — ложь!

— Ну, давай, попробуй! — прорычал Кайрел и после сказанного яростно вмазал Конану, на что тот ответил таким кулачищем, что одним ударом вlepил им Кайрелу сразу по всей роже. Затем эти двое сцепились и пошли валять и колотить друг друга по всей огромной зале. Двое сыновей Оскара не могли вынести, как их дядьку гнобят, и наскочили на Конана, а двое сыновей Голла ринулись на них. Затем вскочил и сам Оскар, держа по молоту в каждой руке, и бросился в гущу драки.

— Благодарю богов, — рывкнул Конан, — за возможность прибить тебя, Оскар.

Затем эти двое сшиблись, и Оскар выбил из Конана стон боли. Тот умоляюще глянул на своего брата Арта Ога Мак-Морну, и этот могучий воин ринулся к нему на помощь и ранил Оскара. Ошин, отец Оскара, того стерпеть не смог; он встрял и поразил Арта Ога. Затем Жесткая Шкура Мак-Морна ранил Ошина, а потом он сам был сбит с ног Мак-Лугайдом, которого после ранил Гарра Мак-Морна.

В пиршественном чертоге царил хаос. В каждом его углу раздавали и получали удары. Здесь два героя, вцепившись друг другу в глотки, медленно кружат и кружат в скорбном танце. Тут двое пригнулись, стоя друг против друга, и выискивают слабое место для удара. Вон там кряжистый муж вскинул другого вверх и швырнул его

*В пиришественном чертоге царил хаос.
В каждом его углу раздавали и получали удары*

в бросившуюся на него братию. В дальнем углу некий муж стоит и задумчиво пытается вытащить выбитый зуб.

— Не до драки, — бормочет он, — когда башмак слезает или шатается зуб.

— Поспеси с этим зубом, — ворчит стоящий перед ним бугай, — я тебе и второй выбью.

У стены жалась группка женщин, некоторые из них вопили, другие смеялись, и все они призывали мужчин вернуться на свои места.

В зале оставались сидеть только два человека.

Голл сидел, обернувшись, и внимательно наблюдал за ходом драки, а сидевший напротив Финн наблюдал за Голлом.

Как раз в этот момент Файлан, еще один из сыновей Финна, ворвался в зал с тремя сотнями фениев, и этой силой все люди Голла были вынесены за двери, где бой и продолжился.

Тогда Голл спокойно глянул на Финна.

— Твои люди используют оружие, — заметил он.

— Разве? — спросил Финн так спокойно, словно обращался в пространство.

— Что же до оружия... — молвил Голл.

Тут этот нестигаемый столп войны повернулся туда, где на стене позади висел его арсенал. Он схватился одной рукой за свой надежный и хорошо уравновешенный меч, ухватил левой своей большой могучий щит и, бросив искоса еще один взгляд на Финна, вышел из чертога и неудержимо ринулся в бой.

Затем встал Финн. Он также снял со стены свое снаряжение, вышел, подал торжествующий фенийский клич и вступил в бой.

Слабакам туда лучше было не соваться. Не уголок это был, который женщина с тонкими перстами выбрала бы для укладки своих волос, и не местечко для старика, собравшегося предаться размышлениям, ибо звон мечей о мечи, топоров о щиты, рев сражающихся, стоны раненых и крики испуганных женщин нарушали там покой, и над всем раздавались призывный клич Голла Мак-Морны и могучий рев Финна.

Тогда Фергюс Уста Истины собрал вокруг себя всех бардов, и они окружили сражающихся. Они начали распевать и произносить речитативом длинные суровые строфы и заклинания, и, ког-

да ритмичные волны их голосов заглушили шум даже самой битвы, люди перестали рубиться и кромсать и выпускали оружие из рук. Его подхватили барды, и между двумя сторонами произошло примирение.

Однако Финн заявил, что не заключит мира с кланом Морна до тех пор, пока не рассудят их король Кормак Мак-Арт¹, его дочь Айлве, его сын Кайрбре² из Маг-Лифи и главный бард Финтан³. Голл согласился, что дело должно быть передано на этот суд, и был назначен день, через две недели, дабы собраться в Таре королей для вынесения приговора. Затем залу прибрали, и пиршество возобновилось.

Из народа Финна погибло одиннадцать сотен мужчин и женщин, а из людей Голла — одиннадцать мужчин и пятьдесят женщин. Однако, думается, женщины перемерли со страху, ибо ни на одной из них не было ни раны, ни синяка, ни царапины.

¹ *англ.* Cormac mac Art; один из верховных правителей Ирландии, внук Конна Ста Битв.

² *англ.* Cairbre.

³ В ирландской мифологии он известен как Финтан Мак-Бохра (Fintan mac Bóhra).

Глава III

К концу второй недели Финн, Голл и предводители фианнов прибыли в Тару. Король, его сын и дочь, а также Флари, Фиал и Финтан Мак-Бохра сидели на судейских местах, и Кормак привел свидетелей для показаний.

Финн встал, но в тот же момент поднялся и Голл Мак-Морна.

— Я возражаю против того, чтобы Финн давал показания, — сказал он.

— Почему? — спросил король.

— Потому что в любом касающемся меня деле Финн превратит ложь в правду, а правду в ложь.

— Не считаю, что это так, — возразил Финн.

— Вот видите, он уже начал так делать, — воскликнул Голл.

— Если ты возражаешь против показаний главного из присутствующих лиц, каким образом должны мы получить свидетельства? — удивился король.

— Я, — ответил Голл, — доверюсь показаниям Фергюса Уста Истины. Он поэт Финна и не солжет против своего хозяина, однако он бард и ни на кого напраслины не возведет.

— С этим я согласен, — молвил Финн.

— Тем не менее я требую, — продолжил Голл, — чтобы Фергюс поклялся перед судом своими богами, что он будет говорить по справедливости о нас.

Фергюс принес клятву и дал показания. Он заявил, что брат Финна Кайрел ударил Конана Мак-Морну, что два сына Голла пришли Конану на помощь, что Оскар ринулся на помощь Кайрелу, а затем люди Финна сцепились с кланом Морна; так началась сва-

ра, и закончилась она битвой, в которой погибло одиннадцать сотен людей Финна и шестьдесят один человек Голла.

— Меня удивляет, — сказал король скорбно, — как это, учитывая численность противника, потери клана Морна были такими малыми.

При этих словах Финн вспыхнул.

Фергюс ответил:

— Голл Мак-Морна прикрывал своих людей щитом. Всю эту резню устроил он.

— Натиск был слишком силен, — проворчал Финн. — Я не успел добраться до него вовремя, иначе...

— Иначе что? — громко хохотнул Голл.

Финн сурово покачал головой и больше не промолвил ни слова.

— Каково ваше решение? — спросил Кормак своих друзей и судей.

Первым высказался Флари.

— Думаю, пострадал клан Морна.

— Почему? — спросил Кормак.

— Потому что на них напали первыми.

Кормак упрямо на него глянул.

— Я с твоим решением не согласен, — молвил он.

— Что в нем неверно? — спросил Флари.

— Ты не учел, — молвил король, — что воин обязан подчиняться своему командиру, а учитывая время и место, командиром был Финн, а Голл — простым воином.

Флари обдумал мнение короля.

— Это, — сказал он, — верно для белых ударов, или ударов кулаками, но не для красных ударов, или ударов мечами.

— А ты что думаешь? — спросил король Фиала.

Тогда Фиал высказался:

— Считаю, раз клан Морна подвергся нападению первым, они не должны платить за ущерб.

— А что касается Финна? — спросил Кормак.

— Считаю, что в связи с его огромными потерями Финн должен быть освобожден от возмещения ущерба и что его потери должны рассматриваться как плата за ущерб.

— Я согласен с этим суждением, — сказал Финтан.

Король и его сын также согласились, и это решение было доведено до фениев.

— Следует подчиняться приговору, — заметил Финн.

— Будешь его соблюдать? — спросил Голл.

— Буду, — молвил Финн.

Тогда Голл и Финн облобызали друг друга, и таким образом был заключен мир. Ибо, несмотря на бесконечные ссоры этих двух героев, они очень любили друг друга.

Тем не менее по прошествии многих лет я думаю, что вина все же лежала на Голле, а не на Финне и что вынесенное решение всего не учитывало. Ибо за тем столом Голл не должен был раздавать больше подарков, чем его командир и хозяин пира. Голл же, со своей стороны, был не вправе силой занимать положение величайшего дарителя среди фениев, ибо не было в целом мире никого, кто преподносил бы дары, сражался или сочинял стихи лучше Финна.

Это обстоятельство дела до суда не довели. Хотя возможно, оно было сокрыто из учтивости по отношению к Финну, ибо если Голла можно было обвинить в бахвальстве, то Финна можно было бы обвинить в более отвратительном деянии — в зависти. Тем не менее свара началась из-за хорохористой и напористой натуры Голла, и приговор времени обязан оправдать Финна и возложить вину на тех, кто ее заслуживает.

Однако следует добавить и запомнить, что всякий раз, когда Финна загоняли в угол, именно Голл вытаскивал его оттуда; а позже, когда время сотворило над ними самое худшее и фении были отправлены в ад как неверующие, именно Голл Мак-Морена, заявившись в пекло с цепью в огромном кулачище, и были на той цепи три болтающихся железных шара, и именно он напал на полчища могучих демонов и вывел оттуда Финна со всеми фениями.

ВАХЛАК ДРАНЫЙ ПЛАЩ

Глава I

Однажды с Финном, сыном Кула, случилось нечто; а именно он покинул мир людей и со смятенной душой стал скитаться по Дивноземью. Провел он там много дней и ночей, попадал в переделки и смог принести с собой память о них.

Это само по себе удивительно, ибо мало кто помнит, что побывал в Дивноземье и тем более что с ним там приключилось.

На самом же деле мы не попадаем в Дивноземье, мы становимся дивными, и тогда с одним ударом сердца можем прожить год или тысячу лет. Однако, когда мы возвращаемся, память быстро затуманивается и кажется, что нам приснился сон или было видение, хотя мы и впрямь были в Дивноземье.

И то еще удивительно, что Финн не только помнил все, что случилось с ним в тот туго закрученный момент, но в этой истории есть и еще чему дивиться; ибо не только Финн попал в Дивноземье, но туда также была перенесена и огромная армия, которую он направил к Бен-Эдару, и ни он, ни воины не понимали, что покинули этот мир, пока не вернулись в него обратно.

Четырнадцать сражений, семь резервными силами фениев и семь регулярными, провел их предводитель во время того великого по-

хода и марша. Когда они достигли Бен-Эдара, было решено разбить лагерь, чтобы войска могли отдохнуть перед военной операцией, которую Финн задумал на завтра. Место было выбрано, и каждый отряд и воинская группа размещалась как подобает, не создавая толчеи, неудобств или помех другим отрядам, ибо где отряд становился, там и отдыхал, другим не мешая и чувствуя себя вольготно.

Когда это было исполнено, вожаки отрядов собрались на покрытой травой равнине, возвышавшей над морем, где начали совещаться о грядущих завтра действиях, и во время этого обсуждения часто поглядывали они на широкий морской простор, что колыхался и блистал под ними.

Вместительный корабль под всеми парусами шел с востока к Бен-Эдару.

Время от времени, когда речи стихали, какой-нибудь воин глядел на спешащее судно и заводил о нем разговор; и возможно, именно в один из таких моментов и начались приключения Финна в Дивноземье.

— Любопытно, откуда идет этот корабль? — меланхолично спросил Конан.

Однако никто ничего толком сказать о нем не мог, кроме того, что это был корабль, хорошо оснащенный для войны.

Когда корабль подошел к берегу, наблюдатели заметили, как некий высокорослый мужчина спрыгнул с борта, ухватившись за древко своего копья, и вскоре об этом муже доложили Финну и привели его к нему.

Он и впрямь оказался воинственным и решительным здоровяком. Был облачен в дивные, прочные доспехи, на голове прочный резной шлем, на плече у него был великолепный бронзовый выпуклый щит, а по бедру постукивал прямой меч с широкими желобками. На плечах под щитом надет был роскошный алый плащ; спереди был большой нагрудник из червонного золота, а в кулаках сжимал он пару грубых копий с толстыми древками.

Финн и командиры оглядели этого мужа и были весьма восхищены его статями и снаряжением.

— Каких ты кровей, юный муж? — спросил Финн. — Из каких краев белого света ты прибыл?

— Кличут меня Кайл¹ Железный, — ответил незнакомец, — и я сын короля Фессалии.

— Какое поручение привело тебя сюда?

— Не с поручениями хожу, — сурово ответил сей муж, — а по делам, которые мне приятны.

— Пусть так. Что за приятное дело привело тебя в эту землю?

— С тех пор как я покинул свой край, не покидал я ни земли, ни острова, пока не заплатят мне дань и не признают власть мою.

— И ты прибыл в наше царство?! — воскликнул Финн, не веря своим ушам.

— За данью и покорностью, — рывкнул чужак и яростно ударил древком своего копья о землю.

— Руку на отсечение даю, — молвил Конан, — никогда не слышали мы о воине, каким бы великим он ни был, кому не нашелся бы равный в Ирландии; по таким женщины нашего края поют похоронные песни.

— Клянусь рукой своей и словом, — молвил свирепый чужак, — твои речи наводят меня на мысль о мальчишке или дурачке.

— Постерегись, господин, — молвил Финн, — ибо пред тобой победители и великие драконы гэлов, а за нами четырнадцать битв ирландских фениев.

— Если бы всех фениев, павших за последние семь лет, добавить ко всем здесь стоящим, — заявил чужак, — я бы покрошил и тех, и этих сурово, лишил бы их конечностей и самой жизни.

— Экое бахвальство! — пробормотал Конан, глянув на него.

— Это вовсе не бахвальство, — молвил Кайл, — и, чтобы показать мои силы и стати, я предлагаю тебе поединок.

— Давай, — велел Финн.

— Вот он, — молвил Кайл с холодной свирепостью. — Если среди ваших четырнадцати бригад вы найдете человека, который сможет обогнать, перебороть или победить меня в поединке, я удалюсь в свой край и больше не стану вас тревожить.

И так жестко он говорил, и таким воинственно глядел, что смятение начало охватывать воинов, и даже сам Финн почувствовал, что у него перехватило дыхание.

¹ *англ. Cael.*

— Это слова отважного мужа, — согласился он через мгновение, — и если не сможешь ты опробовать себя во всем оговоренном, то не из-за нехватки желающих.

— В одном лишь беге, — задумчиво продолжил Финн, — у нас есть знаменитый победитель, Кельте Мак-Ронан.

— Славе этого сына Ронана недолго длиться, — заявил незнакомец.

— Он может обогнать благородного оленя, — заметил Конан.

— Он может обогнать ветер, — воскликнул Финн.

— Его не просят обгонять благородного оленя или ветер, — усмехнулся незнакомец. — Ему надо будет обогнать меня, — рявкнул он. — Покажите этого бегуна, и посмотрим, столь ли велико сердце в ногах его, как он вас уверяет.

— Его нет с нами, — вздохнул Конан.

— Этих выдающихся воинов никогда не оказывается, когда кликнут клич, — мрачно заметил чужак.

— Ручаюсь, — воскликнул Финн, — он скоро будет здесь, ибо я сам его приведу.

— Пусть так и будет, — согласился Кайл.

— Пока же меня не будет, — продолжил Финн, — я оставляю уговор, что ты будешь дружен с присутствующими тут фениями и станешь соблюдать все условия и правила дружбы.

Кайл согласился на это.

— Я не причиню вреда никому из этих людей, пока ты не вернешься, — молвил он.

Затем Финн отправился в Тару королей, поскольку считал, что Кельте Мак-Ронан наверняка там будет. «А если его там нет, — думал воитель, — тогда я найду его в фенийском Кеш-Корране¹».

¹ *англ.* Cesh Corran.

Глава II

Не успел Финн отойти подальше от Бен-Эдара, как вошел в густой, сумрачный лес, где деревья росли так часто, а подлесок был так загущен и переплетен, что сквозь него едва можно было пробиться. Вспомнив, что когда-то через этот лес была прорублена тропинка, он искал ее. Это была глубокая протоптанная колея, которая шла, порой петляя, через весь тот лес.

Спустившись в эту мрачную ложбину, Финн двинулся вперед, однако, далеко забравшись в сырой лес, услышал звук хлюпающих и топающих шагов и увидал — прет на него ужасное существо со злобной харей; дикий, чудовищный, желтокожий, кряжистый великан, и на нем только дурно сшитый и обляпанный грязью серый плащ, который болгается и хлопает по икрам его большущих голых ног. На топающих ступнях его были огромные чеботы, по форме напоминавшие лодки, но поболее их, и каждый раз, когда он опускал ногу, она месила раскисшую грязь и выплескивала целую бочку жижи.

Финн никогда не видел великанов, подобных этому, стоял и глядел он на него, застыв в изумлении.

Великан же его поприветствовал.

— Совсем один ты тут, Финн? — воскликнул он. — Как же так вышло, что рядом со своим командиром нет никого из фениев?

При этом вопросе Финн пришел в себя.

— Это слишком долгая история, слишком запутанная и темная, чтобы рассказывать ее, да и времени у меня на это нет.

— Ну все же Расскажи, — настоял гигант.

Тогда Финн под таким настоянием рассказал о прибытии Кайла Железного, о вызове, брошенном последним, и о том, что он, Финн, отправился в Тару королей, дабы отыскать Кельте Мак-Ронана.

— Я хорошо знаю этого чужака, — откликнулся здоровяк.

— Он и впрямь такой победитель, каким себя изображает? — спросил Финн.

— Он может совершить в два раза больше, чем обещает, — ответил монстр.

— Не перегнать ему Кельте Мак-Ронана, — настоял Финн.

Великан усмехнулся.

— Скажи еще, что он и ежа не перегонит, сердце мое. Да этот Кайл уж гонку закончит, когда твой Кельте начнет подумывать о старте.

— Тогда, — молвил Финн, — я уже и не знаю, куда обратиться и как защитить честь Ирландии.

— Я знаю, как это сделать, — откликнулся его собеседник, медленно покачивая головой.

— Если так, — взмолился Финн, — скажите мне как, чести ради.

— Я сделаю это! — ответил великан. — Не разыскивай более этого тормозилу, сына Ронана со скрипучими коленками, — продолжил он, — попроси меня пробежать в этой гонке, и, ручаюсь, я буду первым на финише.

На это вождь расхохотался.

— Мой добрый друг, у тебя хватит работы таскать две кучи грязи, что облепили каждую полу твоего плаща, не говоря уже о твоей тяжелой обуви.

— Ручаюсь, — воскликнул великан, — в Ирландии нет никого, кроме меня, кто может выиграть эту гонку. Слово даю!

Тут Финн согласился.

— Быть по сему, — молвил он. — А теперь назови мне свое имя.

— Кличут меня Вахлак Серый Плащ¹.

— Все имена — это имена, — ответил Финн, — и твое тоже имя.

Затем вернулись они к Бен-Эдару.

¹ В оригинале Carl of the Drab Coat; в одной из рукописей этот великан выступает под именем Bhodaigh (Бодах), что можно перевести как «вахлак», или «мужик».

Глава III

Когда они подошли к воинам, мужи Ирландии окружили великана-чужака, и были среди них закрывавшие свои лица плащами, чтобы скрыть смех, были и катавшиеся по земле от хохота, были и прочие, что лишь разевали рты, сгибали колени, опускали руки и ошеломленно смотрели на незнакомца.

Кайл Железный тоже приблизился к великану и осмотрел незнакомца пристально и с особым вниманием.

— Беса ради, что это такое? — спросил он у Финна.

— Сердце мое, — молвил Финн, — это герой, которого я ставлю против тебя в забеге.

Кайл Железный побагровел лицом и чуть было не проглотил язык от гнева.

— До скончания вечности, — взревел он, — и до самого последнего мгновения конца света не двину я ногой в состязании с этим жирным, крупным копытным, мерзко скроенным подобием побирušки.

Однако тут Вахлак разразился хохотом, да так, что у воинов в головах чуть барабанные перепонки не полопались.

— Успокойся, дорогой, я не побирušка, и род мой не хуже, чем у самого изысканного принца на этом сборище. Не уклониться тебе так от своего вызова, мой любезный, и ты побежишь со мной, или ты побежишь к своему кораблю, а я за тобой следом. Какой длины забег ты предлагаешь, сердце мое?

— Я никогда не бегаю меньше шестидесяти миль, — угрюмо ответил Кайл.

— Это небольшой забег, — молвил Вахлак, — но годится.

От этого места до Тростникового холма, Слиб-Луахры¹ в Мюнстере, ровно шестьдесят миль. Тебе подойдет?

— Меня не волнует, как это будет устроено, — ответил Кайл.

— Тогда, — молвил Вахлак, — мы можем отправиться в Слиб-Луахру прямо сейчас, а поутру можем начать нашу гонку оттуда сюда.

— Пусть так и будет, — согласился Кайл.

Тут эти двое отправились в Мюнстер, а когда солнце садилось, достигли они Слиб-Луахры и приготовились провести там ночь.

¹ ирл. Sliabh Luachra.

Глава IV

— **К**айл, сердце мое, — сказал Вахлак, — нам стоит возвести дом или хижину, чтобы переночевать.

— Ничего строить не стану, — ответил Кайл, с крайним неодобрением глянув на Вахлака.

— Неужели?

— Не стану я строить дом или хижину ради того, чтобы провести тут одну ночь, ибо надеюсь никогда больше не увидеть это место.

— Сам построю жилище, — молвил Вахлак, — а в строительстве не помогающий может оставаться снаружи.

Вахлак протрюхал к соседнему лесу и не останавливался там, пока не завалил и не связал вместе двадцать четыре пары больших бревен. Он подхватил их одной рукой, а другой сгреб охапи-

щу тростника для своей лежанки; и из всего этого соорудил он жилище, уютное и славно покрытое соломой, а из оставшихся бревен развел он костер на полу.

Его сосед сидел поодаль, поглядывая на эту работу с яростью и отвращением.

— А теперь, Кайл, дорогой мой, — молвил Вахлак, — если ты мужчина, помоги мне найти съестное, ибо дичь-то тут водится.

— Сам ищи, — рявкнул Кайл, — ибо все, чего хочу я, — не быть рядом с тобой.

— Зуб непомогающий без подмоги и останется, — ответил Вахлак.

Вскоре Вахлак вернулся с вепрем, которого загнал. Приготовил зверину на костре и съел одну половину, оставив вторую половину на завтрак. Потом завалился на тростник и в два счета заснул.

А Кайл лежал на склоне холма, и если и заснул он в ту ночь, то на пустое брюхо. Однако поутру он все же растолкал Вахлака.

— Вставай, нищеврод, если собираешься соревноваться со мной в беге.

Вахлак протер глаза.

— Никогда не встаю, пока не выплюсь, и мне еще час сна причитается. Однако, если тебе нейдет, радость моя, можешь, благословясь, начать прямо сейчас. Я же побегу следом, когда выплюсь.

Кайл помчался, и рад он был стартовать, ведь его противнику так мало было до этого дела, что не знал Кайл, чего и ожидать от Вахлака, когда тот в гонку вступит.

«Тем не менее, — говорил себе Кайл, — через час побирешке придется шевелить костями, если хочет он меня настичь». И мчался он при этом во всю прыть.

Глава V

Через час Вахлак проснулся. Съел вторую половину вепря, а необглоданные кости привязал к полам своего плаща. Затем под громкое бряцанье кабаньих костей побежал.

Трудно сказать, как именно он бежал и с какой скоростью мчался, однако рвался вперед, разбрызгивая грязь, огромными скачками, то прыгая двумя ногами сразу, то с каждой ноги попеременно, а потом опять гигантскими прыжками, размашисто, оглушительно топоча и круша ногами пространство.

Он оставлял позади ласточек, словно бы те спали. Нагнал благородного оленя, перемахнул через него, а тот так и оставался стоять. Ветер всегда находился позади него, ибо он его все время опережал; и он допрыгал и доскакал до Кайла Железного, хотя Кайл и бежал славно, подняв кулаки и задрав голову, а обе его ноги летали вверх-вниз так шустро, что их нельзя было и разглядеть из-за этой прыти.

Шлепая рядом с Кайлом, Вахлак подхватил лапицей с полы своего плаща пригоршню костей с остатками мяса.

— Вот, сердце мое, мясная косточка, — молвил он, — ты же всю ночь постился, бедолага, и, если ты грызанешь с этой кости, твоему брюху полегчает.

— Отринь свою мерзость, нищеврод! — ответил соперник. — Пусть меня лучше повесят, но я не стану грызть кость, которую ты обглодал.

— Отчего же ты не бежишь, сердце мое? — вкрадчиво спросил Вахлак. — Почему же не пытаешься выиграть гонку?

Тут Кайл задвигал ногами так, словно это были крылья мухи, или плавники рыбешки, или шесть лапок перепуганного паука.

— Да бегу я, — пропыхтел он.

— А ты попробуй-ка побежать вот так! — предложил Вахлак, взвился, мельтеша мослами, и исчез из глаз Кайла, сверкнув своими огромными чеботами.

Кайл Железный впал в отчаяние, но сердцем он мужался.

— Буду бежать, пока не лопну, — заорал он, — а когда лопну, разорвусь посильнее да подальше и брызгами своими свалю этого нищеврода и ноги ему переломаю!

Затем он перешел на безумную, дикую и неумолимую рысь. Наконец догнал он Вахлака, поскольку тот остановился, чтобы поесть ежевики с придорожного куста, и, когда Кайл приблизился к Вахлаку, начал злобно глумиться и насмеяться над ним.

— Кто полы своего плаща посеял? — рявкнул он.

— Не загадывай загадки человеку, который ест ежевику, — попенял ему Вахлак.

— Пес без хвоста, и плащ без хвоста, — крикнул Кайл.

— Я сдаюсь, — пробормотал Вахлак.

— Это ты сам, побирушка! — съязвил Кайл.

— Я — это я, — прочавкал Вахлак с полным ртом ежевики, — а раз я — это я, то как это может быть сам? Глупая загадка! — пробормотал он.

— Глянь на свой плащ, жирдяй!

Вахлак глянул.

— Вот те на! — молвил он. — Где же две полы моего плаща?

— Чую, одна из них намоталась на деревце в тридцати милях отсюда, — ответил Кайл, — а другая сквернит куст в десяти милях до него.

— Не к добру это — расстаться с полами собственного плаща, — проворчал Вахлак. — Придется мне вернуться за ними. По-

дожди здесь, милый, поешь ежевики, пока я не вернусь, а потом вместе честно побежим.

— Ни полмгновения не подожду, — ответил Кайл и дунул к Бен-Эдару, как влюбленный стремится к своей девушке или как пчела летит к улью своему.

— А я и половины ежевики не съел, — посокрушался Вахлак и побежал назад за полами своего плаща.

Он решительно отправился в обратный путь, а поскольку проделанный им путь был утоптан, как если бы его умяла сотня следующих друг за другом быков, смог он быстро найти две полы плаща и приладил их обратно.

Затем взвился, словно припадочный, вихрем понесся, отчаянно, да так, что и описать невозможно. Топот его чеботищ был похож на непрерывный стук града по крыше, а поднятый вихрь гнул деревья. Зверье, бродившее по соседству, падало замертво от топота его, а пар, валивший из его носа, разносил птиц на части и валил с неба на землю огромные тучи облаков.

Снова догнал он Кайла, который бежал, набычив голову и сверкая пятками.

— Если ты не возьмешься бежать, золотце мое, — молвил Вахлак, — не видать тебе твоей дани.

И с этими словами взъярился он и рванул так, что аж в глазах потемнело, и так замолотил чеботами, что в мгновение ока оставил Кайла позади.

— Буду бежать, покуда не лопну, — всполошился Кайл и так отчаянно замесил ногами, что загудели и зажужжали они, словно навозная муха на окне.

В пяти милях от Бен-Эдара Вахлак встал, ибо снова набежал на кусты ежевики.

И он ел их, пока не превратился в бурдюк с соком, а когда услышал гудение и жужжание Кайла Железного, посетовал и повздыхал, что не может задержаться, чтобы налопаться досыта. Скинул он плащ, набил его доверху ежевикой, закинул узел за плечи и рьяно да проворно побежал к Бен-Эдару.

*Топот его чеботиц был похож на непрерывный стук града по крыше,
а поднятый вихрь гнул деревья*

Глава VI

Трудно было бы передать страх, который царил в груди Финна и в сердцах фениев, ожидавших завершения этой гонки.

Толковали без конца, и в какой-то миг дня того некий муж упрекнул Финна за то, что не нашел он Кельте, сына Ронана, как было условлено.

— Никто не бежит, как Кельте, — утверждал один.

— Он летит над землей, — говорил другой.

— Он легче перышка.

— Быстр, как олень.

— Напорист, как бык.

— Ноги как у волка.

— Он должен бежать!

Все это было высказано Финну, и Финн говорил себе то же самое.

С каждым убегающим мгновением капля свинца падала на каждое сердце, и боль отчаяния пронзала каждый ум.

— Пойди на вершину того холма, — сказал Финн человеку с глазами ястреба, — пойди и посмотри, не видно ли бегунов.

И послал он с ним шустрых людей, чтобы могли они все время бегать туда и обратно с новостями.

Гонцы ежеминутно подбегали к его шатру, выкрикивая «ничего», «ничего», «ничего», останавливались, а потом и убегали.

И слова эти «ничего, ничего, ничего» начали уже томить каждого присутствующего.

— Чего нам ждать от этого Вахлака? — сурово спросил один воин.

— Ничего, — крикнул остановившийся и вновь умчавшийся гонец.

— Тюфяк! — воскликнул один воин.
— Хряк! — добавил другой.
— Ушлепок!
— Пехтерь.
— Толстобрюх.
— Бездельник.
— Свинья!
— Ты думал, Финн, что кит может плавать по земле? На что ты рассчитывал? Что может этот жирдяй?

— Ничего, — воскликнул гонец на бегу.

Ярость уже начинала вгрызаться Финну в душу, и перед глазами его заплясала и забилась красная мгла. Руки его задержались, и поднялось в нем желание схватить всех этих воинов за шею и трясти, и буянить, и метаться среди них, как бешеный пес среди овец.

Глянул на одного, а казалось посмотрел на всех разом.

— Замолкните! — прорычал. — Пусть каждый будет нем, как мертвец.

Подался вперед, видя все и не видя никого, распахнул рот, и такая свирепость исходила от огромного насупленного чела его, что воины вздрогнули, словно почуяв могильный холод, и умолкли.

Финн же встал и пошел к выходу из шатра.

— Ты куда, о Финн? — смиренно спросил какой-то воин.

— На вершину холма, — ответил Финн и двинулся вперед.

Воины последовали за ним, перешептываясь промеж собой и упираясь глазами в землю, пока поднимались.

Глава VII

— **Ч**то ты видишь? — спросил Финн у дозорного.

— Ничего, — ответил он.

— Глянь еще раз, — настоял Финн.

Муж с орлиным взглядом вскинул лицо, узкое и острое, словно высеченное на ветру, и недвижимо, зорко уставился вдаль.

— Что видишь? — спросил Финн.

— Ничего, — ответил тот.

— Дай сам гляну, — молвил Финн, подавшись вперед и вперившись вдаль.

Дозорный стоял рядом, не моргая и всматриваясь, лицо напряжено, глаза словно без век.

— Что видишь ты, о Финн? — спросил дозорный.

— Ничего не вижу, — молвил Финн и снова вскинул свое суровое, напряженное чело. И казалось, что дозорный впивается вдаль и взглядом, и руками; а Финн же многодумно размышлял о том, что там, вдали, нахмутив и наморщив свой лоб.

Глянули снова.

— Что видишь? — спросил Финн.

— Ничего, — молвил дозорный.

— Не знаю, вижу я или кажется, но что-то движется, — молвил Финн. — Там топот, — добавил он.

Дозорный тут весь обратился в зрение, окаменел и вперился вперед, обшаривая взглядом неясную даль. Наконец заговорил.

— Пыль там, — сказал.

При этом воины жадно уставились вперед и напряженно таращились, пока глаза их не заволокло синей тьмой и не смогли они уже различить даже то, что было у них под носом.

— Я вижу, — торжествуя воскликнул Конан, — я вижу пыль!

— И я! — воскликнул другой.

— И я!

— Я вижу человека! — молвил дозорный с орлиным взором.

И снова вглядывались они, пока их напряженные глаза не залили слезы, и не заморгали они, и не увидели, как деревья поплыли вверх и вниз, а поля не закачались и не закружились в круговерти окружающего мира.

— Там какой-то муж, — взревел Конан.

— И верно муж, — крикнул сосед.

— Тащит на закорках человека, — добавил дозорный. — Это Железный Кайл несет на спине Вахлака! — простонал он.

— Вот свинтус! — процедил кто-то сквозь зубы.

— Дело дрянное! — всхлипнул сосед.

— Малодушный!

— Жирнобедрый!

— Развалина!

— Бестолочь!

— Боров! — воскликнул один воин и в сердцах забил кулаками по дереву.

Однако дозорный с орлиным взором все глядел и глядел, пока зрачки его не сузились и не сделались с булавочные головки и пока не перестал он быть человеком, а стал одним зрением.

— Погодите, — выдохнул он, — погодите-ка, пока я не пригляжусь еще на дюйм.

Все ждали, уже не глядя на ту едва заметную точку вдаль, а вперившись в дозорного, словно хотели проникнуть во взгляд его и смотреть им.

— Это Вахлак, — молвил дозорный. — Тащит что-то на спине, а за ним еще пыль.

— Ты уверен? — рявкнул Финн голосом, грохотавшим и раскатным, аки гром.

— Это Вахлак! — молвил дозорный. — А пыль позади него — это Кайл Железный, пытающийся его догнать.

Тогда фении издали ликующий рев, и каждый хватал своего соседа и лобызал его в обе щеки; и они сцепились руками вокруг Финна и пустились хороводом, гогоча облегченно в восторге, который возникает, только когда ранее был жуткий страх, а потом его зубастые челюсти убрались.

Глава VIII

Вахлак Дранный Плащ протопал, прошлепал и протрюхал в лагерь и был окружен толпой, которая восторгалась им и приветствовала со слезами на глазах.

— Муки! — завопил он. — Муки ради небесной любви!

И он орал: «Муки! Муки!» — пока все не замолкли.

Тогда Финн обратился к нему:

— Зачем же мука тебе, сердце мое?

— Запихать в глотку! — проревел Вахлак. — Для закоулков, щелей и глубоких глубин моего брюха. Муки, муки! — молил он.

Принесли муку.

Вахлак разложил свой плащ на землю, осторожно развязал его, и обнаружился запас обычной ежевики, раздавленной, помятой, искромсанной и на вид ужасной.

— Муки! — простонал он. — Муки!

Дали ему ее.

— А что там с гонкой, сердце мое? — поинтересовался Финн.

— Погоди, погоди, — крикнул Вахлак. — До смерти охота муки и ежевики.

В середку месива из ежевики высыпал он бочонок муки и перемешал все и так и этак, по кругу и вглубь, пока не поднялась ему до плеч бело-черная и красно-коричневая жижа. А затем начал он хапать, да подхватывать, да запихивать, и заталкивать это месиво себе в пасть, и между глотками вздыхал томно, а после каждого заглота зловонно рыгал.

И пока Финн с фениями глазели на Вахлака, словно ум потеряв, раздалось жужжание, словно вокруг них кружил шершень, или ца-

рица ос, или свирепый крутокрылый грифон, и, оглянувшись, увидели они Железного Кайла, что мчал на них бешено, выбрасывая ноги и мельтеша ими. В руке у него был меч, а на лице лишь ярость да свирепость.

Страх опустился на воинов, как ночь, и стояли они с подкосившимися коленами и опустив руки в ожидании смерти. Однако Вахлак зачерпнул своей лапищей липкую жижую и так метнул ее в Кайла, что голова его слетела с плеч и запрыгала по земле. Затем Вахлак подхватил эту голову и швырнул ее в тело с таким прицелом и с такой мощью, что часть шеи головы торкнулась в остатки шеи на теле, да и осталась там; и все бы ничего, ведь голова пристала обратно, да только приросла не той стороной. А после Вахлак измутил своего соперника по рукам и ногам.

— Ну, сердце мое, — молвил он. — Все еще требуешь дани и господства над Ирландией?

— Отпустите меня домой, — простонал Кайл. — Домой хочу!

— Поклянись солнцем и луной, что, если отпущу тебя домой, ты будешь постоянно и ежегодно присылать Финну дань с Фессалии.

— Клянусь, — молвил Кайл, — готов поклясться чем угодно, лишь бы домой вернуться.

Затем Вахлак поднял Кайла и усадил его на корабль. Потом приподнял свой огромный чебот и пнул судно так, что отлетело оно в море на семь лиг. На том и закончился поход Кайла Железного.

— Кто ты, господин? — спросил Финн Вахлака.

Прежде чем ответить, обрел Вахлак с виду величие и благодать.

— Я правитель сидов из Рат-Круахана¹, — молвил он.

Потом Финн Мак-Кул устроил празднество и застолье для этого веселого божества, и на этом история о сыне короля Фессалии и Вахлаке Драном Плаще заканчивается.

¹ *англ.* Rath Cruachan; *Круахан* — древний духовный центр на западе Ирландии; согласно легендам, именно там находился самый оживленный портал в потусторонний мир.

ЗАЧАРОВАННАЯ ПЕЩЕРА У КЕШ-КОРРАНА

Глава I

Финн Мак-Кул был самым благоразумным командующим войсками в мире, но он не всегда был благоразумен по отношению к себе. Следование порядку порой раздражало его, и тогда он использовал любую представившуюся возможность найти себе приключения; ибо он был не только воином, но и поэтом, то есть человеком знаний, и все странное и необычное тянуло его к себе непреодолимо. Он был таким воителем, что мог в одиночку вытащить фениев из любой дыры, в которую те попадали, но и таким завзятым поэтом, что все фении сообща едва ли могли бы вытащить его из пропастей, в которые он попадал. Он должен был оберегать фениев, однако и все фении должны были беречь своего предводителя от опасностей. Они не сетовали на это, ибо любили каждый волосок на голове Финна больше, чем собственных жен и детей, и это было разумно, ибо не было на свете человека, более достойного любви, чем Финн.

Голл Мак-Морна не признавал это на словах, но он показывал это всеми делами своими, ибо, хотя он никогда не упускал случая убить кого-нибудь из семьи Финна, при первом же зове Финна Голл рьяно спешил к нему на помощь, аки лев, глухо рыкающий ради подруги своей. И даже зова не требовалось, ибо Голл чувство-

вал сердцем своим, когда Финн был в опасности, и он оставлял брата Финна недобитым, чтобы лететь туда, где нужна была рука его. Конечно, никогда не получал он благодарности, потому что, хотя Финн и любил Голла, он ему не нравился; именно так Голл относился и к Финну.

Финн с Конаном Ругателем, а также собаками Браном и Школаном сидели во время охоты на пригорке у вершины Кеш-Коррана. Внизу и по всем сторонам фении выискивали звериные лежки в Легни и Брефни, обшаривали камни Глен-Даллана, продирались через орешник и буковые заросли Карбери, рыскали в лесах Кайл Конор и бродили по широкой равнине Ма-Конал.

Великий предводитель был счастлив: взгляд его останавливался на том, что любо было ему более всего: свет солнца погожим днем, трепет древесных крон, ясное небо и всякое дивное движение на земле; в его уши вливались восхитительные звуки: ярый лай собак, звонкие крики юношей, пронзительный свист, несущийся со всех сторон, и каждый из этих звуков говорил ему нечто об этой охоте. Слышен был поскок и бег оленей, хриплое рычание барсуков и гомон птиц, вынужденных лениво сниматься с насиженных мест.

Глава II

Правитель сидов из Кеш-Коррана, Конаран, сын Имиделя, тоже наблюдал за охотой, но Финн не видел его, потому что мы не можем видеть людей Дивноземья, пока не войдем в их царство, а Финн нынче не думал о нем. Финн был Конарану не по нраву, и, видя, что великий воин был нынче один, если не считать Конана и двух гончих — Брана и Школана, — он подумал, что пришло время подчинить Финна своей власти. Неведомо нам, что Финн сделал такого Конарану, но, должно быть, насолил он ему крепко, ибо правитель сидов в Кеш-Корране преисполнился радости, видя, что Финн для него столь близок, так незащищен и беспечен.

А у этого Конарана было четыре дочери. Он любил их и гордился ими, однако не найти было для этих четырех равных по уродству, дурному нраву и мерзкому характеру, сколь среди сидов ирландских и всей Ирландии ни ищи.

Волосы у них были черные, аки чернила, и жесткие, аки проволока; торчали они и дыбились, висли на головах их колтухами, и клоками, и спутанными клубками. Глаза их были мутны и красны. Рты черные, кривые, и в каждом — частокोल изогнутых желтых клыков. Длинные, тощие шеи их могли перекручиваться, как у куриц. Руки были длинными, тощими и жилистыми, а на конце каждого пальца — твердый, как рог, и острый, как шип, коготь. Тела их были покрыты щетиной, мехом и пухом, так что местами походили они на собак, местами на кошек, а местами опять-таки на кур. Под носом у них топорщились усы, а из ушей торчали за-

росли шерсти, так что, взглянув на них впервой, уже больше никогда не хотелось смотреть на них снова, а если уж и пришлось бы второй раз глянуть, то зрелище это, вероятно, стало бы смертоносным.

Звали их Кевог, Киллен и Иаран. Четвертой дочери, Иарнах¹, тогда промеж них не было, так что пока и говорить о ней нечего.

Подозвал Конаран к себе всех троих.

— Финн один, — молвил он. — Финн один, драгоценные мои.

— О! — сказала Кевог, и челюсть ее с хрустом дернулась и выперла вперед, как это обычно бывало у нее от удовольствия.

— Когда выпадает удача, хватай ее! — продолжил Конаран и улыбнулся злобно, угрюмо и недобро.

— Хорошо сказано, — молвила Киллен, и ее отвислая челюсть заходила вверх-вниз, ведь именно так она улыбалась.

— А вот она эта удача, — добавил ее отец.

— Шанс есть, — поддакнула Иаран и улыбнулась почти так же, как и ее сестры, только отвратительней, и нарост у нее на носу заходил из стороны в сторону и долго еще не мог успокоиться.

Затем все они залыбились, как приятно было их собственным взглядам, но зрелище то было бы смертельно опасно для постороннего.

— Но Финн нас видеть не может, — возразила Кевог, и брови ее насупились, подбородок вздернулся, а рот перекосило так, что рожа стала напоминать изрядно скукоженный орех.

— А на нас стоит взглянуть, — продолжила Киллен, и недовольство, бывшее на лице сестрицы ее, перекосило и исказило и ее рожу, только еще хуже.

— Это верно, — заняла Иаран, и рожу ее так скрючило, свело судорогой и сжало от уродливой злости, что даже сестры и отец ее удивились.

— Сейчас он нас не видит, — ответил Конаран, — но через мгновение узрит.

— То-то Финн обрадуется, когда заметит нас! — молвили три сестрицы.

¹ *англ.* Caevog, Cuillen, Iaran, Iarnach.

А потом они схватились за руки, и радостно заплясали вокруг отца, и спели песню, первая строчка которой была такой:

Финн считает, все в порядке. Но кто ж знает, когда рухнет небо вниз?

Многие люди из сидов выучили эту песенку и теперь распевают ее в самых разных случаях.

Глава III

Своей магией Конаран изменил зрение Финна, и также поступил он в отношении Конана.

Через несколько мгновений Финн поднялся со своего места на пригорке. Все вокруг него было как прежде, и он не ведал, что попал в Дивноземье. Походил немного вверх и вниз по холму. Затем как бы невзначай отошел от его покатого края и опешил, разинув рот и глядя прямо перед собой. Воскликнул:

— Иди сюда, Конан, дорогой мой.

Конан к нему подошел.

— Может, я грежу? — спросил Финн и вытянул перед собой палец.

— Если ты гредишь, — ответил Конан, — то и я тоже. Миг назад их не было здесь, — пробормотал он.

Финн глянул на небо и обнаружил, что оно все еще там. Осмотрелся по сторонам и увидел деревья Кайл-Конора, что качались вдалеке. Подставил ухо ветру и услышал крики охотников, взлай собак и звонкие посвисты, говорившее о ходе охоты.

«Ладно», — подумал Финн.

«Ничего же себе!» — подумал Конан.

И двое этих мужей уставились на склон холма, как будто смотрели на нечто столь прекрасное, что глаза отвесть было невозможно.

— Кто они? — спросил Финн.

— Что это? — перехватило дыхание у Конана.

Уставились снова.

Ибо на склоне холма возник большой проем, подобный двери, и в проеме том сидели и пряли дочери Конарана. Перед их пеще-

рой у них стояли три изогнутые ветки падуба, и они тянули с них пряжу. Однако на самом деле плели они чары.

— Пригожими их не назовешь, — заметил Конан.

— Назвать-то можно, — ответил Финн, — да будет то неправдой. — Толком их не рассмотрю, — посетовал Финн. — Скрываются за падубом.

— По мне так лучше на них и вовсе не смотреть, — проворчал его спутник.

Однако командир настаивал.

— Хочу убедиться — неужто впрямь они усаты?

— Усаты али нет, но лучше с ними дела не иметь, — посоветовал Конан.

— Давай не будем иметь с ними ничего общего.

— Не след страшиться ничего, — заявил Финн.

— Я не страшусь, — пояснил Конан. — Хочу лишь сохранить свое доброе мнение о женщинах, ведь коли эти трое — женщины, то уверен, что с этого мгновения я женщин невзлюблю.

— Давай же, сердце мое, — молвил Финн, — я должен выяснить, впрямь ли это усы.

Решительно двинулся Финн к пещере. Раздвинул ветки падуба и шагнул к дочерям Конарана, а Конан — за ним.

Глава IV

Как только прошли они мимо падуба, героев охватила странная слабость. Казалось, их кулаки налились свинцовой тяжестью и бессильно болтались, а ноги их стали легки, как солома, начали гнуться и подламываться; их шеи истончились и не могли ничего держать, так что головы их заболтались и закачались из стороны в сторону.

— Что тут не так? — сказал Конан, рухнув на землю.

— Все, — ответил Финн, упав рядом с ним.

А потом три сестры стянули героев всевозможными петлями, обмотками и узлами, которые только можно было представить.

— У них усы! — молвил Финн.

— Увы! — согласился Конан. — Нашел ты место усы разглядывать! — пробормотал он злобно. — Кому они сдались? — промычал он.

Однако Финн размышлял о другом.

— Как бы предупредить фениев не появляться здесь, — пробормотал он.

— Это невозможно, мой дорогой, — молвил Конан и так ухмыльнулся, что ухмылка та убила бы Финна, если бы тот вовремя не зажмурился.

Через мгновение он вновь пробормотал:

— Конан, дорогой мой, свистни предупредительно, чтобы фении держалась подальше от этого места.

Конан издал слабое «уа», похожее на звук, который издает спящий младенец.

— Каков жирдяй, —
молвила Киллен и покатила упитанного феня, аки колесо.

— Финн, — ответил Конан, — нет во мне свиста. Конец нам, — молвил он.

— Воистину конец! — сказала Киллен, и послала ему свою щетинистую, кривую и клыкастую улыбку, которая чуть не добила Конана.

К этому времени некоторые фении вернулись на холм, чтобы посмотреть, почему Бран и Школан так яростно лают. Увидели они пещеру и вошли в нее, но как только прошли мимо ветвей па-дуба, так силы их и покинули, и были схвачены они и связаны злобными ведьмами. Постепенно все фении вернулись на холм, и каждого из них влекло в пещеру, и каждый был повязан сестрицами.

Пришли Ошин, Оскар и Мак-Лугайд с нобилями клана Башкне, клана Коркоран и клана Смол; все они явились, и все были связаны.

Небывалое это было зрелище и великое дело — вязать фениев, и три сестрицы хохотали от радости, и страшно было то слышать, а видеть — смерти подобно. Когда мужи были схвачены, ведьмы утащили их в мрачные, таинственные провалы и черные, путаные лабиринты.

— Вот еще один! — воскликнула Кевог, таща за собой связанного героя.

— Каков жирдяй, — молвила Киллен и покатила упитанного фения, аки колесо.

— Вот, — сказала Иаран, — не мужчина, а любо! Такого можно и сожрать, — пробормотала она и облизнула губу, на которой волосы росли не только наружу, но и внутрь.

А связанный герой стонал в ее руках, потому что знал: и впрямь судьбой уготовано ему быть сожранным, но он предпочел бы упокоиться где угодно в земле, чем быть похороненным в пасти этой рожи. Но пока все о них.

Глава V

В пещере воцарилась тишина: лишь голоса ведьм и едва слышные стоны фениев, однако снаружи стоял жуткий шум, ибо все вернулись с охоты вместе с собаками, и, хотя мужчины пошли в пещеру, собаки не стали.

Они были слишком умны для этого.

Стояли снаружи, взъяренные и охваченные ужасом, ибо чуяли своих хозяев и нависшую над ними опасность, а может быть, они чуяли несущиеся из пещеры запахи, для них пока неведомые и зело тревожные.

От своры собак доносился такой брех и лай, рычание, вой, бурчание, визг, скулеж и рык, что и слов не найти. Время от времени какой-нибудь пес чуял среди тысячи запахов и запах своего хозяина; шерсть на холке у него вздыбливалась, словно свиная щетина, а вдоль позвоночника поднималась она зубчатым гребнем. Потом пес этот с налитыми кровью глазами, оскаленными клыками, с хрипом, рычанием и глухим ворчанием бросался к пещере, а потом останавливался и крался обратно, шерсть опущена, хвост поджат, глаза тревожно скошены в униженном извинении, и длинный визгливый стон скорби доносился от морды его.

Три сестрицы схватили свои каленые мечи с широкими желобами и изготовились поразить фениев, но, прежде чем сотворить это, они еще раз выглянули из пещеры, чтобы посмотреть, не остался ли там какой-нибудь припозднившийся и тем избегающий расправы воин, и впрямь увидели они, как один приближался к ним; Бран и Школан прыгали рядом с ним, в то время как все остальные псы начали рвать себе глотки лаем, скаля пасти, подвывая и вилая

Собаки стояли снаружи, взъяренные и охваченные ужасом, ибо чуяли своих хозяев и нависшую над ними опасность, а может быть, они чуяли несущиеся из пещеры запахи, для них пока неведомые и zelo тревожные

хвостами при виде рослого, доблестного и белозубого воина — Голла Мора Мак-Морна.

— Мы убьем его первым, — сказала Кевог.

— Этот особенный, — молвила Киллен.

— А каждая из нас троих справится с сотней, — заметила Иаран.

Три мерзкие, отвратные и возмутительные карги двинулись навстречу сыну Морны, и, когда Голл увидел эту троицу, выхватил он меч, поднял щит и десятью большими прыжками подскокил ближе.

Во время этой схватки замер весь мир. Ветер стих; облака встали; сам старый холм затаил дыхание; каждый воин внутри обратился в слух; псы расселись широким кругом вокруг сражающихся, головы набок, морды вперед, пасти приоткрыты, хвосты поджаты. Время от времени какой-нибудь пес тихонько подскуливал и клал зубами, но кроме того — ни звука, ни движения.

Долгий это был бой. Тяжкая и хитроумная битва, и Голл выиграл ее благодаря храбрости, умению и удаче; ибо одним верным взмахом меча разрубил он двух могучих бесовок на равные половинки, да так, что справа от него остались носы и усы меж ними, а слева — колени и ступни. И удар тот стал позже известен как один из трех знаменитых ударов мечом во всей Ирландии. Однако третьей карге удалось обойти Голла, и она вскочила ему на спину прыжком пантеры и вцепилась, повисла там, аки искусный многолапый паук. Но великий воин крутанул чреслами и дернул плечами, и она слетела с него, как мешок. Он поверг ее на землю, стянул ей руки ремнями щита и собирался уже нанести последний удар, но воззвала она к его чести и храбрости.

— Отдаю свою жизнь под твою защиту, — взмолилась она. — И если ты отпустишь меня, я сниму чары с фениев и ты вернешь их себе.

— Согласен на то, — молвил Голл и развязал ремни.

Карга выполнила, что обещала, и вскоре Финн и Ошин, Оскар и Конан были освобождены, а после и все прочие фении.

Глава VI

И каждый воин, выбираясь из пещеры, подпрыгивал и орал; вливался в него вселенский кураж, и казалось ему, что может он биться с двадцатью. Однако, пока они обсуждали случившееся и гадали, как все это вышло, гигантская фигура возникла на склоне холма и двинулась к ним. То была четвертая дочь Конарана.

Если на тех троих было ужасно смотреть, то вид этой был ужасней втрое. Были на ней железные доспехи, смертоносный меч на боку, а в лапе — шишковатая палица. Остолбенела она у тел сестриц своих, и горькие слезы потекли ей в бороду.

— Увы, мои милые, — молвила она, — я опоздала.

Затем свирепо глянула она на Финна.

— Требую битвы, — прорычала.

— Это твое право, — ответил Финн и обратился к сыну.

— Ошин, сердце мое, убей мне эту почтенную ведьму.

Однако единственный раз в жизни Ошин уклонился от схватки.

— Не могу, — сказал он, — чую, слишком слаб.

Финн был поражен.

— Оскар, — молвил он, — убьешь ли ты для меня эту могучую ведьму?

— Не справлюсь, — жалобно заикаясь, молвил он.

Конан тоже отказался, и Кельте Мак-Ронан, и Мак-Лугайд, ибо не было там мужа, которого не устрасил бы вид этой могучей и отважной карги.

Финн поднялся на ноги.

— Я сам приму этот бой, — сурово молвил он.

Выдвинул щит вперед и потянул руку к мечу. Однако при этом страшном зрелище кровь бросилась в лицо Голл Мак-Морна, и он вскочил с земли.

— Нет, нет! — воскликнул он. — Нет, душа моя, Финн, не подходящий для тебя этот бой. Я приму его.

— Ты уж достаточно сражался, Голл, — молвил предводитель.

— Должен закончить я начатую битву, — продолжил Голл, — ибо это я убил двух сестер этой отважной ведьмы и ко мне питает она злобу.

— Мне годится, — сказала ужасная дочь Конарана. — Сперва убью Голла Мак-Морну, потом Финна, а после и всех фениев.

— Давай, Голл, начинай, — молвил Финн, — благословляю тебя.

Тогда Голл двинул вперед для битвы, и ведьма ринулась на него с той же яростью. Разом небеса зазвенели от лязга мечей о щиты. Трудно было держать ужасающие удары этой великанши, ибо меч ее сверкал с быстротой молнии и крушил, словно грохочущая буря. Однако в том грохоте и вихре Голл напирал и рвался вперед, непоколебимый, как скала в море, и проворный, как зверь морской, и когда один из бойцов отступал, то была ведьма. С каждым ее шагом назад фении раздражались радостным ревом. Перекорежило морду карги, и снова рванулась она вперед, но натолкнулась на острие меча Голла; и прошел он сквозь нее, и в следующее мгновение Голл снес ей голову с плеч и поднял ее высоко перед фениями.

Когда фении возвращались домой, Финн заговорил со своим могучим защитником и недругом.

— Голл, — молвил он, — у меня есть дочь.

— Прелестная девушка, цветок зари, — ответил Голл.

— Подошла бы она тебе в супруги? — спросил предводитель.

— Она мне была бы мила, — ответил Голл.

— Она жена твоя, — заключил Финн.

Однако это не помешало Голлу позже убить брата Финна — Кайрела, и не помешало Финну еще позже прибить Голла, а это не помешало Голлу вызволить Финна из преисподней, когда фении были отправлены туда при новом Боге. И нет причин жаловаться или изумляться таким делам, ибо мир, в котором мы живем, един, где дают и отнимают, и нет в том большого вреда.

БЕЛОКОЖАЯ БЕКУМА

Глава I

Мир не один, их много, и непохожи они во многом друг на друга. Однако радость и печаль, или, другими словами, добро и зло, присутствуют в равной степени в каждом из миров, ибо везде, где есть жизнь, есть и действие, а действие есть не что иное, как выражение добра или зла.

За этой землей существует Дивноземье. За ним лежит Многоцветная Земля. Далее — Земля Чудес, а после нас ждет Земля Обещанная. Чтобы попасть в Дивноземье, нужно пересечь прах земной; чтобы достичь Многоцветной Земли надо пересечь воду; чтобы достигнуть Страны Чудес, следует преодолеть огонь, однако неизвестно, что надо пересечь для четвертого мира.

Это приключение Конна Ста Битв и его сына Арта произошло на пути воды, следовательно, он более понимал в магии, чем Финн, все приключения которого случались на пути праха и только в Дивноземье, Конн же был верховным королем и потому главным магом Ирландии.

В Многоцветной Земле был созван Совет для обсуждения случая с дочерью Огана Инвера, женщины по имени Бекума Кнайсгель — Бекумы Белокожей. Она сбежала от мужа своего Лабрайда и нашла убежище у Гадиара, одного из сыновей Мананна Мак-Лира, бога моря и, следовательно, правителя этой стихии.

Получалось, что брак этот был в двух разных мирах. В правилах о браке Дивноземья записано, что брак там во всех отношениях подобен земному браку и желание, которое побуждает к нему, представляется столь же сильным и переменчивым, как и у нас; однако в Многоцветной Земле брак лишь созерцание красоты, размышления и раздумья, для которых неведомы все грубые желанья, а дети рождаются у безгрешных родителей.

В мире сидов к проступку Бекумы отнеслись бы снисходительно, он не повлек бы за собой никакой кары или только малое наказание, но в другом мире за такое преступление следует тяжкое наказание, и возмездие за него неумолимо и сурово. Это может быть растворение огнем, что подразумевает разрушение такое бесповоротное, что даже помыслить страшно; или это может быть изгнание из этого мира в более низкий и дурной.

Такова оказалась и судьба Белокожей Бекумы.

Можно задаться вопросом, как, достигнув того мира, смогла она сохранить такую живую память о земле. Без сомнения, не годилась она для жизни в Многоцветной Земле, и следует опасаться, что она была сотворена слишком телесно даже для жизни в Дивноземье.

Она была женщиной земной, и изгнали ее на землю.

Ирландским сидам была отправлена весть, что этой женщине нельзя разрешать входить ни к кому из них; из чего следует, что указы для сидов исходят из высшего мира, а из этого вытекает, что управление землей возложено на сидов.

Таким образом, врата ее собственного мира и бесчисленные двери Дивноземья закрылись перед Бекумой, и была она вынуждена явиться в мир людей.

Однако, несмотря на ее ужасный проступок и тяжкое наказание, приятно было смотреть, какой мужественной она была. Когда ей объявили приговор, да не приговор, а сущую погибель, она

не зарыдала и не потратила время на скорбь. Направилась домой и облачилась в свой самый красивый наряд.

На ней была красная атласная накидка, а поверх нее — плащ из зеленого шелка с длинной вьющейся и блистающей золотой оторочкой, а на тонких и стройных стопах ее были легкие сандалии из светлой бронзы. Волосы у нее были длинные, мягкие, золотистые и пышные, словно летящая пена моря. Глаза ее были широкими и ясными, как вода, и серые, как грудь голубки. Зубы белые как снег и на удивление ровные. Губы тонкие и дивно изогнутые, красивые, алые, словно зимние ягоды, и соблазнительные, как плоды лета. Провожавшие ее люди с горечью говорили, что, когда покинет она их мир, не останется в нем больше красоты.

Села она в коракл¹, пустили его по заколдованным водам, и поплыла он вперед, мир за миром, пока не показалась земля и лодка ее не закачалась во время отлива близ скалы, у подножия Бен-Эдара.

И пока все о ней.

¹ Так называли маленькую округлую лодку, сделанную из прутьев, на которые натягивали кожу.

Глава II

Конн Ста Битв, Ард Ри из Ирландии, был в наихудшем настроении, какое только можно себе представить, потому что скончалась супруга его. Он был Ард Ри девять лет, и во время его правления урожай собирали трижды в году и всего было много и в избытке. Мало найдется правителей, которые могли бы похвастать более великими достижениями, чем он, однако ждала его большая беда.

Был он женат на Этне, дочери Брисланда Бинна, короля Норвегии, и вместе со всеми подданными своими любил он свою жену больше всего любимого на свете. Однако срок мужчине и женщине, королю или королеве, определен звездами, и никому не избежать Судьбы; и потому, когда пришло ее время, Этне умерла.

В Ирландии тогда было три огромных погоста: Бру на Бойн¹ в Ольстере, над которым богом и царем был Энгус Ог²; курган сидов в Круахан-Ай, где Этал Анбуал правит подземным миром Коннахта, и Тайлтин³ в Ройал-Мит. Именно в этом последнем, священном месте под своей властью Конн упокоил свою жену.

Похоронные торжества длились в течение девяти дней. Поэты и арфисты пели по ней свои песни, и над ее останками из камней сложили курган шириной в десять акров. Потом плачи прекратились, ритуальные игры подошли к концу; князя пяти провинций

¹ Бру на реке Бойн — комплекс из сорока могильных курганов в Ирландии в долине этой реки.

² В конце XIX и в начале XX в. Энгус Ог стал восприниматься как бог любви и поэтического вдохновения.

³ Ныне городок Телтаун в графстве Мит, он был назван в честь ирландской богини Tailtiu.

вернулись верхом или на колесницах в края свои; толпа плакальщиц разошлась, и подле огромного кургана остались лишь солнце, дремлющее над ним днем, грузные тучи, нависающие над ним ночью, и одинокий, предающийся воспоминаниям король.

Ибо почившая королева была так прекрасна, что Конн не мог ее позабыть; и так была она добра во всякий миг, что каждый миг не мог он не тосковать по ней; и более всего погружался он в воспоминания в палате Совета и в зале суда. Ибо была она также мудра, и без ее наставлений все трудные дела казались еще более трудными, и омрачали они каждый день его, отправляясь с ним до подушки ночью.

Беда правителя становится бедой его подданных, ибо как жить, если судилище не происходит, а озвученные решения ошибочны? Посему от горя короля вся Ирландия пребывала в горе, и всякий желал, чтобы он снова женился.

Такая мысль, однако, в голову ему не приходила, поскольку не мог он представить, как другая женщина может занять место, оставленное его королевой. Все более и более падал он духом и все менее был способен справляться с государственными делами, и однажды поручил он своему сыну Арту принять на себя управление во время своего отсутствия, а сам отправился в Бен-Эдар.

Ибо великое желание пришло к нему пройти вдоль моря, послушать рокот и грохот длинных серых волн; посмотреть на бесплодную, одинокую пустыню вод и позабыть, глядя на все это, что мог позабыть, а если не сможет, то вспомнить все, что помнить должно.

Так смотрел он и размышлял, и вот заметил он приближавшуюся к берегу лодку. Из челна вышла молодница и пошла к нему среди черных валунов и желтых пятен песка.

Глава III

Будучи королем, он имел право задавать вопросы. Поэтому Конн вопрошал ее обо всем, что мог измыслить, ибо не каждый день появляется из моря дама в плаще из зеленого шелка с золотой оторочкой, через проемы которого виднеется красный атласный халат. Она ответила на его вопросы, но всей правды ему не сказала; ибо, конечно, позволить себе этого не могла.

Ведала она, кто он таков, ибо сохранила некие силы, свойственные мирам, ей оставленным, глядя же на ее мягкие желтые волосы и тонкие алые губы, Конн полагал, как и все мужчины, что раз кто-то, красив, значит, и добр, и потому не стал об этом вопрошать, ведь рядом с хорошенькой женщиной все забывается, а очаровать можно и мага.

Она сказала Конну, что слава о его сыне Арте достигла даже Многоцветной Земли и что она в этого юношу влюблена. И это не казалось безрассудным тому, кто сам много путешествовал по Дивноземью и знал, что много людей того мира покидают свой край из-за любви к смертным.

— Как зовут тебя, моя славная леди? — спросил король.

— Меня зовут Дельвкам¹, я дочь Моргана, — ответила она.

— Наслышан я о Моргане, — сказал король. — Он могучий волшебник.

Во время того разговора разглядывал ее Конн со свободой, присутствующей лишь королю. В какой момент позабыл он о своей покойной супруге, то неизвестно, но несомненно, что в момент этот его ум уже не был отягощен дорогим для него, прекрасным воспоминанием. Когда снова заговорил он, в голосе его звучала печаль.

— Ты любишь моего сына!

— Кто же сможет избегнуть любви к нему? — пробормотала она.

— Когда женщина говорит мужчине о любви, которую испытывает к другому мужчине, нелюба она. И когда говорит она с мужчиной, — продолжил он, — у которого нет жены, о своей любви к другому, нелюба она.

— Не хотелось бы мне быть тебе нелюбой, — пробормотала Бекума.

— Тем не менее, — молвил он царственно, — не встану я между женщиной и ее выбором.

— Не ведала, что нет у тебя супруги, — сказала Бекума, хотя, конечно, знала.

— Теперь знаешь, — сурово ответил король.

— Что же мне делать? — спросила она. — Выйти замуж за тебя или за сына твоего?

— Выбор за тобой, — ответил Конн.

— Если позволяешь мне выбирать, значит, не слишком-то меня и хочешь, — молвила она с улыбкой.

— Тогда не позволю тебе выбирать! — воскликнул король. — И ты выйдешь замуж за меня.

¹ Дельвкам - Прекрасный облик.

Взял он ее руку и поцеловал.

— Прелестна эта бледная тонкая рука. Прекрасны и стройные стопы, что вижу я в изящных бронзовых туфлях, — молвил король.

Выждав пристойно, она продолжила:

— Не хотелось бы мне, чтобы сын твой был в Таре, когда я там; также не хочу встречаться с ним в течение года, чтобы забыть его и узнать тебя поближе.

— Не желаю изгонять своего сына! — запротестовал король.

— Не будет то истинным изгнанием, — ответила она. — Долг принца можно возложить на него, во время отлучки пусть пополнит он свои познания и об Ирландии, и о людях. К тому же, — продолжила она, потупив взор, — если вспомнишь ты причину, что привела меня сюда, поймешь, что его присутствие смущало б нас обоих, и вид ему мой будет неприятен, когда начнет он мать припоминать.

— Тем не менее, — упрямо молвил Конн, — я не хочу изгонять сына, неловко это и ни к чему.

— Только на год, — взмолилась она.

— И все же, — продолжил он задумчиво, — твои соображения разумны, я сделаю, что просишь, но слово даю и ручаюсь: мне это не по нраву.

Затем живо и радостно отправились они до дому и вскоре достигли Тары королей.

Глава IV

Часть воспитания королевича — умение хорошо играть в шахматы и постоянно упражнять свой ум, памятуя о суждениях, кои ему предстоит выносить, и о сложных путаных, хитросплетенных вопросах, которые затемняют потребные к решению дела и кои рассудить он обязан. Арт, сын Конна, сидел за шахматами с Кромдесом, магом своего отца.

— Будь очень осторожен с ходом, который собираешься сделать, — сказал Кромдес.

— Могу ли я быть осторожным? — спросил Арт. — Ход, о котором ты размышляешь, в моей ли он власти?

— Нет, — признал собеседник.

— Тогда мне не следует быть более осторожным, чем обычно, — ответил Арт и сделал свой ход.

— Это шаг изгнания, — сказал Кромдес.

— Поскольку себя я изгонять не собираюсь, то, полагаю, это сделает мой отец, хотя я не знаю, почему он должен так поступить.

— Не отец твой прогонит тебя.

— Тогда кто?

— Твоя мать.

— Моя мать умерла.

— У тебя есть новая, — молвил чародей.

— Вот это новость! — ответил Арт. — Не думаю, что полюблю свою новую мать.

— Полюбишь ее больше, чем она тебя, — сказал Кромдес, подразумевая под этим, что они возненавидят друг друга.

Пока они беседовали, король и Бекума вошли во дворец.

— Пойду-ка я поприветствую отца, — молвил юноша.

— Лучше подожди, пока он не пошлет за тобой, — посоветовал его спутник, и оба вернулись к игре.

В должное время от короля прибыл гонец, и он передал Арту немедленно покинуть Тару и уехать из Ирландии на целый год.

В ту же ночь он оставил Тару, и в течение года никто его в Ирландии больше не видел. Однако за это время дела ни у короля, ни у Ирландии не ладились. Раньше каждый год с полей обычно убирали по три урожая кукурузы, но во время отсутствия Арта в Ирландии не было ни кукурузы, ни молока. Вся земля голодала.

Тощие люди в каждом доме, тощий скот на каждом поле; на кустах не качались поспевшие ягоды или созревшие орехи; пчелы вылетали по-прежнему деловито, но каждый вечер возвращались утомленными, но пустопорожними, и, когда наступала пора медосбора, их ульи были пусты. Люди стали недоуменно поглядывать друг на друга, и между ними пошли мрачные разговоры, ибо знали они, что неурожай каким-то образом указывает на плохого владыку, и, хотя с этим предубеждением можно поспорить, слишком прочно засело оно в мудрости, чтобы отринуть его.

Поэты и маги собрались, чтобы обдумать, почему сие бедствие постигло страну, и своим искусством открыли они правду о супруге короля — что все дело в Бекуме Белокожей, и узнали они также причину ее изгнания из Многоцветной Земли, что лежит за морем, которое по ту сторону могил.

Они рассказали королю правду, но он и представить не мог разлуки со своей нежнорукой, златокудрой, тонкогубой и веселой чаровницей, и требовал он, чтобы измыслили они какой-нибудь способ, дабы сохранить свою жену и корону. Способ был, и маги рассказали о нем.

— Если удастся найти сына безгрешной четы и если его кровь смешается с землей Тары, порча и гибель покинут Ирландию, — молвили маги.

— Если есть такой мальчик, найду его, — воскликнул Конн Ста Битв.

Спустя год Арт вернулся в Тару. Его отец передал ему бразды правления Ирландией, а сам отправился в путь, дабы найти сына безгрешной пары, о которой сказали ему.

Глава V

Верховный правитель не знал, где именно ему искать такого спасителя, но был он учен и умел искать, что надобно. Это знание полезно тем, на кого бывает возложен подобный долг.

Отравился он к Бен-Эдару. Сел в коракл и оттолкнулся от берега на глубину, позволив лодочке плыть по ветру и волнам.

Так он странствовал среди маленьких морских островов, пока не потерял представление, куда плывет, и не отнесло его далеко в океан. Вели его звезды и светила небесные.

Он видел черных тюленей, которые тарасились на него, взлаивали и грациозно ныряли, изгибаясь, аки лук, и стрелой бросаясь вперед. Гигантские киты поднимались из зеленоватой бездны, вздымая из своих носов морскую волну высоко в воздух, и громopodobно били широченными плоскими хвостами по воде. Стаями и ватагами проплывали мимо с фырканьем морские свиньи. Скользили и поблескивали малюсенькие рыбки, и все диковинные твари из глубин поднимались к его зыбкому суденышку, кружили и уносились прочь.

Дикие штормы ревели над ним так, что лодчонка мучительно взбиралась к небу на волне высотой в милю, качалась там жут-

кий миг на ее гладком гребне, а потом бешено пущенным из пращи камнем мчалась вниз по ее стеклянному боку.

Или, вновь цапнутая гребнем вздыбившегося моря, продолжала лодчонка содрогаться и пятиться, а над его головой было только низкое сумрачное небо, а вокруг лишь плеск и рев серых волн, всегда одних и тех же, но никогда не схожих меж собой.

После долгого созерцания голодной пустоты воздуха и воды дивился он то на кожу, натянутую на его лодку, как на нечто неведомое, то разглядывал свои руки, их поверхность и жесткие черные волосы, росшие на костяшках пальцев и вокруг кольца, и все это находил он новым и удивительным.

Потом, когда дни бурь миновали, низкие серые тучи задрожали и расплзлись в тысячах мест, и каждый сумрачный островок помчался к краю небосклона, словно испуганный огромной ширью, и, когда они исчезали, он стал вглядываться в бескрайние просторы голубого неба, в бесконечность, в глубине которой застревал его взор, не в силах ни проникнуть в них, ни оторваться. Оттуда лучилось солнце, наполнявшее воздух сиянием, а море — тысячами искр, и, глядя на них, он вспоминал свой дом в Таре: сиявшие на солнце колонны из белой и желтой бронзы, сиявшие и радовавшие глаз крашенные белые, и красные, и желтые крыши его.

Плавая так, потеряв счет чередѣ дней и ночей, ветров и штилей, приплыл он наконец к некоему острову.

Он был у Конна за спиной, и задолго до того, как он его увидел, почуял и удивился; ибо сидел он словно оцепенев, размышляя об перемене, которая, казалось, произошла в его неизменном мире; и он долго не мог понять, что именно так изменило перемешанный с солью ветер и что его так взволновало. Но вдруг встретился он, и сердце его забило в неистовом предвосхищении.

— Это дух октября, — молвил он. — Я чую запах яблок.

Затем он обернулся и увидел остров, благоухающий яблонями, сладкий винными колодцами; и он прислушался к его берегам, и, хотя уши его были еще утомлены бесчисленными шумами моря, различали они щебет и наполнялись ими; ибо остров тот был как будто гнездилищем птиц, и пели они радостно, сладко и торжествующе.

Он причалил к этому дивному острову и пошел вперед под яблоневыми ветвями и пролетавшими над ним птицами, огибая благоухающие озера, вокруг которых рос священный орешник, с которого падали и плыли по воде орехи знания; и благословил он богов своего народа за землю, которая не колыхалась, и за глубоко укоренившиеся деревья, что не могли сняться или сдвинуться с места.

Глава VI

Преодолев некоторое расстояние таким приятным образом, увидал он добротный возведенный дом, дремлющий под солнечными лучами.

На нем была кровля из птичьих крыл, синих, желтых или белых, а в центре дома была хрустальная дверь на бронзовых столбах.

В нем жила королева того острова, Ригру¹, дочь Лодана и жена Дайре Дегамра. Она восседала на хрустальном троне рядом со своим сыном Сегдой², и учтиво они приветствовали верховного владыку.

В том дворце не было слуг; да и нужды в них не было. Верховный владыка обнаружил, что его руки были помыты сами собой, а когда после перед ним была поставлена еда, он также заметил, что появилась она без помощи слуг. На его плечи аккуратно был накинут плащ, и он был этому рад, поскольку его собственный был истрепан солнцем, ветром и водой и был недостойн взглядов благородной дамы.

Потом его пригласили трапезничать.

Тут заметил он, что яства подавались только ему, и сие было ему нелюбо, ибо есть в одиночестве противно гостеприимным обычаям короля, также это против и его завета с богами.

— Хорошо, хозяйева мои, — возразил он, — но для меня гейс³ трапезничать в одиночестве.

— Однако мы никогда не едим вместе, — ответила королева.

¹ *Ригру* — Большеглазка.

² *Сегдой* — Сладкаголосый

³ Слово *geis* (*geisa*) в ирландской мифологии и фольклоре представляет собой своеобразное табу (обязательство или запрет), похожее на клятву или заклинание.

— Я не могу нарушить свой обет, — сказал верховный король.
— Я поем с тобой, — согласился Сегда, — и таким образом ты, пока наш гость, не нарушишь свои обеты.

— И впрямь, — молвил Конн, — я буду тем чрезвычайно удовлетворен, ибо у меня полно проблем, с которыми должен справляться, и не хочу я новых, оскорбляя богов.

— В чем твои беды? — спросила кроткая королева.

— В течение года, — ответил Конн, — не было в Ирландии ни кукурузы, ни молока. Земля иссохла, деревья жухнут, не поют в Ирландии птицы, а пчелы не дают мед.

— И впрямь беды, — согласилась королева. — Однако, — продолжила она, — с какой целью ты прибыл на наш остров?

— Прибыл просить одолжить твоего сына.

— Одолжить сына?

— Было мне сказано, — объяснил Конн, — что, если сын безгрешной пары будет доставлен в Тару и омыт в водах Ирландии, земля будет избавлена от этих напастей.

Король этого острова, Дайре, до того ничего не сказавший, теперь заговорил с изумлением и страстью.

— Никому не одолжим мы нашего сына даже ради царства над целым миром, — молвил он.

Однако Сегда, заметив расстройство на лице гостя, вмешался:

— Нехорошо отказывать в том, о чем просит Ард Ри Ирландии; я отправлюсь с ним.

— Не уходи, сердце мое, — попросил отец.

— Не уходи, мое сокровище, — умоляла его мать.

— Я обязан, — ответил юноша, — ибо для добрых дел я призван, и никто не должен уклоняться от такого призвания.

— Тогда иди, — молвил отец его, — но я отдам тебя под защиту верховного короля и четырех правителей уделов Ирландии, а также под защиту Арта, сына Конна, и Финна, сына Кула, и под защиту магов, поэтов и людей искусства Ирландии.

И после связал он клятвой Ард Ри о тех защитах и охранах.

— Я отвечаю за эти защиты, — сказал Конн.

Затем он отплыл с острова с Сегдой; через три дня они достигли Ирландии и в свое время прибыли в Тару.

Глава VII

Добравшись до дворца, Конн созвал своих магов и поэтов на Совет и сообщил им, что нашел искомого юношу — сына беспорочной. Эти ученые люди посоветовались друг с другом и решили, что юношу нужно убить, а кровь его смешать с землей Тары и разбросать ее под иссохшими деревьями.

Услышав это, Сегда был поражен и возмущен, а затем, видя, что он один и нет у него надежды на помощь, впал в уныние и пребывал в ужасе за свою жизнь. Однако, памятуя о стражах, под которыми находился, он перечислил их собранию и призвал верховного правителя предоставить ему обещанную защиту.

Конн очень встревожился, однако, связанный обязательствами, поместил юношу под всевозможные защиты, в которых поклялся, и с отвагой того, кому больше нечего терять или приобретать, поместил Сегду под защиту всех мужей Ирландии.

Однако мужи Ирландии отказали ему в том, говоря, что, хотя Ард Ри и действовал справедливо по отношению к юноше, он несправедлив по отношению к Ирландии.

— Мы не желаем убивать этого королевича по собственной прихоти, — заявили они, — но ради безопасности Ирландии он должен быть убит.

Разделились они на разъяренные группы. Арт и Финн, сын Кула, и правители уделов были взбешены мыслью, что отданный под их защиту может пострадать от чьей-либо длани. Однако люди Ирландии и маги заявили, что король отправлялся в Дивноземье с особой целью и что его действия вне или вопреки этой цели незаконны и никого к повиновению не обязывают.

Спорили в зале Совета, на рыночной площади и на улицах Тары; одни считали, что честь нации растворяет и освобождает от всякой личной чести, другие то оспаривали, говоря, что нет ничего, кроме личной чести, и не превыше ее ни боги, ни даже сама Ирландия, ибо известно, что Ирландия — божество.

Споры такие продолжались, и Сегда, к которому обе стороны обращались с вкрадчивыми и учтивыми доводами, становился все более и более безутешным.

— Ты умрешь за Ирландию, милое сердце, — сказал один из них и трижды облобызал Сегду в щеки.

— На самом деле, — молвил Сегда, лобызая в ответ, — я обещал не умирать за Ирландию, а лишь искупаться в ее водах, избавляя от напастей.

— Но дорогое чадо и принц, — сказал другой, точно так же лобызая его, — если бы кто-нибудь из нас мог спасти Ирландию, умерев за нее, как радостно мы бы приняли смерть.

И Сегда, отвечая на его три поцелуя, согласился, что смерть благородна, но это не его случай.

А после, когда посмотрел он на изможденные лица окруживших его мужчин и женщин, ссохнувшихся от голода, решимость его улетучилась и он молвил:

— Думаю, должен умереть за вас, — а затем добавил: — Погибну за вас!

И когда молвил он это, все присутствующие коснулись губами его щеки, любовь и мир Ирландии вошли в его душу, спокоен он стал, горд и счастлив.

Палач обнажил свой широкий острый клинок, и все присутствующие закрыли глаза плащами, и тут вдруг громкий крик призвал палача погодить мгновение. Верховный правитель открыл глаза и увидел приближавшуюся женщину, что гнала перед собой корову.

— Зачем вы убиваете юнца? — спросила она.

Ей объяснили причину этой казни.

— Вы уверены, — спросила она, — что поэтам и магам действительно все известно?

— Разве нет? — спросил король.

— Действительно ли? — настаивала она. А потом обернулась к магам: — Пусть один маг из магов скажет мне, что спрятано в мешках, которые перекинуты через спину моей коровы.

Однако ни один маг не мог сказать этого; да они и не пытались.

— На вопросы так не отвечают, — молвили они. — В нашем искусстве есть и формулы, и вызывание духов, и длительные, сложные приготовления.

— Я неплохо понимаю в этом искусстве, — ответила женщина, — и утверждаю, что, если вы зарежете эту корову, результат будет тем же, как если бы вы убили юношу.

— Мы предпочли бы зарезать корову или даже тысячу коров, нежели причинять вред этому юному принцу, — молвил Конн, — но, если мы отпустим юнца, вернутся ли наши беды?

— Они не будут изгнаны, пока вы не изгоните их первопричину.

— И в чем же их первопричина?

— Бекума — первопричина, и она должна быть изгнана.

— Если уж взялась ты указывать мне, что делать, — молвил Конн, — скажите мне хотя бы, что совершить из того, что могу содействовать.

— Скажу непременно. Можешь удерживать Бекуму и свои напасты сколько угодно. Мне дела нет. Пойдем, сынок, — сказала она Сегде, потому что это была его мать, пришедшая спасти его; а затем эта безгрешная королева и ее сын вернулись в свой дивный дом, оставив короля, Финна, магов и нобилей Ирландии изумленными и пристыженными.

Глава VIII

Добрые и злые люди есть в этом и во всяком другом мире, и человек, который выходит из него, идет к добру или злу, которое ему привычно, а возвращаясь, обязательно получит причитающееся. Беда, обрушившаяся на Бекуму, не заставила ее покаяться, и эта милая дама начала творить зло столь же быстро и невинно, как начинает расти цветок. Именно она отвечала за беды, обрушившиеся на Ирландию, и можно лишь спросить, почему она принесла эти беды и засуху в край, который теперь был ее собственной землей.

За всеми злодеяниями скрывается тщеславие или уверенность, что мы лучше других и нам положено больше. Вероятно, как бы стойко ни приняла Бекума свою судьбу, была уязвлена она в своей гордыне, в личной силе, отстраненности и эгоизме, ведь разум в них уподобляет себя Богу и будет сопротивляться всякому владычеству, кроме своего собственного. Она была наказана, то есть подчинена контролю, но ее чувство свободы, особого положения и самого существования были оскорблены. Разум пытается ускользнуть даже от законов природы и тем паче от деспотизма себе подобных, ибо если кто-то может управлять мной, значит, он меня подчинил, стал мной, и как же ужасно кажусь я себе умаленным от такого прибитка!

Это чувство обособости — тщеславие, и оно основа всех дурных поступков. Ибо мы не свобода, мы контроль, и должны мы перво-наперво подчинить наши собственные действия, прежде чем сможем пустить их в дело. Даже бездумно предполагаем мы права других на все, что имеем, и если не делимся с ними своим

добром, то потому, что не можем, не имеем его; а если все же и делимся тем, чем имеем, то в дело идет и зло. Настаивать, чтобы другие люди разделяли наши мытарства, — первый шаг к тому, чтобы заставить их разделяли обретенную нами радость.

Бекума полагала, что раз она должна страдать, то все остальные, кого встречает она, тоже должны мучиться. Посему гневалась она на Ирландию, и в особенности на юного Арта, сына своего мужа, и сделала она все, чтобы сокрушить Ирландию и королевича. Возможно, чувствовала, что не может заставить их страдать, а это сводит с ума любую женщину. Или, быть может, она и впрямь желала сына, а не отца, и ее невоплощенное желание претворилось в ненависть. И это правда, что Арт относился к преемнице матери своей с сильной неприязнью, и то правда, что она яро отвечала ему тем же.

Однажды Бекума вышла на лужайку перед дворцом и, увидав, что Арт играет с Кромдесом в шахматы, подошла к столу, за которым шла игра, и некоторое время за ней наблюдала. Однако юный принц не обращал на нее никакого внимания, пока она стояла у доски, ибо знал, что эта дева — враг Ирландии, и не мог он даже заставить себя взглянуть на нее.

Бекума же, глядя на его красивую головку, улыбалась, полная злости, как и надменности.

— О сын короля, — молвила она, — желаю сыграть с тобой на пари.

Тогда Арт поднял голову и учтиво встал, но на нее не взглянул.

— Что бы ни повелела королева, я исполню, — ответил он.

— Разве я не мать тебе? — насмешливо ответила она, опускаясь на кресло, с которого соскочил главный маг.

Партия началась, и игра Бекумы была настолько искусной, что Арту было трудно противостоять ее действиям. Однако в какой-то момент Бекума задумалась и как бы по ошибке сделала ход, принесший победу ее сопернику. Однако того она и хотела. Сидела, прикусив губу своими белыми ровными зубками, и сердито глядела на Арта.

— Что ты от меня хочешь? — спросила.

— Повелеваю тебе не принимать пищи в Ирландии, пока ты не найдешь жезл Курои¹, сына Дайре.

Тогда Бекума накинула на себя плащ и пошла от Тары на север и на восток, пока не пришла к росистому сиявшему холму Энгу-са Ога в Ольстере, но там ее не приняли. Оттуда она отправилась к сидам, коими правил Огабал², и, хотя этот владыка не хотел принять ее, дочь его Анэ, которая была молочной сестрой Бекумы, впустила ее в Дивноземье.

Она поспрашивала и узнала, где находится крепость Курои Мак-Даре, и, получив это известие, отправилась в Слив-Миш³. Неважно, к каким хитростям прибегла она, уговорив Курои отдать свой жезл, достаточно того, что смогла она с триумфом вернуться в Тару. Отдавая жезл Арту, молвила:

— Требую отыгаться!

— Твое право, — молвил Арт; они уселись на лужайке перед дворцом и начали играть.

Трудной была та игра, и каждый из противников сидел порой по часу, уставившись на доску, прежде чем сделать следующий ход, а иной раз отрывали глаза от доски и часами смотрели в небо, как бы ища там совета. Однако молочная сестра Бекумы Анэ явилась из Дивноземья и, невидимая ни для кого, вмешивалась в игру Арта, так что, глянув на доску, сблелнул он, ибо увидел — игра проиграна.

— Я не двигал эту фигуру, — сказал он сурово.

— Я тоже, — заявила Бекума и призвала зевак это подтвердить.

При этом тайком улыбалась она, ибо видела, что взглядам смертных незримо.

— Думаю, эта партия за мной, — тихо заметила она.

— Думаю, твои друзья в Дивноземье смухлевали, — ответил он, — но партия твоя, если ты готова так побеждать.

¹ *Курои Мак-Дайре* — король Мюнстера в Ольстерском цикле ирландской мифологии.

² *Огабал* — из главных богов племен Дану, известен также как Эгабал, Эброн; фигурирует он и под другими именами.

³ *Слив-Миш* — горный массив Ирландии в восточной части полуострова Дингл, в графстве Керри.

— Повелеваю тебе, — сказала Бекума, — не принимать никакой пищи в Ирландии, пока не найдешь ты Дельвкам, дочь Моргана.

— Где же искать мне ее? — воскликнул в отчаянии Арт.

— Она на одном из морских островов, — ответила Бекума, — это все, что скажу тебе. — И глянула она на него злобно, радостно и довольно, ибо подумала, что он уже никогда не вернется из этого путешествия, и Морган о том позаботится.

Глава IX

Арт, как и отец его, отправился в Многоцветную Землю, но отплыл он из Инвер-Колпа¹, а не из Бен-Эдара.

Через определенное время пересек он суровые зеленые гребни морские и попал в зачарованные воды, где перебирался с острова на остров, выспрашивая у всех, как добраться до Дельвкам, дочери Моргана. Однако ни от кого никаких известий не добыл, пока не достиг острова, благоухающего дикими яблоками, полного ярких цветов, веселого гомона птиц и глубокого мягкого гудения пчел. На том острове он повстречал Креде, Истинно Прекрасную, и, когда они облобызались, сказал он ей, кто таков и с каким поручением прибыл.

— Мы ждали тебя, — сказала Креде, — но увы, бедняк, тебе предстоит трудный, долгий и сложный путь; ибо между тобой и дочерью Моргана море и земля, опасность и трудности.

— И все же я должен отправиться туда, — ответил он.

— Предстоит тебе пересечь буйный темный океан. Затем дремучий лес, где каждый шип на каждом дереве остер, как кончик копья, изогнут и цепок. Следует миновать глубокую пучину, — добавила она, — место безмолвного ужаса, полное безмозглых ядовитых монстров. Далее необъятный дубовый лес — мрачный, густой, шипастый, — место, где заблудишься, потеряешься и останешься навеки. Там обширная черная глушь, и в ней одинокий темный дом, где гуляет эхо, а в нем семь мрачных ведьм, которых уже предупредили о твоём появлении, и готовятся они бросить тебя в чан с расплавленным свинцом.

¹ Место впадения реки Колпа в устье реки Бойн.

— Не я выбираю путь сей, — сказал Арт, — нет у меня выбора, и должен я идти.

— Если минуешь ты этих ведьм, — продолжила она, — а их еще никто не миновал, встретишься с Айлилем Чернозубым, сыном Моргана Нежный Цветок, а кто сможет обойти того исполинского и свирепого бойца?

— Отыскать дочь Моргана нелегко, — печально заметил Арт.

— Нелегко, — с чувством ответил Креде, — но если последуешь совету моему...

— Так посоветуй, — перебил он, — ибо, по правде, никто так не нуждается в совете, как я.

— Я бы посоветовала тебе, — сказала вкрадчиво Креде, — не искать больше славную дочь Моргана, а остаться в этом месте, где все прелестное к твоим услугам.

— Но, но... — в изумлении воскликнул Арт.

— Разве не прелестна я, как дочь Моргана? — спросила она, и встала перед ним величественно и молитвенно, и глядела на него с властной нежностью.

— Готов поклясться, — ответил он, — ты милее и прекрасней всех под солнцем, но...

— А со мной, — молвила она, — ты забудешь Ирландию.

— Я связан словом, — воскликнул Арт, — я дал обет, и не забуду Ирландию, и не откажусь от нее ради всех царств Многоцветной Земли.

Креде больше не уговаривала его, но когда они расставались, прошептала:

— Во дворце Моргана две девушки, мои сестры. Они придут к тебе с чашами в каждой руке; одна чаша будет наполнена вином, а другая ядом. Испей из правой чаши, мой дорогой.

Арт шагнул в свою лодку, а она, заламывая руки, еще раз попыталась отговорить его от этого тоскливого странствия.

— Не оставляй меня, — взмолилась она. — Не бросай вызов опасностям. Вкруг дворца Моргана частокол из медных пик, и на вершине каждой скалится и сохнет голова человека. И есть только одна пика без головы, и именно твою голову жаждет эта пика. Не ходи туда, любовь моя.

— Я и вправду должен, — молвил он проникновенно.

— Есть еще одна опасность, — воскликнула она. — Остерегайся матери Дельвкам, Песьей Башки, дочери правителя Собачьих Голов. Остерегайся ее.

— На самом деле, — молвил Арт, — так много чего мне нужно стеречься, что ничего уж я не уstraшусь. Займусь своими делами, — обратился он к волнам, — и пусть эти твари, чудовища и племя Собачьих Голов занимаются своими.

Глава X

Двинулся он вперед на своей легкой лодочке и со временем понял, что миновал моря известные и плывет уже по валам широчайшим и бурным. В тех темно-зеленых валах распахивались на него чудовищные шерстистые пасти; и круглые, злые, окаймленные красным, выпученные глаза пиявили взглядом лодку. Гребень аспидно-черной воды, вздымаясь пеной, налетал на его борт, а за этим гребнем являлась гигантская бородавчатая морда, что рыгала и ревела. Однако вонзал он свое длинное копьё в этих мерзких тварей или вблизи кромсал их ударами кинжала.

Не избежал он ни одной из напастей, что были ему предсказаны. В темной густой дубраве угробил он семь ведьм и покончил с ними в расплавленном свинце, который они для него раскалили. Он вскарабкался на ледяную гору, холодное дыхание которой словно бы проникало в его тело и раскалывало внутри его кости, и на горе той, пока не освоился на льду, чрез каждый шаг вверх соскальзывал вниз на десять. Сердце его едва не остановилось, пока учился он карабкаться на тот смертоносный холм. В разветвленной лощине, куда соскользнул он к ночи, его окружили гигантские жабы, что плевались ядом; ледяными они были, как земля, их породившая, и были они холодны, мерзки и свирепы. В Слив-Саве столкнулся он с длинногривыми львами, что подстерегали всех зверей мира, и грозно рычали они, припав к своей добыче и хрустя поверженными костями. И набрел он на Айлиля Чернозубого, что сидел на мосту, перекинутом через поток, и угрюмый великан сей точил клыки о столп каменный. Арт же подобрался к нему незамеченным и сразил.

*В разветвленной лощине, куда соскользнул он к ночи,
его окружили гигантские жабы, что плевались ядом;
ледяными они были, как земля, их породившая, и были они холодны,
мерзки и свирепы*

Не случайно оказывались на его пути эти трудности и опасности. Эти препятствия и твари были измышлены Песьей Башкой, женой Моргана, ибо стало ей известно, что помрет она в тот день, когда посватаются к ее дочери. И посему ни одна из опасностей, с которыми столкнулся Арт, не была реальной, а были они лишь магическими химерами, наколдованными против него великой ведьмой.

Всем бросая вызов, всех побеждая, пришел Арт в срок к твердыне Моргана, место столь дивное, что после всех преодоленных невзгод, которые преодолел, почти заплакал он при виде такой красоты.

Дельвкаем знала, что явится он. Ждала его и тосковала по нему. Арт для нее был не только любовью, но и свободой, ибо бедняжка была пленницей в доме отца своего. На крыше дворца Моргана был воздвигнут огромный столп высотой в сто футов, а на вершине того столпа была устроена крошечная келья, и в ней Дельвкаем была пленницей.

Была она милей любой другой королевны в Многоцветной Земле. Мудрее всех других женщин того края, искусница в музыке, вышивке, целомудрии и во всем прочем, что должно уметь принцессе.

Хотя мать Дельвкаем желала Арту лишь зла, тем не менее относилась к нему с учтивостью, приличествующей королеве с одной стороны, и с другой — как и подобает относиться к сыну правителя Ирландии. Поэтому, когда Арт явился во дворец, его встретили и расцеловали, омыли, одели и накормили. Затем подошли к нему две молодки, державшие в каждой руке по кубку, и поднесли они ему королевский напиток, но, помня предостережение Креде, испил он только из правого кубка и так избежал яда. Затем его посетила мать Дельвкаем, Песья Башка, дочь короля Собачьих Голов и королева Моргана. Была она полностью облачена в доспехи и бросила вызов Арту сразиться с ней.

Была то страшная битва, ибо королеве были известны все его хитрости и приемы, и Арт непременно пал бы от руки ее, если бы дни ее не были сочтены, звезда ее не погасла, а время ее не ушло. Это ее голова покатила по земле, когда битва закончилась, и ее голова оскалилась и увяла на свободной пике, что оставила она для Арта.

Тогда Арт освободил Дельвкам из заточения на вершине столпа, и они обручились. Но едва обряд был завершен, как поступь одного человека заставила дворец содрогнуться, казалось, вздрогнул весь мир.

То Морган возвращался во дворец.

Угрюмый повелитель тоже вызвал Арта на бой, и в его честь Арт надел боевые доспехи, привезенные из Ирландии. На нем были нагрудник и золотой шлем, с плеч свисал плащ из синего атласа, левая рука держала рукоять пурпурного щита с могучими серебряными шишаками, а в другой руке держал он стальной меч с широкими желобками и синей рукоятью, который так часто звенел в битвах и сечах, в славных подвигах и учениях.

До сих пор испытания, через которые прошел Арт, казались столь великими, что навряд и прибавишь. Однако, если бы все эти испытания были собраны воедино, не сравнились бы они и с половиной неистовства и гибели его битвы с Морганом.

Ибо то, что не мог он сотворить оружием, Морган брал хитростью, и потому, пока Арт наносил ему удары или отбивал коварный удар, облик Моргана менялся на глазах, и чудовищный повелитель нападал на него в ином обличье и с новой стороны.

Благом было для сына Ард Ри, что любили его родные поэты и маги, ведь они научили его всему, что было известно об оборотнях и заклятиях.

Все это ему было надобно.

Порой, ибо оружие должно менять вместе с врагом, сшибались они лбами, аки два огромных оленя, и грохот их чудовищной сшибки прокатывался и висел в воздухе еще долго после того, как их лбы расходились в стороны. Потом, словно два льва, когтистых, рыкающих, жесткогривных, с красными глазами и со сверкающими острыми белыми клыками, грациозно кружили они друг вокруг друга, выискивая слабину. Потом, как два зеленых яростных морских вала с белыми гребнями, мощно вознесенными из бездны, сталкивались, бились и опадали, откатываясь друг от друга; и шум этих двух валов был подобен реву целого океана, когда завывание бури тонет в ярости волн длиной в лигу.

Однако раз время жены истекло, обречен и муж. Взывает к нему возлюбленная из иного уж места, и Морган отправился к своей королеве в мир, что следует за Многоцветной Землей, ведь победитель уже снес многомудрую голову Моргана с его великанских плеч.

Арт не стал мешкать в Многоцветном краю, ибо больше нечего было ему там искать. Собрал он то, что приглянулось ему из сокровищ того ужасного короля, и вместе с Дельвкаи сел в лодку.

Затем, направив свои мысли на Ирландию, устремились они туда как бы в мгновение ока.

Казалось, волны всего мира неслись мимо них одной гигантской зеленой стремниной. Рокот всех океанов прогремел в их ушах одним бесконечным мигом. В тот момент был один лишь беспредельный грохот и рев воды. А оттуда выплыли они в тишину, столь же бескрайнюю и нежданную, что показалась она им громоподобной в сравнении с яростью стихии, ими покинутой. Некоторое время переводили дух, глядя друг на друга, вцепившись друг в дружку, а иначе не только их жизни, но и самые души закрутило бы и унесло бурным переходом мира в мир; а затем, глянув вдаль, увидели они мелкие блестящие волны, взбивающие пену у скал Бен-Эдара, и благословили они силу, которая направляла и защищала их, и благословили они прекрасную землю Эйре.

Достигнув Тары, Дельвкаи, как более могущественная в искусстве и магии, приказала Бекуме удалиться, что та и сделала.

Оставила она короля. Вышла из круга советников и волхвов. Ни с кем не попрощалась. Не сказала «прощай» даже королю, когда отправилась в Бен-Эдар.

Куда она могла податься, не знал никто, ибо она была изгнана из Многоцветной Страны и вернуться туда не могла. Энгус От запретил ей въезд в Дивноземье, и не могла она оставаться в Ирландии. Отправилась в Сасану¹ и стала королевой в этой стране, и именно она взрастила гнев против Святой Земли, который не утихает и по сей день.

¹ Подразумевается Англия.

*Казалось, волны всего мира неслись мимо них
одной гигантской зеленой стремниной*

НАВАЖДЕНИЕ МОНГАНА

Глава I

Настоятель монастыря в Мовилле довел до сказителей Ирландии: пусть, оказавшись поблизости, заходят в монастырь, ибо желает он собрать и записать предания, коим грозит забвение.

— О них надобно рассказывать, — говорил он.

И особо хотел он собирать истории, повествующие о делах, совершенных до того, как Благое Слово пришло в Ирландию.

— Ибо, — говаривал он, — среди них есть дивные предания, и жаль будет, если люди после нас не узнают, что случилось давным-давно, и о деяниях их отцов.

И потому всякий раз, когда сказитель попадал в те края, его направляли в монастырь, и там его гостеприимно встречали, снабжая всем, что человеку нужно.

Короба с рукописями у настоятеля начали заполняться, он с гордостью и радостью взирал на это пополнение. По вечерам, когда дни становились короче и смеркалось рано, он просил достать какую-нибудь из этих рукописей и прочесть ее ему при свечах, дабы убедиться, что она так же хороша, как и была, по его суждению, при первом прослушивании.

Однажды в монастырь пришел сказитель, и, как и всех прочих, его радушно приняли и дали даже сверх потребного.

Он же сказал, что зовут его Кайрид¹ и он может рассказать историю, которой нет равной среди всех преданий Ирландии.

Глаза настоятеля разгорелись, когда он услышал это. Потер он руки и улыбнулся гостю.

— Как называется твоя история? — спросил он.

¹ *англ.* Cairide.

— Называют ее «Наваждение Монгана».

— Никогда раньше о такой не слышал! — радостно воскликнул настоятель.

— Я единственный, которому она известна, — ответил Кайрид.

— И как же так вышло? — спросил настоятель.

— Потому что это наше семейное предание, — ответил сказитель. — Когда Монган отправился в Дивноземье, был с ним Кайрид из нашего рода. И тот Кайрид выслушал это предание, когда оно было впервые поведано. Затем он рассказал его своему сыну, а его сын рассказал его своему сыну, и сын праправнука того сына рассказал его сыну своего сына, и он рассказал его моему отцу, а мой отец поведал его мне.

— А ты расскажешь его мне! — радостно воскликнул настоятель.

— Конечно, расскажу, — ответил Кайрид.

Затем принесли пергамент и перья. Писцы расселись за столами. Рядом со сказителем поставили эль, и он поведал свою историю настоятелю.

Глава II

Кайрид молвил:

— Супругой Монгана в то время была Бротирна, Пламенная дама. Она была страстной и неистовой, кровь внезапно приливала к ее щекам, и если ранее казалась она лилией, то глядь — и уже роза, поэтому и нарекли ее Пламенной. Монгана она любила пылко и самозабвенно, и за это люди также называли ее Пламенной.

Однако и в самых безумных ее порывах мог быть некий расчет, ибо если она и наслаждалась своей привязанностью, то и тяготилась ей, как и все, кто обожает великих мира сего и пытается стать им ровней там, где равенство невозможно.

Ибо ее супруг был одновременно и больше себя и меньше. Меньше, потому что нынче он был просто Монганом. А больше, поскольку был тем, кто давно исчез из мира людей. Были спеты по нему плачи, и похоронные игры по нему были сыграны много-много лет назад, но Бротирна подозревала в нем тайны, чувства и знания, в коих не было ей доли и коим она жадно завидовала.

Поэтому она постоянно задавала ему простые, незначительные вопросы по поводу разного рода вещей.

Взвешивала все, что говорил он по любому поводу, и, когда бормотал он во сне, слушала его грезы.

Сведения, которые она выбирала из этих слушаний, терзали ее в большей степени, чем удовлетворяли, ибо имена других женщин постоянно были на устах его; иногда выражения нежной любви, иногда с нотками гнева или отчаяния, и во сне говорил он за просто о людях, о коих вещали сказители и которые уж столетия как были мертвы. Поэтому была она сбита с толку и переполнялась безумным любопытством.

Среди имен, кои упоминал супруг ее, было одно, произносимое чаще других, томно, любовно и с тоской, и потому вспоминала она его более других; то было имя Дув Лаха. Хотя и расспрашивала Монгана о ней, и задавала наводящие вопросы Кайриду, сказителю своему, ничего не могла она выпытать о женщине, известной в прошлом как Черная Утка. Однако однажды ночью, когда, как показалось, Монган переговаривался с Дув Лахой, он упомянул ее отца Фиакну Дув Мак-Демейна¹, и сказитель заметил, что правитель сей скончался уж много лет назад.

Тогда прямо попросила она супруга своего поведать ей историю Дув Лахи, и под влиянием их обоюдной любви пообещал он ей рассказать ее когда-нибудь, но каждый раз, как напоминала она ему о его обещании, он смущался и говорил, что поведает об этом в другорядь.

Со временем несчастная Пламенная ревновала к Дув Лахе все больше и больше и все более и более уверялась, что, узнай она, что случилось с ней, получит она облегчение своему измученному сердцу и уймется ее совершенно понятное любопытство. Поэтому не упускала она ни единого случая напоминать Монгану о его обещании, и каждый раз он снова обещал, но все откладывал на потом.

¹ *англ.* Fiachnae mac Demháin; Фиакна Мак-Демейн был королем Улайда с 626 по 627 г.

Глава III

В год, когда умер Киаран, сын Плотника¹, в тот же год, когда был убит Туатал Маэлгарб², и в год, когда королем всей Ирландии стал Диармайт, сын Кербайла, короче говоря, в 538 году нашего времени, случился великий сход мужей Ирландии на холме Уснех³ в королевстве Миде.

Помимо состоявшегося Совета, были игры, турниры и великолепные построения войск, всеобщие пиры и увеселения. Сход длился неделю, и в последний день Монган прошел через толпу с семью охранниками, сказителем Кайридом и супругой.

Был чудный день, ярко сияло солнце, все развлекались, однако внезапно в небе на западе начали собираться тучи, а с востока налетели другие, сизые. Когда те тучи сошлись, свет ненадолго померк и с неба хлынул ливень из градин, да таких огромных, что каждый дивился их размерам, и так стремительно и сильно били они, что женщины и дети закричали от боли получаемых ударов.

Люди Монгана сомкнули щиты крышей, и градины били по щитам тем так ужасно, что даже под ними было боязно. Стали они двигаться от толпы в поисках убежища, а когда отошли немного, свернули за пригорок небольшого холма с рощей, и в мгновение ока погода прояснилась.

Минуту назад слышали они щелчки и стук градин, злобное завывание ветра, вопли женщин и крики толпы на холме Уснех, и вдруг вмиг не стало больше этих звуков и исчезли эти картины, ибо позволено было им проникнуть на один шаг в мир Дивноземья.

¹ Имеется в виду родившийся в Коннахте в семье плотника ирландский святой VI в. Киаран Клонмакнойский.

² *Туатал Маэлгарб* — верховный король Ирландии (534/536 — ок. 544).

³ *Холм Уснех, ирл.* Снос Uisnigh — один из сакральных центров Древней Ирландии.

Глава IV

Между этим миром и Дивноземьем есть разница, но она не сразу заметна. Все, что есть здесь, есть и там, но там оно лучше того, что здесь. Все, что ярко, там еще ярче. В солнце больше золота, а в луне того края больше серебра. В цветах больше аромата, в плодах больше вкуса. Мужчины более пригожи, а в женщинах больше нежности. Все в том волшебном мире лучше на одну дивную степень, и именно по этой превосходности можно узнать, что ты там, если когда-нибудь доведется там очутиться.

Монган с его спутниками шагнули из мира бури в солнечный и душистый мир. И, ступив туда, замерли, растерянные, глядя друг на друга молча и вопросительно, а затем разом обернулись, чтобы посмотреть, откуда пришли.

Бури за ними не было. Солнечный свет дремотно лился там, как и впереди спокойный поток живого золота. Видели они очертания края, привычного их взорам, и узнавали известные его приметы, но казалось им, что дальние холмы были немного выше, а зелень, которая их укрывала и протянулась промеж них, была зеленее и бархатистей; деревья же были с более пышными кронами, и более покойно склонялись они над умиротворенной землей.

Однако Монган сообразил, что случилось, и радостно улыбался он, глядя на своих изумленных товарищей, и вдыхал душистый воздух, как человек, чей нос помнил эти ароматы.

- Пойдемте-ка со мной, — молвил он.
- Где это мы? — спросила его супруга.
- Ну, мы здесь, — воскликнул Монган. — Где же нам еще быть?

Затем двинулся он вперед, остальные за ним, осторожно оглядываясь по сторонам, и каждый хватался за рукоять меча своего.

— Мы в Дивноземье? — спросила Пламенная.

— Там, — сказал Монган.

Пройдя немного, подошли они к роще вековых деревьев. У них были могучие, мощные кроны, и ствол каждого дерева не обхватить было и десятерым кряжистым мужам. По мере того как шли они промеж тех молчаливых великанов в пеструю тьму и тишину, мысли их становились глубже, а все раздумья возвышались, словно должны они были сравняться по величию и благородству с этими вековыми и достославными деревьями. Пройдя через рощу, увидели они перед собой красивый дом из теса и с бронзовой крышей; был он похож на царское жилище, а над окнами светлицы находился балкон. На этом балконе стояли дамы, и, увидав приближающихся путников, послали они гонцов поприветствовать их.

Монгана со спутниками провели в дом, и все возможное для них было устроено как для почетных гостей. Внутри дома все было так же красиво, как и снаружи, и обитали в нем семеро мужчин и семеро женщин, и, очевидно, Монгану эти люди были хорошо известны.

Вечером приготовили пир, а когда все хорошо поели, началось празднество. Подали семь бочонков с вином, а поскольку Монган любил вино, он был счастлив и выпил в тот раз больше, чем кто-либо ранее замечал за ним.

И когда он был в том радостном и возвышенном настроении, Пламенная обняла Монгана за шею и стала умолять, чтобы он поведал ей историю Дув Лахи, а он, находясь в дивном и оживленном расположении духа, согласился на ее просьбу и приготовился рассказывать.

Тогда семеро мужчин и семеро женщин во дворце Дивноземья расселись полукругом; семь стражников Монгана сели позади них; супруга его, Пламенная, присела рядом с ними; а чуть в глубине сел сказитель Кайрид, и слушал он во все уши, запоминая каждое произнесенное слово.

Глава V

Молвил Монган:

— В дни давно минувшие и во времена, ушедшие навеки, жил некий Фиахна Финн, сын Балтана, сына Мурхертаха, сына Мурдаха, сына Огана, сына Нейла. Он покинул свой край, когда был молод, ибо желал увидеть земли Лохланна, и знал, что примет его правитель той страны, ибо отец Фиахны и отец Олгарга¹ вершили подвиги и были обязаны друг другу.

Фиахну радушно приняли, и остался он при дворе, зажив легко и благостно.

И так случилось, что Олгарг Мор заболел и доктора не могли его вылечить. Они послали за другими врачами, но и они не смогли его исцелить, и никто не мог сказать, отчего он страдает, и было лишь видно, что чахнет он на глазах и непременно сделается лишь тенью и растает в воздухе, если не будет исцелен и не откормлен, став вновь зримым.

Послали тогда за лекарями дальними, а потом и за другими, живущими в еще более дальних краях, и наконец нашли человека, утверждавшего, что сможет сотворить он лекарство, если правитель добудет потребное снадобье.

— И что это за снадобье? — спросили все.

— А вот какое, — ответил лекарь. — Найдите безупречно белую корову с красными ушами и сварите ее целиком, и если король выпьет тот отвар, то исцелится.

И не успел он как следует договорить, полетели из дворца гонцы по всем сторонам в поисках такой коровы. Отыскивали они мно-

¹ Имеется в виду правитель Лохланна Олгарг Мор (Eolgarg Mor).

го коров, которые были почти такими, как надобно было, и лишь случайно наткнулись на корову, которая подошла полностью, и скотинка эта принадлежала самой печально знаменитой, злобной и сварливой женщине в Лохланне — Черной Карге. И не только тем она была знаменита, о чем говорено, но была еще и усатой, бородавчатой, одноглазой, уродливой и буйной, но и по многим другим статьям печально известной.

Предложили ей корову вместо ее собственной, но она отказалась. Затем предложили ей по корове за каждую ногу ее коровы, и она приняла это при условии, что Фиахна поручится за оплату. Тот согласился, и корову угнали.

На обратном пути встретились ему гонцы с вестями из Ирландии. Сказали, что король Ольстера умер и что он, Фиахна Финн, был избран правителем вместо скончавшегося короля. Финн сразу же отправился в Ирландию и убедился, что все ему сказанное правда, и он взял на себя правление Ольстером.

*Затем предложили ей по корове за каждую ногу ее коровы,
и она приняла это при условии, что Фиакна поручится за оплату*

Глава VI

Прошел год, и однажды, когда Фиахна сидел в суде, снаружи раздался страшный шум, и был он таким неумолчным, что люди и сутяжные возмутились, а Фиахна повелел наконец привести к нему того дебошира на судилище.

Так и сделали, и, к его удивлению, этим буяном оказалась Черная Карга.

Она обвинила его на судилище перед народом, пожаловавшись, что корову ее он увел, а четырех обещанных за нее, в чем поручился, она не получила, и требовала она суда и справедливости.

— Если ты сочтешь это справедливым, я дам тебе двадцать своих коров, — сказал Фиахна.

— Не взяла бы я и всех коров Ольстера! — заорала она.

— Присуди тогда сама, — молвил правитель, — и если смогу сделать то, что ты потребуешь, то исполню.

Ведь не хотел он быть неправым и не желал, чтобы у кого-либо были к нему неудовлетворенные жалобы.

Тогда Черная Карга объявила решение, кое король должен был исполнить.

— Я прошла, — сказала она, — с востока на запад; ты же должен пройти с запада на восток и сразиться за меня, отомстив королю Лохланна.

Фиахна обязан был сделать, что она потребовала, и через три дня, и, скрепя сердце отправился он в Лохланн, прихватив с собой десять отрядов.

Он отправил вперед гонцов к Большому Олгаргу, предупредив его о своем прибытии, о своих намерениях и о числе воинов, кото-

рое он ведет; и когда он явился, Олгарг встретил его с равными силами, и сшиблись они.

В первой битве полегло триста воинов Лохланна, однако в следующей схватке Олгарг Мор сражался нечестно, ибо выпустил из шатра ядовитых овец, и напали они на ольстерцев, и убили девятьсот из них.

Так огромна была бойня, учиненная этими овцами, и так велик был ужас, который они посеяли, что никто не мог устоять перед ними, но по счастливой случайности рядом был лес, и ольстерцам — воинам, князьям и возничим — пришлось взобраться на деревья, и они расселись посреди ветвей, аки большие птицы, в то время как ядовитые овцы рыскали внизу, жутко бляя и копытя землю.

Фиакна Финн тоже сидел на дереве, высоко-высоко, и был он безутешен.

— Мы опозорены, — молвил он.

— Повезло еще, — заметил мужчина на ветке ниже, — что овцы не могут лазать по деревьям.

— Опозорены навеки, — посетовал правитель Ольстера.

— Если эти овцы научатся лазать, нам точно конец, — молвил человек снизу.

— Я пойду и буду биться с этими овцами, — сказал Фиакна.

Однако прочие не пустили короля.

— Негоже, — сказали они, — сражаться тебе с овцами.

— Кто-то же должен сразиться с ними, — молвил Фиакна Финн, — и никто из моих людей не умрет, пока я сам сражаюсь, и, если суждено мне погибнуть, я умру, и не избегнуть мне этого, а если суждено умереть овцам, то погибнут они; ибо ни один человек не может избегнуть судьбы, и ни одна овца не может увернуться от нее.

— Слава всевышним! — молвил воин, стоявший выше.

— Воистину! — ответил муж, который был еще выше, а остальные воины пожелали владыке удачи.

Затем Фиакна скрепя сердце начал спускаться с дерева, но, пока он висел на последней ветке и собирался уже отпустить ее, заметил он идущего к нему рослого воина. Владыка снова взобрался на ветку и сел, свесив ноги, чтобы посмотреть, что этот воин будет делать.

Чужак оказался высоченным мужем, облаченным в зеленый плащ с серебряной застежкой на плече. Вкруг волос золотой обруч, на ногах золотые сандалии, и смеялся он от души над тяжким положением ирландцев.

Глава VII

— Нехорошо с твоей стороны смеяться над нами, — сказал Фиахна Финн.

— Кто же не посмеется над королем, примостившимся на ветке, и его армией, устроившейся вокруг него, словно куры? — ответил незнакомец.

— Тем не менее, — молвил король, — было бы учтиво с твоей стороны не смеяться над несчастьем.

— Мы смеемся, когда можем, — заметил незнакомец, — и благодарны за эту возможность.

— Ты мог бы вскарабкаться на дерево, — сказал Фиахна, — ибо вижу, ты человек воспитанный, и я вижу, что несколько ядовитых овец бросились в нашем направлении. Предпочту защищать тебя, — продолжил он, — чем видеть, как убьют тебя; ибо, — добавил он грустно, — я уже спускался, чтобы сразиться с овцами.

— Они не причинят мне вреда, — сказал незнакомец.

— Кто ты? — спросил король.

— Мананн, сын Лира.

Тут Фиахна понял, что незнакомец пострадать не может.

— Что ты дашь мне, если я избавлю тебя от овец? — спросил Мананн.

— Дам тебе все, что попросишь, если будет то у меня.

— Прошу власть твоей короны и царство на один день.

Фиакна задохнулся от этой просьбы, немного повременил, чтобы прийти в себя, а потом мягко ответил:

— Не позволю погибнуть ни одному ирландцу, если смогу спасти его. Все, что есть у меня, дают они мне, и все, что есть у меня, я даю им, и если должен дать и это, то дам, хотя мне было бы легче расстаться с жизнью своей.

— Договорились, — сказал Мананн.

У него было что-то завернуто в складках плаща, и он развернул и достал это.

То был пес.

И если овцы и были смертоносными, то этот пес был еще смертоносней, ибо жутко на него было взирать. Телом был невелик, а башка огромная, и пасть на этой башке откидывалась, словно крышка горшка. У башки той были не зубы, а крюки, клыки и штыри. Жутко было глядеть на ту пасть, страшно заглядывать, даже думать боязно; а из нее иль из широченного губчатого носа, что подрагивал над ней, рвался звук, который нельзя было описать словами, ибо был это не рык и не вой, а то и другое вместе; не хрип и не визг, а то и другое; не взлай и не скулеж, а то и другое, — ибо был это звук единый, составленный из всех этих звуков, и были в нем еще и визг, и тявканье, и протяжный хрип, и глубокое бульканье, и звук, похожий на визг ржавых петель, и еще много других звуков.

— Слава богам! — сказал человек, стоявший на ветке над королем.

— В чем дело на сей раз? — спросил король.

— Хорошо, что этот пес не лазает по деревьям, — ответил сей муж.

А человек на ветке над ним простонал:

— Воистину!

— Ничто так не пугает овец, как собака, — молвил Мананн, — и ничто не испугает этих овец, как пес сей.

Затем он спустил пса на землю.

— Песик, драгоценный, — сказал он, — беги зарежь овец.

И когда молвил он это, пес взвыл еще пуще, так что ирландцы заткнули уши пальцами, закатили глаза и чуть не попадали с ветвей своих от ужаса и испуга, который вселил в них этот вой.

Пес не стал медлить с выполнением приказа. Сначала он двинулся вперед медленно, вразвалку, а когда ядовитые овцы поскакали на него, он разом рванулся им навстречу и вскоре полетел так быстро, что видна была только башка его и броски. Обращался с овцами так: налетал на каждую и резал, ни разу не промахнувшись; один прыжок — один удар. Вцепившись, крутился как на петлях. Начиналось то кручение с укуса, потом вылетал с мясом клоч, и овца уже билась при смерти. Через десяти мгновений все овцы лежали на земле, из каждой был вырван шмат, и все они были мертвы.

— Теперь можешь спускаться, — сказал Мананн.

— Пес сей не лазает по деревьям, — убеждающе молвил воин на ветке над королем.

— Хвала богам! — воскликнул сидевший над ним.

— Воистину! — сказал воин, сидевший еще выше.

А муж на соседнем дереве добавил:

— Не шевелите ни рукой, ни ногой, пока пес этот не подавится мертвечиной.

Однако пес не проглотил ни кусочка. Он подбежал к своему хозяину, а Мананн подхватил его и завернул в свой плащ.

— Теперь можете спускаться, — молвил он.

— Хотелось бы, чтобы издох этот пес! — сказал король.

Однако он все же спрыгнул с дерева, потому что не хотел показать испуг свой перед Мананном.

— Теперь можешь идти и сражаться с людьми Лохланна, — молвил Мананн. — И ты воцаришься над Лохланна до темноты.

— Я не против, — ответил король.

— Это не пустые слова, — молвил Мананн.

Затем сын Лира развернулся и пошел в сторону Ирландии вступить в свои права на день, а Фиахна продолжил биться с лохланнами.

Он победил их до наступления темноты и благодаря этой победе стал правителем Лохланна, королем саксов и бриттов.

Он передал Черной Карге семь замков с их землями и еще по сотне голов скота всех пород. Карга была довольна.

Затем Фиахна вернулся в Ирландию, и по прошествии некоторого времени жена родила ему сына.

Глава VIII

Ты не сказал мне ни слова о Дув Лахе, — упрекнула Пламенная.
— Подвожу к этому, — ответил Монган.

Указал он на один из больших чанов, и ему принесли вина, и он выпил его с таким удовольствием и так много, что все дивились его жажде, бездонности и его веселому настроению.

— Начну-ка теперь сызнова, — молвил Монган. — Во дворце Фиахны Финна был слуга, звали его Ан Дав, и в ту же ночь, когда жена Фиахна родила сына, жена Ан Дава также родила сына. Этого младенца называли Мак ан Дав, а сына супруги Фиахны называли Монганом.

— Ох! — пробормотала Пламенная.

Королева разгневалась. Она сказала, что несправедливо и самонадеянно служанке рожать ребенка в то же время, что и королева, но тут уж ничего не поделаешь, и раз ребенок появился, его никуда не денешь.

Теперь надобно поведать следующее.

Жил по соседству королевич по имени Фиахна Дув, и был он правителем Дал-Фиатаха. Давно он враждовал и свирепо боролся с Фиахной Финном, и у этого Фиахны Дува в ту же ночь родилась дочка, и называли эту девочку Дув Лаха Белая Ручка.

— Ах! — воскликнула Пламенная.

— Вот видишь! — молвил Монган и снова весело хлебнул дивного вина.

Дабы положить конец ссоре между Фиахной Финном и Фиахной Дувом, младенцы эти были обручены друг с другом прямо в колыбели на следующий день после их рождения, и мужи Ирландии радовались тому поступку и этой новости. Однако вскоре

на их землю пришли уныние и скорбь, ибо, когда малышу Монгану было всего три дня, посреди дворца возник его истинный отец, сын Лира Мананн. Он завернул Монгана в свой зеленый плащ и унес его растить и воспитывать в Землю Обещанную, что за морем, по ту сторону могил.

Когда Фиахна Дув услышал, что обрученный с его дочерью Дув Лахой Монган пропал, счел он, что его договору о мире конец, и он неожиданно вторгся и напал на дворец. И в том сражении убил он Фиахну Финна и был коронован как правитель Ольстера.

Ольстерцы невзлюбили его и умоляли Мананна вернуть Монгана, но Мананн не согласился, и он не делал этого, пока Монгану не исполнилось шестнадцать лет и не был он воспитан в мудрости Земли Обещанной. Только тогда вернул он Монгана, и так между Монганом и Фиахной Дувом был заключен мир, и Монган женился на своей сговоренной с колыбели невесте, юнице Дув Лахе.

Глава IX

Однажды Монган и Дув Лаха играли в шахматы у себя во дворце. Монган только что сделал искусный ход, и поднял взгляд от доски, чтобы посмотреть, не будет ли Дув Лаха сердиться, ведь на то у нее основания были. И тут он увидел за плечом Дув Лахи маленького темнолицего, заросшего церковника, прислонившегося к деревянному столбу внутри помещения.

— Что ты здесь делаешь? — поинтересовался Монган.

— А сам-то что ты тут делаешь? — отозвался маленький темнолицый церковник.

— Ну я-то имею право жить в собственном доме, — ответил Монган.

— А я с тобой не согласен, — молвил церковник.

— Где же мне тогда быть? — удивился Монган.

— Ты должен быть в Дал-Фиатахе и мстить за убийство своего отца, — ответил священник, — и тебе должно быть стыдно, что не сделал ты этого давным-давно. Играй в шахматы с супругой, когда завоюешь право развлекаться.

— Как же я могу убить отца своей жены? — воскликнул Монган.

— Возьмись за это дело немедленно, — сказал клирик.

— Да что ты такое говоришь! — молвил Монган.

— Я знаю, — продолжил церковник, — что Дув Лаха не согласится ни с одним словом, которое я скажу по этому поводу, и что она попытается помешать тебе сделать то, на что ты право имеешь, ибо это дело жены, дело же мужа — совершить то, о чем я тебе только что говорил; потому иди со мной прямо сейчас, не медли, не разду-

мывай и не играй больше в шахматы. Рядом с Фиахной Дувом нынче лишь небольшой отряд, и мы можем сжечь его дворец, как он спалил дворец твоего отца, и убить его, как он убил твоего отца, и коронуют тебя по праву владыкой Ольстера, ведь он короновал себя несправедно.

— Сдается мне, пререкаешь ты удачу, мой темнолицый друг, — молвил Монган, — пойду я с тобой.

И собрал он тогда войска свои, сжег крепость Фиахны Дува, и убил его, и был коронован как владыка Ольстера.

И тогда впервые почувствовал он себя безопасно и свободно, чтобы играть в шахматы. Однако позже узнал он, что тот темнолицый, заросший человек был его отцом Мананном, и то было правдой.

Некоторые, однако, утверждают, что Фиахна Темный был убит в 624 году повелителем шотландской Дал-Риады Кондадом Керром в битве при Ард-Каранне; но люди, которые так говорят, сами не знают, о чем болтают, им самим все равно, что они мелют.

Глава X

— **Н**ечему восхищаться в этой Дув Лахе, — презрительно заметила Пламенная. — Она вышла замуж и проиграла в шахматы. Такое бывало и ранее.

— Давайте продолжим, — сказал Монган, сделал несколько дюжин объемистых глотков вина и стал еще веселее, чем прежде.

Затем он возобновил свой рассказ:

— Это случилось в день, когда Монгану понадобились сокровища. Надобно ему было совершить множество даров, а золота, серебра и скота у него было не так много, как подобает королю. Тогда он созвал свою знать и обсудил, как лучше всего следует поступить, и было решено, что он должен посетить уездных владык и взять с них дань.

Он сразу же начал наведываться с визитами, и первой землей, которую он посетил, был Лейнстер.

Правителем Лейнстера был в то время Брандуб, сын Эхаха¹. Он приветствовал Монгана, учтиво с ним обращался, и в ту ночь Монган спал в его чертогах.

Проснувшись утром, он выглянул в высокое окно и увидел на солнечной лужайке перед дворцом стадо коров. Всего было их пятьдесят, ведь он счел их, и рядом с каждой коровой был теленок, и каждая корова и каждый теленок были снежно-белыми, и у всех были рыжие уши.

Когда Монган увидел этих коров, он полюбил их так, как никогда раньше ничего не любил.

¹ *Брандуб Мак-Эхах* (Brandub mac Echach) — король Лейнстера; один из персонажей Королевского цикла ирландских саг.

Он оторвался от окна, спустился и прошелся по залитой солнцем лужайке среди коров, и смотрел он на каждую и всем говорил ласковые и добрые слова; и пока он так шел и говорил, засматривался и любовался, заметил: кто-то идет рядом с ним. Оторвался он от коров и увидел подле себя правителя Лейнстера.

— Влюбился в коров? — спросил его Брандуб.

— Еще бы, — ответил Монган.

— Все влюбляются, — заметил король Лейнстера.

— Никогда не видел подобных, — молвил Монган.

— Ни у кого таких нет, — заметил правитель Лейнстера.

— Никогда не видел ничего, что хотелось бы мне иметь так же, как этих коров, — молвил Монган.

— Они самые красивые в Ирландии, — ответил правитель Лейнстера, — а Дув Лаха, — заметил он задумчиво, — в Ирландии самая красивая женщина.

— Нет кривды в том, что ты говоришь, — сказал Монган.

— Разве не забавно, — молвил король Лейнстера. — У меня есть то, чего жаждешь ты всей душой, а у тебя — то, чего хочу я всем сердцем.

— Забавно, — согласился Монган, — но чего же ты хочешь?

— Дув Лаху, конечно, — ответил правитель Лейнстера.

— Хочешь сказать... — молвил Монган, — что обменяешь это стадо из пятидесяти снежно-белых коров с рыжими ушами...

— И пятьдесят телят в придачу... — добавил правитель Лейнстера.

— На Дув Лаху и ни на какую другую женщину в мире?

— Хочу! — воскликнул правитель Лейнстера, стукнув себя при этом по колену.

— Дело! — проревел Монган, и два правителя пожали друг другу руки.

Монган призвал кое-кого из своих людей, и, прежде чем пошли пересуды и никто не передумал, он поставил этих людей позади стада и отправился с ними домой, в Ольстер.

Глава XI

Дув Лаха хотела знать, откуда взялись коровы, и Монган сказал ей, что их дал ему правитель Лейнстера. Как и Монган, она влюбилась в этих коров, ведь никто на свете не мог их не полюбить. Что это были за коровы! Просто чудо! Монган и Дув Лаха, по обычаю, играли в шахматы, а потом они вместе выходили посмотреть на коров, а следом говорили друг с другом об этих коровах. Ведь все, что делали, они совершали вместе, ибо любо было им друг с другом.

Однако пришла перемена.

Однажды утром во дворце раздался сильный гомон, топот лошадей и лязг доспехов. Монган выглянул из окна.

— Кто идет? — спросила Дув Лаха.

Однако он ей не ответил.

— Этаким гвалт должен возвещать о визите короля, — продолжила Дув Лаха.

Монган не проронил ни слова. Тогда Дув Лаха подошла к окну.

— Кто же этот король? — спросила она.

Тогда молвил супруг ее:

— То правитель Лейнстера, — сказал он с грустью.

— И что же? — удивилась Дув Лаха, — разве мы не рады ему?

— Рады, конечно, — печально ответил Монган.

— Так пойдём и поприветствуем его должным образом, — предложила Дув Лаха.

— Лучше бы к нему вообще не подходить, — молвил Монган, — ибо идет он, чтобы завершить сделку.

— О какой сделке говоришь ты? — спросила Дув Лаха.

Однако Монган ничего на это не ответил.

— Выйдем, — сказал он, — мы же должны.

Монган и Дув Лаха вышли поприветствовать правителя Лейнстера. Привели его и нобилей его в чертоги, принесли им воды для омовения, распределили по палатам и сделали все, что должно делать для гостей.

В ту ночь был пир, а после пира празднество, и во все время пира и празднества правитель Лейнстера с восторгом взирал на Дув Лаху, порой испускала грудь его глубокие вздохи, а сам он иногда крутился как бы в смятении духа и душевном трепете.

— Что-то неладно с правителем Лейнстера, — прошептала Дув Лаха.

— Мне до этого дела нет, — ответил Монган.

— Спроси, чего ему надобно.

— Знать того не хочу, — молвил Монган.

— И все же спроси его, — настаивала она.

Тогда Монган спросил, и голос его был печален при этом.

— Желаете ли что-нибудь? — спросил он правителя Лейнстера.

— И впрямь, — ответил Брандуб.

— Если есть то в Ольстере, добуду для тебя, — печально молвил Монган.

— Она в Ольстере, — сказал Брандуб.

Не хотел Монган больше ни о чем говорить, но правитель Лейнстера был так настойчив, и все ему внимали, а Дув Лаха толкала его под руку, поэтому спросил он:

— Чего же ты хочешь?

— Хочу Дув Лаху!

— И я хочу ее, — ответил Монган.

— Ты заключил сделку, — настаивал правитель Лейнстера, — мои коровы и их телята против твоей Дув Лахи, а давший слово муж держит его.

— Никогда прежде не слышал я, — молвил Монган, — чтобы муж отдавал жену свою.

— Даже если и не слышал ранее, должен выполнить нынче, — ответила Дув Лаха, — ибо честь выше.

Когда же Дув Лаха молвила это, Монган вошел в раж. Лицо покраснело, аки закат, на шее и лбу вздулись вены.

— Так-то ты говоришь? — крикнул он Дув Лахе.

— Говорю, — ответила она.

— Пусть правитель Лейнстера заберет ее, — молвил Монган.

Глава XII

Дув Лаха и правитель Лейнстера отошли, чтобы поговорить, и глаза короля были огромными, словно блюда, трясло его прямо от вида Дув Лахи, так возбуждала она его взор. Он был так смущен от радости, что слова его застревали во рту, и Дув Лаха не могла взять в толк, что он пытался ей сказать, да он, казалось, и сам того не ведал. Однако наконец он произнес нечто внятное, и молвил:

— Я очень счастливый человек, — сказал он.

— А я, — ответила Дув Лаха, — самая счастливая женщина в мире.

— Почему ты счастлива? — спросил пораженный правитель.

— Послушай, — сказала она, — если ты попытаешься увести меня отсюда против моей воли, половина мужчин Ольстера будет мертва до того, как ты меня заберешь, другая же половина будет тяжко ранена, так как будет защищать меня.

— Сделка есть сделка, — начал правитель Лейнстера.

— Однако, — продолжила она, — не станут они мне мешать, если узнают, что я давным-давно в тебя влюблена.

— Что ты давным-давно? — спросил изумленный правитель.

— Влюблена в тебя, — ответила Дув Лаха.

— Вот это новость! — воскликнул правитель. — И новость хорошая.

— Однако клянусь, — сказала Дув Лаха, — не пойду с тобой, пока ты не пообещаешь мне кое-что.

— Все, чем владею, — воскликнул Брандуб, — и что есть у остальных.

— Ты должен дать мне слово и поклясться, что сделаешь, о чем прошу я.

— Даю и клянусь! — воскликнул на радостях правитель.

— Тогда, — молвила Дув Лаха, — вот к чему тебя обязываю.

— Проясни дело! — воскликнул он.

— До истечения года не проведешь ты ни одной ночи в доме вместе со мной.

— Головой и рукой клянусь! — протянул Брандуб.

— А если войдешь ты до этого сорока в дом, где я буду находиться, не должен ты садиться на стул, на коем сижу.

— Тяжка моя судьба! — простонал он в ответ.

— А если я сижу на стуле или кресле, — добавила Дув Лаха, — ты должен сидеть напротив меня и на известном расстоянии.

— О горе! — воскликнул Брандуб и всплеснул руками, начал бить ими себя по голове, а потом глянул на них и вокруг, словно ничего не видя, ибо разум его был затуманен, а мысли спутались.

— Зачем накладываешь на меня эти беды? — взмолился он.

— Хочу узнать, впрямь ли любишь ты меня.

— Люблю! — воскликнул король. — Люблю безумно и нежно, всеми чувствами и телесами.

— Так же и я, — молвила Дув Лаха. — Будет у нас дивный год для ухаживаний и радости. А теперь пошли, — продолжила она, — не терпится мне побыть с тобой.

— О горе! — молвил Брандуб, следуя за ней. — О горе, горе! — вздыхал правитель Лейнстера.

Глава XIII

— **П**олагаю, — сказала Пламенная, — кто бы ни потерял эту женщину, причин для грусти у него не было.

Монган взял ее за подбородок и поцеловал в губы.

— Все, что говоришь ты, прелестно, потому что ты прелесть, — молвил он, — ты моя услада и радость мира.

Затем слуги принесли ему вина, и испил он его с таким восторгом и столь обильно, что наблюдавшие за ним сочли: непременно лопнет он и утопит их. Однако он лишь громко и восторженно хохотал, так что золотые, серебряные и бронзовые сосуды звенели от его раскатов, а балки дома поскрипывали.

Молвил он:

— Монган любил Дув Лаху Белую Ручку больше жизни и больше своей чести. Все царства мира были ничто по сравнению с ремешком ее башмачка. Не смотрел он на закат, если мог видеть ее. Не стал бы слушать волынку, если мог слышать ее речи, ибо она была наслаждением веков, жемчужиной времени и чудом мира до последних его дней.

Она отправилась в Лейнстер с правителем этого края, и, когда она удалилась, Монган тяжело захворал, и казалось, никогда уж не поправится; и начал он чахнуть и сохнуть, и стал похож на скелет, кожу да кости и убожество.

И вот еще что надобно знать.

У Дув Лахи была молодая служанка, ее сводная сестра, и в день, когда Дув Лаха вышла замуж за Монгана, ее служанка вышла замуж за Мак ан Дава, который был слугой и сводным братом Монгана. Когда Дув Лаха удалилась с правителем Лейнстера, ее служанка, супруга Мак ан Дава, ушла вместе с ней, так что в ту пору в Ольсте-

ре было два холостяка, а именно король Монган и слуга его Мак ан Дав.

Однажды, когда Монган сидел на солнышке, горестно размышляя о судьбе своей, явился к нему Мак ан Дав.

— Как дела, хозяин? — спросил Мак ан Дав.

— Плохо, — ответил Монган.

— В недобрый день отправился ты с Мананном в Обещанную Землю, — молвил слуга.

— С чего ты взял? — спросил Монган.

— Да потому, — ответил Мак ан Дав, — что ничему не научился ты в Земле Обещанной, кроме как обжираться да бездельничать.

— Тебе-то что за дело? — сердито прикрикнул Монган.

— Конечно, мое это дело, — молвил Мак ан Дав, — ведь с твоей женой в Лейнстер уехала и моя супруга, а она бы никуда не делась, если бы ты не заключил сделку с этим проклятым правителем.

Тут Мак ан Дав зарыдал.

— Я-то ни с одним правителем сделок не заключал, — молвил он, — а жена моя все-таки ушла, и все это из-за тебя.

— Никто не сочувствует тебе больше, чем я, — ответил Монган.

— Есть такой, — молвил Мак ан Дав, — ибо мне горше всего.

Тут Монган поднялся.

— Ты в полном праве на меня жаловаться, — молвил он, — но я не позволю, чтобы чьи-то жалобы ко мне остались без ответа. Пойди, — сказал он Мак ан Даву, — в то место дивных, о котором мы оба знаем. Помнишь корзины, которые я там оставил? В одной земля Ирландии, а в другой — Шотландии. Принеси мне те корзины и землю.

— Скажи, для чего сие? — спросил слуга.

— Король Лейнстера спросит своих магов, что я делаю, а я сделаю вот что. Заберусь к тебе на спину и поставлю ногу в каждую из корзин; когда же Брандуб спросит у магов, где я, они скажут ему, что одной ногой я в Ирландии, а другой — в Шотландии, и пока они ему так говорят, он будет думать, что беспокоиться ему обо мне не стоит, а мы тем временем отправимся в Лейнстер.

— Тоже неплохо, — молвил Мак ан Дав.

И засим отправились они.

Глава XIV

То был долгий и нелегкий путь, ибо, хотя Мак ан Дав и был крепок сердцем и тверд волей, все же никто не может переть другого на своей спине из Ольстера в Лейнстер, да еще и шибко. Однако, если продолжать вести свинью или историю, в конце концов приведешь ее куда надобно, а если человек, оставив свой дом позади, делает шаг за шагом, дойдет он наконец и до края моря, и до края земли.

Добрались они до Лейнстера как раз к празднику на Маг-Лиффи, и пришлось им поспешать без роздыха, чтобы успеть вовремя. Так и добрались они до Келл-Камана¹ и смешались с толпой, что собиралась на праздник.

Большая и веселая толпа струилась вокруг них. Там были молодые мужчины и девушки, держались они за руки или обнимали друг друга за шеи. Мимо проходили женщины в теле, и, когда не болтали они друг с другом, их рты были набиты яблоками и пирогами с мясом. Легкий ветерок развевал зеленые, пурпурные и красные плащи за спинами молодых воинов, и не бросали они пренебрежительные взгляды на воинов постарше, лишь когда те ненароком смотрели на них. Там были ветераны боев с бородами в ярд, что подрагивали у них за плечами, как клочки сена, и если они не холили сломанную руку или пробитый череп, то лишь потому, что холили раны на животе или на ногах. Были там целые стайки молодцов, которые хихикали, пока хватало им воздуха, и сияли лицами, когда он заканчивался. Тайнственно перешептывались друг с другом ватаги мальчишек, тыкая одновременно пальцами по сторо-

¹ *англ.* Cell Camain.

нам, а потом вдруг срывались они с места, как табун диких лошадей. Там были мужики с телегами, полными жареного мяса. Были женщины с полными чанами медовухи, а другие несли в них молоко или пиво. Были люди всякого рода с качающимися башенками на головах, и капал из них мед. Дети с корзинами, набитыми красными яблоками, и старухи, торгующие морскими ракушками и вареными омарами. Люди, продававшие двадцать сортов хлеба с намазанным по верху маслом. Продавцы лука и сыра, другие же предлагали части доспехов, диковинные ножны, древки копий, шнуры для нагрудников. Одни люди подстригали волосы, предсказывали судьбу или мыли горячей водой из котла. Другие ковали лошадей или расшивали плащи; а иные удаляли пятна с мечей, раскрашивали ногти или торговали псами.

На праздник стекалась огромная и веселая толпа.

Монган со своим слугой сидел на травянистом пригорке у дороги и смотрел на проходящий мимо народ.

И тут Монган глянул направо, откуда они шли, а потом натянул капюшон плаща на уши и на лоб.

— Ох! — глубоко и встревоженно вздохнул он.

Мак ан Дав повернулся к нему.

— Живот прихватило, хозяин?

— Вовсе нет, — ответил Монган.

— Отчего же этот ужасный утробный звук?

— Подал знак, — молвил Монган.

— Да что ж такое? — сказал Мак ан Дав. — Что за знак?

— Глянь на дорогу в ту сторону и скажи мне, кто идет, — ответил его господин.

— Какой-то владыка со своим отрядом.

— Это правитель Лейнстера, — молвил Монган.

— Тот человек, — заметил Мак ан Дав, страшно сожалея, — кто забрал твою жену! И, — рыкнул он крайне свирепо, — тот человек, кто увел и мою жену в придачу, а придачу той ему не полагалось!

— Тс-с! — шепнул Монган, увидав, что некий человек, услышав его речь, остановился, чтобы подвязать обувь или послушать.

— Хозяин, — мовил Мак ан Дав, когда строй дружины прошел мимо.

- Что, мой добрый друг?
- Позвольте мне бросить камешек в правителя Лейнстера.
- Не позволю.
- Совсем малюсенький, примерно вдвое больше моей головы.
- Не позволяю! — приказал Монган.

Когда правитель скрылся из вида, Мак ан Дав издал глубокий заунывный стон.

- Охо-хо! — вздохнул он. — Охохонюшки-хо-хо!¹
- Тебе больно, мил человек? — спросил его человек, завязавший обутку.
- Вовсе нет, — ответил Мак ан Дав.
- Что же ты так воешь, словно побитая собака, мил человек?
- Иди отсюда, — ответил Мак ан Дав, — проваливай, плосколицый прохиндей.
- Не осталось в этом краю вежливости, — вздохнул незнакомец, отошел на некоторое расстояние, бросил оттуда камешек в Мак ан Дава и попал ему в нос.

¹ В оригинале «Oso'n! Oso'n-i'o-go-deo!»; с ирландского это можно перевести как «горе мне».

Глава XV

На дороге уже не было так многолюдно, как раньше. В какие-то моменты по ней приходило только несколько путников, а в другие вообще никого не было видно.

Затем на дороге появились двое мужчин, то были церковники.

— Никогда не видал я таких облачений, — заметил Мак ан Дав.

— Даже если и так, — ответил Монган, — тут их полно. Это люди, не верящие в наших богов, — добавил он.

— Неужто? — возмутился Мак ан Дав. — Негодяи! — добавил он. — Что бы сказал на это Мананн...

— Тот, кто несет перед собой большущую книгу, — это Тибраде. Он жрец Келл-Камана и главный из них.

— Точно, точно! — молвил Мак ан Дав. — А тот, что сзади, должно быть, служка; вон что-то тащит за спиной.

Церковники бормотали свои молитвы, и Мак ан Дав удивился этому.

— Что это они делают? — спросил он.

— Читают.

— Точно, так и есть, — сказал Мак ан Дав. — Не могу разобрать ни слова на их языке, кроме того, что человек позади говорит

«аминь, аминь» каждый раз, когда человек впереди побряхтывает. И они совсем не любят наших богов! — воскликнул Мак ан Дав.

— Не любят, — подтвердил Монган.

— Подшути над ними, хозяин, — предложил Мак ан Дав.

Монган согласился разыграть священников.

Посмотрел на них недолго пристально, а потом махнул им рукой.

Два церковника остановились, посмотрели прямо перед собой, потом друг на друга, а затем уставились на небо. Служка стал осенять себя крестным знаменем, потом и Тибраде начал креститься, и после того не знали они, что и поделать. Ибо там, где раньше была дорога с изгородами по обеим сторонам и простирающимися за ними полями, теперь не было ни дороги, ни изгородей, ни полей; вместо них путь им пересекала могучая широкая река; мощный плеск желто-бурых вод, очень быстрых и злобных, бурлил, вздымался и играл среди первобытных валунов и каменных островков. Воды те были злодейской глубины и мерзкой влажности, уродливой спешки и отчаянного гулкового рева. Чуть правее от них виднелся узкий неказистый мостик, болтавшийся над стремниной.

Тибраде протер глаза, а потом глянул снова.

— Ты видишь то же, что и я? — спросил он служку.

— Я не знаю, что видно тебе, — ответил служка, — но то, что вижу я, никогда я не видывал раньше, и лучше бы я на это нынче и не смотрел.

— Я родился в этих краях, — сказал Тибраде, — мой отец родился здесь раньше меня, и мой дед родился здесь раньше него, но до сего дня и этого мгновения никогда я не видал тут прежде реки и никогда не слышал о ней.

— Что же нам делать? — спросил служка. — Что же нам вообще делать?

— Будем благоразумны, — сурово заметил Тибраде, — и продолжим наши занятия, — молвил он. — Если реки падают с неба, то какое тебе до этого дело, и если тут река, а она тут, то, слава богу, через нее есть и мост.

— Хоть палец ты готов на этот мост поставить? — засомневался служка.

— А для чего этот мост? — молвил Тибраде.

Монган и Мак ан Дав проследовали за ними.

Когда они добрались до середины моста, он под ними подломился и монахи рухнули в бурлящую желтую воду.

Монган подхватил книгу, когда она выпала из рук Тибраде.

— Ты же не дашь им утопнуть, хозяин? — спросил Мак ан Дав.

— Нет, — ответил Монган, — отправлю их на милую вниз по течению, и тогда они смогут выбраться на сушу.

Затем Монган принял облик Тибраде, а Мака ан Дава превратил в служку.

— У меня голова облысела, — прошептал слуга.

— Это часть плана, — ответил Монган.

— Хотелось бы думать, — заметил Мак ан Дав.

Затем отправились они на встречу с правителем Лейнстера.

Глава XVI

Они повстречали его неподалеку от места, где проходили игрища.

— Душа моя, Тибраде! — воскликнул правитель Лейнстера и облобызал Монгана; тот поцеловал его в ответ.

— Аминь, аминь, — молвил Мак ан Дав.

— К чему это? — удивился правитель Лейнстера.

Тогда Мак ан Дав начал чихать, ибо не знал к чему.

— Давненько я не видал тебя, Тибраде, — молвил правитель, — но сей момент я очень тороплюсь. Отправляйся вперед меня в крепость и поговори там с королевой, а она там, это бывшая супруга короля Ольстера. Мой возничий Кевин Кохлах поедет с тобой, я же вскоре последую за тобой.

Затем правитель Лейнстера ушел, а Монган со своим слугой уехали с возничим и челядью.

Монган вычитывал фразы из книги, ибо находил ее занятной, и не хотел он болтать с возничим, а Мак ан Дав кричал «аминь, аминь» каждый раз, когда Монган останавливался. Шедшие подле них люди судачили о том, что Мак ан Дав — чудаковатый служка и что не видели они еще никого, у кого рот был бы так набит камнями.

Через некоторое время подошли они к крепости и без хлопот вошли внутрь, ибо вел их Кевин Кохлах, царский возничий. Затем их привели в чертог, где находилась Дув Лаха, и тогда Монган опустил глаза, ибо не хотел он глядеть на Дув Лаху, когда другие могли смотреть на нее.

— Пусть все покинут сей чертог, пока я буду говорить с королевой, — молвил он, и все служанки вышли из комнаты, кроме одной, которая не вышла, ибо не хотела оставлять свою госпожу.

Тогда Монган поднял глаза и глянул на Дув Лаху, подскочил к ней и приобнял, а Мак ан Дав дико, яро и страстно подскочил к служанке, обхватил ее, укусил за ухо, поцеловал ее в шею и омочил ей спину слезами.

— Убирайся! — крикнула девушка. — Отпусти меня, негодяй! — молвила она.

— И не подумаю, — ответил Мак ан Дав, — ибо я твой собственный муж, твой собственный Мак, твой крошка Мак, твой Маки-вак-вак.

В ответ служанка взвизгнула, и кусанула его за каждое ухо, и поцеловала в шею, и омочила ему спину слезами, и сказала, что не может такого быть, а вот случилось.

Глава XVII

Однако были они не одни, хотя так не считали. В чертоге пряталась охранявшая драгоценности карга. Сидела сгорбившись у стенки, и столь была похожа на кучу тряпья, что ее и не заметили. Тут она и заговорила.

— Ужасно то, что вижу я, — молвила она. — Ужасно, что я вижу.

Монган и его слуга подскочили от неожиданности, а их жены подпрыгнули и взвизгнули. Тогда Монган надул щеки так, что лицо его сделалось похожим на пузырь, и дыхнул он на ведьму чародейским дыханием так, что она оказалась как бы окружена туманом, и, когда глянула она сквозь это дыхание, все показалось ей не таким, как она думала. Тогда начала она просить у всех прощения.

— Было мне дурное видение, — молвила она, — видела все наперекосяк. Как печально, что начала я видеть вещи, что лишь мерещились мне.

— Присядь-ка на это сиденье, матушка, — молвил Монган, — да Расскажи мне, что, по-твоему, тебе померещилось.

Подсунул он под нее пикю, а Мак ан Дав толкнул ее на то сиденье, и померла она на пике.

Тут как раз раздался стук в дверь, и Мак ан Дав открыл ее. Снаружи стоял Тибраде, а с ним двадцать девять его людей, и все они гоготали.

— Мили и вполовину не хватило, — укоризненно молвил Мак ан Дав.

Управляющий крепостью ворвался в чертог и стал переводить взгляд с одного Табраде на другого.

— Урожайный нынче год, — молвил он. — Никогда еще не было так много Тибраде, как в этом сезоне. Внутри Тибраде и снаружи; кто знает, может под кроватью их еще несколько. Они тут кишмя кишат, — заметил он.

Монган указал на Тибраде.

— Разве ты не знаешь, кто это? — воскликнул он.

— Знаю, кем он себя называет, — молвил управляющий.

— Ну так это же Монган, — сказал Монган, — а эти двадцать девять человек — двадцать девять его нобилей из Ольстера.

При этом известии домашние похватили дубинки, палицы и все, что под руку подвернулось, и с ярой лютостью атаковали людей Тибраде. Когда же вошел правитель Лейнстера, ему сказали, что Тибраде — это Монган, и он тоже их атаковал, Тибраде же лишь с трудом удалось добраться до Келл-Камана с девятью своими людьми, и все они были изранены.

Затем правитель Лейнстера вернулся и вошел в чертог Дув Лахи.

— Где Тибраде? — спросил он.

— Здесь был не Тибраде, — сказала ведьма, все еще торчавшая на пике и вполовину немертвая. — Это был Монган.

— Почему ты подпустила его к себе? — просил правитель у Дув Лахи.

— Ни у кого нет бóльших прав находиться рядом со мной, чем у Монгана, — молвила Дув Лаха, — он же мой собственный муж, — заявила она.

И тогда правитель в ужасе воскликнул:

— Я побил людей Тибраде! — А после выбежал он из чертога. — Пошлите за Тибраде, обязан я извиниться! — крикнул. — Скажите, что все это ошибка. Скажите, что все дело в Монгане.

Глава XVIII

Монган со слугой отправился домой, и (ибо что может быть приятнее, чем воспоминания, закрепляемые в беседе?) какое-то время чувство успешно завершено приключения доставляло ему некоторое удовлетворение. Однако по прошествии того времени удовлетворение это улетучилось, и Монган сначала сделался унылым, затем угрюмым, а после этого таким же хворым, как и в прошлый раз. Ибо не мог он позабыть Дув Лаху Белую Ручку, но и не мог он вспоминать о ней без тоски и отчаяния.

В такой вот хвори, проистекающей от тоски и отчаяния, сидел он однажды и смотрел на белый свет, который казался черным, хоть и светило солнце, и был он скудным и нездоровым, хотя тяжкие осенние плоды лежали на земле и радость урожая царствовала вокруг них.

— Зима в моем сердце, — молвил он, — и мне зябко.

Размышлял он и о том, что однажды умрет, и эта мысль не была неприятной, ибо половина его жизни прошла на землях короля Лейнстера, а в сохранившейся еще половине не было никакой перчинки.

Так размышлял он, когда Мак ан Дав двинулся к нему по лугу, и заметил он, что Мак ан Дав брел, аки старик.

Он делал маленькие медленные шажки, колени при ходьбе не распрямлял, поэтому шел скованно. Одна его нога жалобно выворачивалась наружу, а другая скорбно заворачивалась внутрь. Грудь его была втянута, а голова выдавалась вперед и свисала до того места, где полагалось быть груди; руки скрючены, ладони перекрещены: одна ладонь была обращена к востоку, а другая — к западу.

— Как дела твои, Мак ан Дав? — спросил король.

— Плохо, — ответил Мак ан Дав.

— Сияет ли солнце, что вижу я, друг мой? — спросил король.

— Может, это и солнце, — ответил Мак ан Дав, с любопытством вглядываясь в золотое сияние, дремлющее вокруг, — а быть может, это желтый туман.

— Как жизнь вообще? — спросил король.

— Усталость и утомление, — ответил Мак ан Дав. — Долгий зевок без сонливости. Потерявшаяся в полночи пчела, жужжащая на стекле. Звуки, издаваемые привязанной собакой. Мечтаний недостойная. Вообще никакая.

— Как верно ты описываешь мои чувства к Дув Лахе, — заметил король.

— Я думал о своей овечке, — молвил Мак ан Дав. — Мечтал о своем сокровище, своей чаше веселья и пульсе моего сердца.

После этих слов он разрыдался.

— Увы! — молвил король.

— Однако ж, — всхлипнул Мак ан Дав, — имею ли право жаловаться? Я всего лишь слуга, и, хотя не заключал я никаких сделок с королем Лейнстера и ни с каким-либо другим владыкой, моя жена пропала, словно бы став супругой владыки, так же как и Дув Лаха.

Тут Монган пожалел слугу своего и поднялся.

— Хочу отправить тебя к Дув Лахе.

— Где одна, там будет и другая, — радостно воскликнул Мак ан Дав.

— Отправляйся, — сказал Монган, — в Рат-Дескирт, что в Бреге, — знаешь эти места?

— Так же хорошо, как мой язык мои зубы.

— Дув Лаха там; повидайся с ней и спроси, что она хочет от меня.

Мак ан Дав сходил туда и вернулся.

— Дув Лаха говорит, чтобы ты явился немедля, ибо правитель Лейнстера разъезжает по своим землям, а Кевин Кохлах, возничий, подкатывает к ней с любовью и хочет, чтобы она с ним сбежала.

Монган отправился в путь, и, поскольку шел он день и ночь, вскоре прибыл он в Брегу и пробрался в крепость, но, как только он проник внутрь, пришлось ему отступить, ибо правителя Лейнстера предупредили о движении Монгана и он тут же вернулся в свою крепость.

Когда ольстерцы увидели, в каком состоянии Монган, они безмерно огорчились и все из сострадания к своему правителю за-немогли. Нобили предложили ему выступить против Лейнстера, убить этого владыку и вернуть Дув Лаху, но Монган этот план не одобрил.

— Ибо, — молвил он, — то, что я потерял по собственной глупости, верну благодаря своим умениям.

После слов этих дух его воспрянул, и он позвал Мак ан Дава.

— Знаешь, друг мой, — молвил Монган, — не могу я вернуть Дув Лаху, пока правитель Лейнстера не повелит мне забрать ее, ибо сделка есть сделка.

— То случится, когда свиньи полетят, — ответил Мак ан Дав, — и, — добавил он, — я никаких сделок ни с одним правителем на свете не заключал.

— Я слышал, ты это уже говорил раньше, — молвил Монган.

— Буду говорить это до конца света, — воскликнул слуга, — ибо жена моя попала к этому зловредному правителю и он получил вдвое за твою дурацкую сделку.

Засим Монган и его слуга отправились в Лейнстер.

Подойдя к этому краю, увидели они огромную толпу, шедшую по той же дороге, и узнали, что правитель устраивает пир в честь своей свадьбы с Дув Лахой, ибо год ожидания почти истек, а правитель поклялся более не мешкать.

Поэтому шли они далее уже пав духом и наконец увидели возвышавшиеся перед ними стены королевского замка и благородных господ, прохаживавшихся по лужайке туда и сюда.

Глава XIX

Уселись они в таком месте, откуда могли наблюдать за замком и где могли передохнуть после дороги.

— Как мы собираемся попасть в замок? — спросил Мак ан Дав.

Ибо у огромных ворот стояли алебардчики на карауле, а по стенам через короткие промежутки стояли копейщики, а на нужных местах стояли люди, чтобы сбрасывать горячее варево с крыш.

— Не так, так эдак, — молвил Монган.

— Оба годятся, — ответил Мак ан Дав, — и, что бы ты ни выбрал, я с тобой.

И тут увидели они мельничную ведьму¹, что выходила из мельницы, стоявшей чуть далее по дороге.

Мельничная ведьма была костлявой, худой, колченогой каргой. Одна ступня у ней была непомерно большой, так что, когда приподнимала она ее, та тянула каргу за собой; а вторая ступня была такой маленькой, что, когда поднимала она ее, не знала, что с ней и делать. Карга была такой долговязой, что казалось, и концов ее не видать, и была она такой тощей, что казалось, и не видно ее вовсе. Один глаз у нее был на носу, на месте носа было ухо, а сам нос свисал с подбородка, а вокруг него торчала щетина. Одета карга была в красную тряпку с бахромчатой дыркой посредине, и она напевала кошке, урчащей у нее на плече: «Тише, тише, моя престель».

За спиной карги брел рослый тощий пес по кличке Бротар. Ни одного зуба у него в пасти не было, торчал только один клык,

¹ Мельничная ведьма (*ирл.* Cailleach an Mhuilinn) — традиционный персонаж ирландского фольклора.

*Мельничная ведьма была костлявой, худой, колченогой каргой.
Одна ступня у нее была непомерно большой,
так что, когда приподнимала она ее, та тянула каргу за собой*

да и тот болел. Через каждую пару шагов пес присаживался, тянул морду кверху и долго тоскливо жаловался на свой зуб; а после вытягивал заднюю лапу и пытался этот клык вытащить; а затем опять тянули его за соломенную веревку, привязанную к его шее, другой же ее конец был прикреплен к огромной ступне ведьмы.

С ней была еще и старая, мослатая, костлявая, одноглазая, запыхивающаяся кобыла со здоровенной башкой. Всякий раз, как делала она шаг передней ногой, вздрагивала всем телом до задних ног, а когда шагала задней ногой, сотрясалась всем телом до передних, и свистела она носом, когда запыхивалась, а на крупе у нее восседала здоровенная тощая курица. Монган взирал на мельничную ведьму с обожанием и восхищением.

— На этот раз, — сказал он Мак ан Даву, — я верну свою жену.

— Уж конечно, — сердечно откликнулся Мак ан Дав, — и мою верни.

— Пойди, — сказал Монган, — и скажи мельничной ведьме, что надо мне с ней переговорить.

Мак ан Дав привел каргу к нему.

— Правда то, что слуга говорит? — спросила она.

— А что он сказал? — спросил Монган.

— Сказал, что ты хочешь со мной потолковать.

— Это верно, — молвил Монган.

— О, чудный час и славная минута! — сказала карга. — Впервые за шестьдесят лет кто-то хочет со мной поболтать. Давай говори, — предложила она, — и я тебя выслушаю, если припомню, как это делается. Толкуй тихонько, — предупредила, — чтобы не потревожить моих зверушек, ведь все они хворые.

— И впрямь хворые, — с сожалением заметил Мак ан Дав.

— У кошки болит хвост, — сказала она, — сидит она слишком близко к раскаленной плите. У собаки ноет клык, у лошади болит живот, а у курицы — типун.

— Как печален этот мир, — заметил Мак ан Дав.

— Уж точно! — поддакнула карга.

— Скажи мне, — начал Монган, — будь у тебя желание, чего бы хотела?

Карга стащила кошку с плеча и сунула Мак ан Даву.

— Подержи-ка ее, пока я думаю, — сказала она.

— Быть может, ты хочешь стать красивой молодой? — спросил Монган.

— Лучше уж быть ободраным угрем, — ответила она.

— Может, ты хотела бы выйти за меня или за правителя Лейнстера?

— Пошла бы за любого из вас, или за обоих, или за того, кто первым подвернется.

— Вот и славно, — молвил Монган, — твое желание сбудется.

Коснулся он ее пальцем, и в то же мгновение вся ее дряхлость, кривобокость и старость покинули ее, и стала она так красива, что и глаз не отвести, и так молода, словно было ей всего шестнадцать.

— Более ты не мельничная ведьма, — заявил Монган, — а Айвел Сияющие Щечки, дочка правителя Мюнстера.

Коснулся он и пса, и превратился тот в маленькую шелковистую болонку, которая могла уместиться на ладони. Затем превратил он старую кобылу в ретивого пегого скакуна. Потом изменил он и себя, став подобием Айда, сына короля Коннахта, который только что женился на Айвел Сияющие Щечки, а потом превратил он Мак ан Дава в подобие слуги Айда, и все они отправились к крепости, напевая песню, которая начиналась так:

Моя жена пригожей любой другой жены,
Любой жены, любой чужой жены,
Моя жена пригожей любой другой жены,
И спорить с этим люди, конечно, не должны.

Глава XX

Привратник сообщил правителю Лейнстера, что у ворот стоят сын короля Коннахта, Айд Прекрасный, и его жена, Айвел Сияющие Щечки, ибо были они изгнаны из Коннахта отцом Айвела и ищут теперь защиты у короля Лейнстера.

Брандуб сам пошел к воротам, чтобы поприветствовать их, и, как только взглянул он на Айвел Сияющие Щечки, стало ясно, что глядеть ему на нее любо.

Дело шло к вечеру, для гостей был приготовлен пир, а следом празднество. На пиру Дув Лаха сидела рядом с правителем Лейнстера, а Монган устроился напротив и насылал на ведьму все новые и новые чары, так что ее щеки сияли, а глаза блестели, и сделалась она совершенно обворожительной; когда же Брандуб глядел на нее, она становилась как бы все более и более великолепной и желанной, и наконец не осталось в его теле ни одной косточки, хоть с дюйм, коя не была бы наполнена любовью и томлением к этой деве.

Через каждые несколько мгновений он тяжело вздыхал, как будто обожрался, а когда Дув Лаха спросила, не переел ли он, тот ответил, что да, но пил недостаточно, под этим подразумевая, что не испил достаточно взоров девушки напротив.

На устроенном далее празднестве снова поглядывал он на нее и всякий раз, когда пил, бросал взгляд на Айвел через край своего кубка, а через некоторое время и она начала поглядывать на него в ответ через край своей чаши, ибо он пил эль, а она — медовуху. Затем он послал к ней гонца сказать, что гораздо лучше быть женой короля Лейнстера, чем женой сына правителя Коннахта, ибо

король лучше королевича, Айвел же сочла, что мудрее этого никто на свете и не сказывал. А потом он послал ей весточку, что любит ее так сильно, что непременно лопнет от любви, если она не схлынет.

Монган услышал тот шепот и сказал ведьме, что, если совершит она, что он ей скажет, непременно получит в мужа либо его самого, либо правителя Лейнстера.

— Любому из вас буду рада, — ответила карга.

— Когда король скажет, что любит тебя, попроси его доказать это подарками и сначала попроси его рог для питья.

Она попросила, и он прислал ей рог, наполненный добрым питьем; затем она попросила его пояс, он прислал ей и его.

Люди возражали своему правителю и говорили, что несправедливо отдавать сокровища Лейнстера жене сына короля Коннахта; однако он ответил, что не имеет это значения, ибо, когда получит он девушку, вернет вместе с ней и свои сокровища. Однако каждый раз, когда он посылал что-нибудь ведьме, Мак ан Дав выхватывал это у нее под столом и складывал себе в карман.

— Теперь, — указал Монган ведьме, — передай слуге, что ты не оставишь своего собственного мужа ни за какие сокровища мира.

Она молвила то слуге, а тот передал королю. И когда Брандуб услышал это, он чуть не сошел с ума от любви, желания и ревности, а также из-за ярости, ведь сокровища, которое он подарил ей, возможно, и не вернутся. Подозвал он к себе Монгана и заговорил с ним угрожающе и злобно.

— Я не из тех, кто берет вещь, ничего не давая взамен, — рявкнул он.

— Никто о таком не говорил, — согласился Монган.

— Видишь женщину рядом со мной? — продолжил он, указывая на Дув Лаху.

— Вижу, — ответил Монган.

— Так вот, — продолжил Брандуб, — эта женщина — Дув Лаха Белая Ручка; я забрал ее у Монгана, и она собирается нынче выйти за меня, но, если ты согласишься на обмен, можешь жениться на этой Дув Лахе, а я женюсь на сидящей там Айвел Сияющие Щечки.

Тут Монган притворился, что очень сердит.

— Если бы пришел я сюда с лошадьми и сокровищами, ты был бы вправе взять их у меня, но нет у тебя права просить, о чем теперь просишь.

— А я прошу, — угрожающе молвил Брандуб, — и ты не вправе отказывать господину.

— Ладно, — неохотно согласился Монган, словно донельзя убоявшись. — Если хочешь поменяться, я пойду на это, хотя это разбивает мне сердце.

Затем подвел он Айвел к королю и трижды облобызал ее.

— Король что-нибудь заподозрит, если я тебя не поцелую, — прошептал он и передал ведьму правителю. После этого все пили и веселились, и вскоре послышался ядреный храп и фыркание, скоро заснули и все слуги, так что Монган уже не мог разжиться выпивкой. Мак ан Дав сказал, что сие позорище, и начал пинать некоторых слуг, но они даже не шелохнулись; затем он пробрался в конюшню и взнуздal двух кобыл. На одну сел с женой позади него, а Монган вскочил на другую с Дув Лахой позади, и полетели они в сторону Ольстера, аки ветер, напевая такую песню:

Правитель Лейнстера женат,
Женат сегодня, этим днем,
Правитель Лейнстера женат,
И каждый воин тому рад.

Утром слуги пришли будить правителя Лейнстера, и, когда увидели они рожу карги, лежавшей на подушке рядом с королем, и ее нос, весь поросший волосами, и ее огромную ступню, и крошечную, что свешивались с края ложа, начали они хохотать, тыкая друг друга в бока и хлопая по плечам; и шум сей разбудил правителя, и он спросил, что с ними такое творится. А увидав ведьму, лежащую рядом с ним, издал он оглушительный крик и спрыгнул с ложа.

— Ты что — мельничная ведьма? — изумился он.

— Именно я, — ответила она, — и люблю я тебя донельзя.

— Глаза бы мои на тебя не смотрели, — молвил Брандуб.

Тут и конец истории, и, поведав ее, Монган расхохотался и потребовал еще вина. И выпил он славно, словно терзаемый жаждой,

отчаянием и дикой радостью, но, когда Пламенная расплакалась, он обнял ее, приласкал и сказал, что она любовь его сердца и единственное сокровище в целом свете.

После этого они пировали в свое удовольствие, а под конец пирушки покинули Дивноземье и вернулись в мир людей.

Пришли они к дворцу Монгана в Маг-Лиффи и, только добравшись до чертогов, поняли, что отсутствовали целый год, а ведь им казалось, что не было их только одну ночь. Зажили они вместе в мире и любви, на этом истории и конец, однако Бротирна не знала, что Монган был Финном.

Настоятель подался вперед.

— Монган был Финном? — прошептал он.

— Был, — ответил Кайрид.

— Точно, точно! — молвил настоятель, а потом добавил: — В твоей повести есть только один кусок, который мне не нравится.

— Какой? — спросил Кайрид.

— Тот, где со святым человеком Тибраде жестоко обошелся этот мерзк... этот Монган.

Кайрид согласился, что это был дурной поступок, но про себя подумал с радостью, что всякий раз, когда его будут просить поведать, как рассказал он историю Монгана, станет вспоминать он сказанное настоятелем.

Популяризатор ирландской мифологии

Наряду с библейскими сказаниями важную роль в становлении европейской культуры сыграла древнегреческая мифология. В этом легко убедиться, пройдя по залам любого крупного музея Европы, в котором представлена академическая живопись. Изрядная доля представленных там полотен будет обыгрывать сюжеты, посвященные олимпийским богам или приключениям античных героев. Однако мало кто читал соответствующие исходные античные тексты, пусть и в переводе. Обычно мы знакомимся с античной мифологией, уже «переваренной» знатоками древнегреческого языка. В Германии, к примеру, таким популяризатором был в XIX веке немецкий поэт, писатель и теолог, знаток древних языков Густав Шваб. Его капитальная книга «Мифы и притчи классической древности» многократно переиздавалась и в XX веке. В России на рубеже XIX и XX веков античные мифы излагал профессор Петербургского университета, видный знаток античности Фаддей Францевич Зелинский. В советское время множество изданий выдержала замечательная книга историка и педагога Николая Альбертовича Куна «Легенды и мифы Древней Греции».

По сравнению с мифологией древнегреческой древние легенды некоторых других стран Европы представлены в популярной литературе не так обильно, однако от этого они не менее любопытны и колоритны. Хороший пример наряду со скандинавскими мифами дают нам древние ирландские предания. Одним их ярких популяризаторов этого пласта культуры стал в начале XX века самобытный поэт и писатель Джеймс Стивенс. Его интерес к этой теме во многом сформировал его как литератора, и именно благодаря этим мифам Стивенс вошел в историю европейской литературы.

Начало жизни этого человека было безрадостным. Джеймс появился на свет в Дублине в последней четверти XIX века. Сам он считал датой своего рождения 2 февраля 1882 года, хотя это факт недостоверный, но об этом чуть позже. Отцом мальчика был скромный канцелярский посыльный, получавший мизерное жалование. Он скончался, когда Джеймсу едва исполнилось два года. Через четыре года мать будущего писателя повторно вышла замуж, но материальное положение семьи от этого заметно не улучшилось. Дело доходило до того, что Джеймсу приходилось порой просить милостыню на ули-

цах Дублина, и вскоре было принято решено отдать его в одну из так называемых протестантских промышленных школ для мальчиков.

*Дж. Стивенс,
июль 1926 г.*

Такие заведения были созданы в Ирландии в середине XIX века стараниями аристократки Луизы Августы Конолли. Она была дочерью герцога Ричмонда, отец которого, по слухам, был внебрачным сыном английского короля Карла II. Супруг Луизы был богатым землевладельцем и успешным политиком — в 1759 году он стал членом парламента. В материальном плане Луиза ни в чем не нуждалась, при этом она считала своим гражданским долгом заниматься судьбами детей из самых низких слоев ирландского общества.

Закон о создании промышленных школ в Ирландии был издан в 1868 году. Главной задачей таких учреждений было заботиться о «бездзорных, сиротских и брошенных детях». По сути, эти ирландские школы копировали печально известные английские работные дома. И хотя задачей таких заведений было помогать обездоленным детям, изолируя их от тлетворного влияния улицы, сами бедняки старались их избегать, ведь условия содержания в подобных заведениях были сравнимы с тюремными. Лучше всех ужасы рабочего дома описал, пожалуй, Чарльз Диккенс в своем романе «Приключения Оливера Твиста». Разумеется, условия содержания в промышленной школе, куда отдали юного Джеймса, были не столь уж мрачными, однако впечатления от тамошнего пребывания у него остались безрадостными.

Начало самостоятельной жизни Стивенса немного напоминало стезю рано скончавшегося отца юноши. В 1896 году Джеймс стал клерком некоего мистера Уоллеса; это была мелкая должность с мизерным окладом. Через четыре года началась служба в адвокатской конторе «Реддингтон и Сейнсбери». От серости унылых будней Джеймса спасали две страсти — спорт и интерес к истории Ирландии. Стивенс был коротышкой — его рост едва превышал полтора метра, однако Джеймс, как и наш Пушкин, компенсировал этот недостаток страстностью и бешеной энергией.

В начале XX века живой интерес к истории Ирландии, и современной, и древней, привел юношу в редакцию журнала «Айриш ревью», и там он познакомился с ирландским поэтом Джорджем Уильямом Расселлом. Этот че-

ловец был хорошо известен в Дублине как один из лидеров так называемого Ирландского литературного возрождения. Странники этого направления агитировали за рост ирландского национализма и самосознания. В Ирландское возрождение входили ученые, литераторы, музыканты, поэты и писатели; все они стремились развивать ирландское искусство. Среди них, к примеру, был поэт и драматург Уильям Йейтс, ставший лауреатом Нобелевской премии по литературе в 1923 году. Его интересовал ирландский фольклор; в конце XIX века Йейтс стал автором сборника «Сказки и народные предания ирландского крестьянства». Другой сторонник Ирландского возрождения, Дуглас Хайд, в 1890 году опубликовал сборник фольклора на ирландском языке «У огня». В 1899 году Йейтс и его единомышленники основали Ирландский литературный театр.

Вот в этот круг литераторов и патриотов Ирландии Джордж Расселл и ввел Стивенса, прозорливо заметив в этом молодом человеке зерна дарования. Стивенс начал время от времени играть в театре; подобно Расселлу, он стал писать стихи. Первый его стихотворный сборник был опубликован в 1909 году. В то же время Стивенс понял, что ирландский фольклор, легенды и предания его родины, предоставляют начинающему литератору прекрасный материал для самостоятельного творчества. Стивенс с головой ушел в его переработку. В результате в 1912 году была опубликована книга «Кувшин с золотом», в которой ярко проявился самобытный литературный талант Стивенса. Это был не просто сборник сказок и не изложение древних мифов, а нечто совершенно особенное. Стивенс обильно нашпиговал свой текст юмором, ироничными комментариями, многочисленными отсылками к ирландскому фольклору и псевдофилософскими истинами. Через два года после публикации «Кувшин с золотом» получил литературную премию и начал регулярно переиздаваться.

*С. С. Котелянский, Дж. Стивенс
и Леди Оттолайн Моррелл, 1935 г.*

Внесение своей лепты в развитие национальной ирландской литературы носило для Стивенса не только просветительский характер. В этой работе всегда чувствовался и политический подтекст, элемент борьбы за независимость Ирландии. Не случайно один из друзей Стивенса по литературному кругу, Томас Макдона, был не только поэтом и драматургом, но и революционером. Он стал одним из семи человек, написавших Прокламацию о создании Ирландской Республики. Во время так называемого Пасхального восстания 1916 г. Макдона командовал батальоном добровольцев и был за это казнен. Стивенс чуть позже опишет эти драматические события, участником которых мог бы стать и он.

Литературный талант Стивенса ярко проявился в другом его сборнике — «Ирландские предания». В отличие от упомянутых выше популяризаторов древнегреческих мифов Г. Шваба или Н. Куна Стивенс не просто излагает содержание древних сказаний. Его «Ирландские предания» — это в первую очередь оригинальное и непростое для перевода на другие языки литературное произведение; оно обладает своей стилистикой и яркими метафорами. В то же время Стивенс продолжает писать стихи, выпуская порой по два–три сборника ежегодно.

Однако жить одним литературным творчеством для Стивенса в финансовом плане было непросто, ведь он давно человек семейный. Выходом их положения становятся лекционные туры по Америке, во время которых Стивенс в том числе рассказывает и об ирландской мифологии, о которой столь мало было известно в Новом Свете. Первая такая поездка состоялась в 1925 году; с небольшими перерывами эти литературные турне продолжаются до 1935 года. В последние пятнадцать лет своей жизни Стивенс — признанный литератор. За его плечами не только «Кувшин с золотом», но и другие крупные произведения, основанные на ирландском фольклоре: «Выгравированный в лунном свете», «Полубоги». Он получает почетный диплом Дублинского университета и регулярно принимает участие в просветительских программах, организуемых Би-би-си. Оригинальный стиль Стивенса был хорошо известен в Ирландии. Возможно, именно он стал причиной длительной дружбы писателя с другим ирландским писателем — Джеймсом Джойсом. Через два года после завершения своего знаменитого романа «Улисс», который принес Джойсу всемирную славу, писатель начал работать над новым масштабным произведением — романом «Поминки по Финнегану».

Произведение это должно было, по задумке Джойса, стать новаторским, ни на что не похожим. Таким оно и вышло. В результате многие после публи-

кации «Поминок по Финнегану» сочли этот роман литературной неудачей Джойса. В частности, В. Набоков писал, что это «какая-то бесформенная серая масса подложного фольклора, не книга, а остывший пудинг... и только нечастые проблески божественной интонации изредка еще расцвечивают безжизненный пейзаж этой вещи».

Джойс корпел над этим своим романом долгих шестнадцать лет. У писателя развивалась глаукома, и он опасался, что просто не успеет закончить работу над ним. На фоне этого беспокойства у Джойса возникла идея найти себе в среде ирландских литераторов помощника, который смог бы в критической ситуации закончить это произведение. Выбор Джойса пал именно на Стивенса. Впрочем, возможно Стивенс специально подогрел интерес Джойса к своей персоне, утверждая, что родился ровно в тот день, месяц и год, что и великий Джойс, — 2 февраля 1882 года. Историки же склонны считать, что Стивенс появился двумя годами ранее и не в феврале. В любом случае Джойс записал Стивенса в свои чуть ли не преемники, прекрасно понимая, что только этот литератор сможет дотащить перегруженный воз его романа до намеченного финала. К счастью, Джойсу удалось закончить «Поминок по Финнегану» самостоятельно, однако сам факт говорит многое о писательском таланте последнего.

Стивенс прожил долгую жизнь. Он скончался, разменяв девятый десяток, 26 декабря 1950 года. После него осталось множество стихов, несколько романов и сборники творчески переработанных ирландских легенд, по которым знакомиться с фольклором этой страны интересно и по сей день.

Джеймс Джойс озаглавил этот снимок «Три ирландские великолепия».

Джеймс Стивенс, Джеймс Джойс, тенор Джон О'Салливан. Париж, 1929 год

Мастер золотого века английской иллюстрации

Вышедшая в 1920 году книга Джеймса Стивенса «Ирландские предания» была украшена работами знаменитого британского художника Артура Рэкхема. К этому времени этого человека называли одним из выдающихся мастеров золотого века британской книжной иллюстрации. За его плечами

*Артур Рэкхем
пастель, 1900 г.*

были сотни рисунков к таким знаковым литературным произведениям, как «Приключения Алисы в Стране чудес» Льюиса Кэрролла, «Сказки матушки Гусыни» Шарля Перро, сказки братьев Гримм, басни Эзопа, «Путешествия Гулливера» Джонатана Свифта, «Роман о короле Артуре и его рыцарях Круглого стола» Альфреда Полларда, произведения Чарльза Диккенса и многие другие, менее известные россиянам произведения вроде «Подвиги на фьорде» Гарриет Мартино или «Английские сказки» Флоры Энни Стил.

К моменту публикации сборника Стивенса Рэкхему было пятьдесят три года — пора творческого расцвета. Рэкхем появился на свет в районе Южного Лондона в многодетной семье, в которой к моменту его рождения было уже одиннадцать детей. Крепким здоровьем мальчик не отличался, врачи настоятельно советовали его родителям сменить для него лондонские туманы на яркое солнце какой-нибудь из британских колоний в южном полушарии, и в результате Артур совершил в сопровождении своих теток вояж в далекую Австралию. Вероятно, путешествие пошло семнадцатилетнему Рэкхему на пользу, — в Лондон он вернулся полным сил и планов на будущее. Впрочем, поскольку никакого специального образования у юноши не было, свою самостоятельную жизнь он начал

со скромной должности клерка Вестминстерской пожарной службы. Однако просиживание штанов и канцелярская рутина Артура совершенно не устраивали. Ему хотелось заняться какой-то более творческой работой, и в результате он стал посещать основанную в 1854 году Ламбетскую школу искусств, да-ром что она располагалась недалеко от места его службы — фактически в центре Лондона. Будущее показало, что это было верным решением — молодой человек обнаружил в себе задатки рисовальщика и начал упорно шлифовать этот навык.

Когда Рэкхему стукнуло двадцать пять, он оставил свою службу и стал сотрудником только что созданной британской газеты «Вестминстер баджет», которой требовались иллюстраторы. Газета эта просуществовала недолго — всего одиннадцать лет, до 1904 года, однако и первого в ней года работы Артуру хватило, чтобы почувствовать свое призвание. К этому времени он уже стал мастером линейного рисунка.

Публиковавшиеся в газете картинки Рэкхема привлекли к себе внимание знатоков, и уже очень скоро Артур получил заказ выполнить иллюстрации к одной из новелл британского писателя и драматурга сэра Энтони Хоупа Хокинса, более известного в литературных кругах как Энтони Хоуп, который в своем творчестве развивал такое направление, как, руританский роман (Руритания — выдуманная Хоупом страна, в которой происходили приключения его героев).

Рэкхем прекрасно справился с этой работой. Более того, он почувствовал, что иллюстрации к произведениям в стиле фэнтези — это его призвание. Не случайно следующей его крупной работой стали рисунки к «Легендам Инголдсби». Это был сборник мифов, легенд и рассказов о привидениях, написанных неким Томасом Инголдсби из поместья Тэппингтон (на самом деле

*Артур Рэкхем со своими котами,
1920-е годы*

под фамилией Инголдсби скрывался английский священник Ричард Харрис Бархэм). Позже были рисунки к сказкам и приключенческой литературе...

В самом начале XX века Рэкхем уже снискал себе репутацию признанного мастера черно-белых иллюстраций. Однако в 1905 году Артур сделал еще один шаг вперед. Он занялся изготовлением цветных иллюстраций, благо техника того времени уже позволяла их тиражировать. По стилю и колориту книжные иллюстрации Рэкхема того времени напоминали японские ксилографии эпохи Мэйдзи. В результате в 1906 году Рэкхем получил за свои работы золотую медаль на Международной выставке в Милане и еще одну — на Международной выставке в Барселоне в 1912 году. Это был период расцвета британской книжной иллюстрации; он продлился до Первой мировой войны. Нередко в одной книге Рэкхем сочетал цветные и монохромные работы. К примеру, такой прием он использовал при оформлении «Книги чудес для девочек и мальчиков» мастера американской литературы Натаниэля Хоторна.

Часто в то время цветные иллюстрации Рэкхема украшали шикарные дорогие издания, которые было принято дарить на Рождество. Оригинальные же рисунки художника нередко выставлялись на многочисленных выставках, в том числе в Лувре; потом они продавались на международных художественных аукционах.

После иллюстрирования сборника ирландских преданий Джеймса Стивенса Рэкхем успел поработать над оформлением еще многих замечательных книг. Среди них были «Пер Гюнт» Генрика Ибсена, произведения Эдгара Аллана По, «Легенда о Сонной Лощине» Вашингтона Ирвинга, «Буря» Уильяма Шекспира, «Гамельнский крысолов» Роберта Браунинга и многие другие. Последними работами мастера стали выполненные им в 1939 году иллюстрации к известной сказочной повести шотландского писателя Кеннета Грэма «Ветер в ивах». Эта книга с иллюстрациями вышла уже после кончины Артура Рэкхема.

СОДЕРЖАНИЕ

История Туана Мак-Кайрила.....	5
Юность Финна	32
Рождение Брана	82
Мать Ошина.....	97
Сватовство к Бекфоле.....	115
Схватка в Аллене	134
Вахлак Дранный Плащ.....	146
Зачарованная пещера у Кеш-Коррана.....	167
Белокожая Бекума	182
Наваждение Монгана	213
Популяризатор ирландской мифологии	263
Мастер золотого века английской иллюстрации.....	268

Джеймс Стивенс

ИРЛАНДСКИЕ ПРЕДАНИЯ

На основании п. 2.3 статьи 1 Федерального закона № 436-ФЗ от 29.12.2010 не требуется знак информационной продукции, так как данное издание классического произведения имеет значительную историческую, художественную и культурную ценность для общества

Компьютерная верстка,
обработка иллюстраций
А. Корсаковой

Дизайн обложки,
подготовка к печати
А. Яскевича

Сдано в печать 03.08.2022
Объем 17 печ. листов
Тираж 3100 экз.
Заказ № 4047/22

Бумага
Омела мелованная матовая 115 г/м²

ООО «СЗКЭО»
Телефон в Санкт-Петербурге: +7 (812) 365-40-44
E-mail: knigi@szko.ru
Интернет-магазин: www.szko.ru

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1, комплекс №3А,
www.pareto-print.ru

Ирландия — колоритная страна со своей древней историей. Известным популяризатором ее древних мифов стал Джеймс Стивенс. Будущий писатель появился на свет в Дублине в последней четверти XIX в. Детство мальчика было безрадостным. Его отец, обычный посыльный, получал более чем скромное жалование. Он скончался, когда Джеймсу едва исполнилось два года. Азы начального образования Стивенс получил в одной из протестантских промышленных школ. Такие заведения были созданы в Ирландии в середине XIX в. для мальчиков из беднейших семей. В 1896 г. Джеймс стал клерком с мизерным окладом. От серости унылых будней молодого человека спасал интерес к истории Ирландии. Вскоре юноша стал членом группы «Ирландское литературное возрождение», куда входили ученые, музыканты, поэты и писатели, стремившиеся развивать ирландское искусство. В 1912 г. Стивенс закончил работу над книгой «Кувшин с золотом». Это был не просто сборник сказок и не изложение древних мифов, а нечто совершенно особенное. Стивенс обильно нашпиговал свой текст юмором, ироничными комментариями и многочисленными отсылками к ирландскому фольклору. Самобытный литературный талант Стивенса ярко проявился и в другом его сборнике — «Ирландские предания», чья стилистика также уникальна. Стивенс стал автором и многих других произведений, основанных на ирландском фольклоре. Писатель прожил долгую жизнь. Он скончался, разменяв девятый десяток, в конце декабря 1950 г. После него осталось множество стихов, несколько романов и сборники творчески переработанных легенд, по которым знакомиться с фольклором Ирландии интересно и по сей день.

В этом издании текст «Ирландских преданий» украшают работы знаменитого британского художника Артура Рэкхема, которого заслуженно считают выдающимся мастером Золотого века британской книжной иллюстрации. В 1920 г., когда были опубликованы «Ирландские предания», Рэкхему было пятьдесят три года — пора творческого расцвета. Начало его жизненного пути немного напоминало историю Стивенса — юный Рэкхем начал самостоятельную жизнь со скромной должности клерка. Однако канцелярская рутина Артура совершенно не устраивала. Ему хотелось заняться какой-то более творческой работой, и в результате он начал брать уроки рисования. Прошло не так много времени, и к началу XX в. Рэкхем снискал себе репутацию признанного мастера книжных иллюстраций. Рисунки Рэкхема часто украшали шикарные дорогие издания. Оригиналы же нередко выставлялись на многочисленных выставках, в том числе в Лувре, и продавались на международных художественных аукционах.

ISBN 978-5-9603-0767-3

